Империалистическая война
Ее Причины и следствия

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ЕЕ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕД. К. ШЕЛАВИНА

Рабочее издательство „ПРИБОЙ“ Ленинград 1924

Империалистическая
ВОЙНА
ЕЕ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕД. К. ШЕЛАВИНА

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“ Ленинград 1924.

Ленинградский гублит № 10327. Тираж 10000

Государственная типография имени тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14

ГЛАВА I.

Причины мировой войны 1914—1918 г.г.

1. Введение.

1-го августа 1914 года началась мировая война и продолжалась 4 года, три месяца и двадцать шесть дней.

Десять лет прошло с того дня, когда разыгралась эта кровавая баня человечества. Ее итог—больше 25 милл. убитых, искалеченных, изуродованных людей.

Еще в 1917 г., когда война не была окончена, немецкий социал-патриот Парвус рассчитал, что похоронная процессия из 7 милл. только убитых к тому сроку растянулась бы от Парижа до Владивостока. Чтобы перевезти всю эту груду пушечного мяса, потребовалось бы тысячи маршрутных поездов.

В брошюре „Через горнило империалистической войны" (изд. Ц. К. 1919 г.), тов. Н. Осинский пишет, что в окрестностях Парижа во Франции и, по слухам, также в других странах, устроены особые колонии городки, в которых заключены все калеки войны, вид которых невыносим для человеческого глаза. Это—поистине живые музеи-памятники войны. Там находятся человеческие обрубки,—люди, превращенные в чудовищ. „У одного нет нижней части головы, нет рта и носа, так что питать его приходится через трубку, вставленную в горло. У другого нет черепной коробки,—ее заменяет особый футляр,—нет глаз, ушей, искромсана шея. Есть такие, у которых нет рук, ног и лица,—остался жить обрубок, сохранивший мозг и туловище. Те из этих инвалидов, которые могут двигаться,—носят маски для того, чтобы не пугать своим видом людей, имеющих с ними дело... Это—дома ужасов. Буржуазия закрыла доступ в них, как и в другие ее святилища—биржу, дипломатические канцелярии, военные штабы. Но умственный взор рабочих должен быть направлен туда" (Н. Осинский).

Другой итог,—это голод, болезни и всевозможные страдания уцелевших от войны рабочих и крестьян, на почве

всеобщего разорения и обнищания, которые война взвалила на плечи трудового человечества.

В манифесте 5-го Конгресса Коминтерна к десятилетию мировой войны говорится по этому поводу: „Сейчас, оглядываясь назад, каждый из нас спрашивает себя: каким образом мыслимо было это безумие? Но еще важнее и острее другой вопрос: не грозит ли нам его повторение?“

Повторение этого безумия, новых, несравнимо больших, несказанно ужаснейших картин бойни и отравления ядовитыми газами человечества действительно грозит нам в ближайшем будущем. Это мы постараемся доказать в конце нашей брошюры. Теперь же скажем, что причины, вызвавшие первую мировую войну в общем и целом—одни и те же причины, которые неизбежно вызовут и вторую, если усилиями всех трудящихся эти причины не будут стерты с лица земли, не будут изничтожены.

Вот почему из двух вопросов: „каким образом мыслимо было это безумие“ и „не грозит ли нам его повторение“,— решающее значение приобретает вопрос „о причинах мировой войны 1914—18 годов“. Эти причины должны быть изучены, должны быть со всей ясностью поняты трудовым человечеством для того, чтобы знать, что делать, как уничтожить корень зла, как не допустить новой мировой кровавой бойни.

Чтобы ответить на этот вопрос, чтобы разобраться в истинных причинах мировой войны, мы должны прежде всего уяснить себе сущность империализма и затем понять, кто был виноват. Вопрос „кто виноват“ мы поставим при этом совсем не так, как ставит его буржуазия и ее лакеи, социалисты-предатели, которые до сих пор не могут разобраться, кто же виноват? Это потому, что им дано лишь „на других кривиться“, если вспомнить басню Крылова, и невдомек, что „не лучше-ль на себя кума оборотиться“.

2. Сущность империализма.

а) Концентрация производства и монополия.

Известно, что капитализм основан на частной собственности на средства производства. Капиталист производит товары не для того, чтобы удовлетворять потребностям общества, или дать возможность зарабатывать рабочим, а с целью собственного обогащения с целью наживы. Чем больше он выбрасывает на рынок товаров, тем больше наживается. Поэтому движущей силой капиталистического производства является свободная конкуренция, когда капита-

листы в перегонку друг перед дружкой стараются возможно больше производить и продавать товары.

Чем крупнее предприятие, тем больше оно производит товаров, тем успешнее может оно конкурировать, продавая товары дешевле и побивая менее крупного противника. Поэтому каждый капиталист стремится расширить, усовершенствовать свое предприятие, стремится разорить своего конкурента. Происходит беспрерывная война, в которой сильный уничтожает слабого, или равные об'единяются в одно целое. „Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма“ (Н. Ленин—„Империализм, как новейший этап капитализма“). Это и есть концентрация производства. Благодаря этому появляются синдикаты, тресты, акционерные общества, комбинированные предприятия (см. курс „Политграмоты“ Бердникова и Светлова), которые, как мы увидим ниже, сращиваются с финансовыми об'единениями и начинают хозяйничать в стране, как им заблагорассудится. В Германии, напр., в 1913 г. в Рейнско-Вестфальском угольном районе, который является наиболее крупным районом, больше 92% добычи угля было сосредоточено в руках одного синдиката, половину всей производимой в Германии стали вырабатывал также один синдикат; сахарный трест вырабатывал 70% всего сахара; В России синдикат „Продамета“ сосредоточивал в своих руках производство 81% всего сортового и 74% листового железа всей империи и т. п.

А вот интересный пример того, чем располагало крупное производство по сравнению с мелким в Германии перед войной. Тов. Ленин в вышеупомянутой книге пишет: „Если взять то, что в Германии называется промышленностью в широком смысле, т.-е. включая и торговлю и пути сообщения и т. п, то получим следующую картину. Крупных заведений—30.588 из 3.265.623 всех, т.-е. 9%. У них рабочих—5,7 мил. из 14,4 мил., т.-е. 39,5%; паровых лошадиных сил—6,6 мил. из 8,8 мил., т.-е. 75%; электрических, 1,2 мил. килоуат из 1,5 мил., т.-е. 80%“. Стало быть, „десятки тысяч крупных предприятий, все—миллионы мелких—ничто!“

Понятно, что с такими предприятиями никто в данной стране конкурировать не может. Они легко сговариваются и назначают, какие им угодно цены на свои товары. Они закабаляют рабочих. Начинается грабеж своей „родины“. Свободная конкуренция превращается в свою противоположность—в монополию, т.-е. исключительное право на производство и продажу товаров в данной отрасли произ-

водства. Но чем дальше идет концентрация, тем большие горы товаров выбрасывают гигантские предприятия. Сбывать их и получать сырье только в своей стране становится невозможным. Огромные прибыли, получаемые от таких предприятий, не находят себе применения. Начинается погоня за новыми странами с целью их эксплоатации. Предприятия дальше расширяются, производство еще больше укрупняется. Таким образом, конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский процесс обобществления производства, „Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц... Гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее" (Ленин.—Вышецитиров. книга).

Порождение монополии концентрацией является основным законом современной стадии развития капитализма. Монополия—это фундамент новой эпохи капитализма, имя которому—империализм.

Начало новой эпохи капитализма относится приблизительно к концу 19—началу 20 веков. Основные этапы развития монополистического капитализма: 1) 1860—70 г. г.—наивысшая ступень развития свободной конкуренции, монополии зарождаются, 2) после кризиса 1873 г. широкая полоса образования синдикатов и их укрепления и 3) конец 19 века и кризис 1900—1903 г. г. характеризуется уже картелями, как основой всей хозяйственной жизни, и капитализм превращается в империализм, т.-е. новейший капитализм.

Но понимание монополистического капитализма было бы не полным без выяснения роли банков, без рассмотрения в связи с этим финансового капитала.

б) Банки, финансовый капитал.

Вначале банки были учреждениями, только принимающими вклады и дающими взаймы или посредниками в платежах. Возникли они с развитием крупных предприятий, когда капиталист, получив прибыль, не мог сразу ее употребить в дело, так как, чтобы расширить большое предприятие, скажем, данной суммы не хватало. Полученная прибыль, таким образом, бездействует, никого не эксплоатирует. Тогда является банк, который принимает свободные деньги на „хранение" и дает за это процент; но банку не было бы смысла хранить деньги и потом возвращать их с приплатой. Банкир не любуется ими, как скупой рыцарь в подвале. Он их дает в долг другому капиталисту, который

берет их затем, чтобы присоединить к имеющимся у него свободным деньгам (скажем, не хватало не очень много) и расширить предприятие или другим образом пустить в оборот. Тут банк берет больший процент, чем сам дает вкладчику и на этом наживается. Вот простая первоначальная роль банка. Их было много. Все они были мелкие.

Но параллельно концентрации производства происходит и концентрация банкового дела. „По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки превращаются из скромных посредников во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм“ (Ленин.—Вышецитированная книга, стр. 21). Так, напр., в Германии уже в 1912—1913 г. г. мелкие банки были оттеснены крупными, из которых всего 9 концентрировали почти половину всех вкладов, а в Соединенных Штатах Северной Америки два важнейших банка—Рокфеллер и Морган руководят 6.507-мью банками и через посредство их управляют чуть ли не половиной всех американских капиталов и бесчисленным количеством промышленных предприятий страны.

Банк из простого посредника в платежах превращается в управителя промышленностью. Сконцентрированное банковое дело сращивается с промышленностью. Банк, ссудив капиталиста большими деньгами, начинает указывать ему, как вести дело, чтобы получилась прибыль. Поэтому банковое дело способствовало концентрации производства и усилению монополий кучки капиталистов над всем производством всего мира. Подсчитано, что перед войной „500 чел. крупнейших банкиров держат в своих руках весь мир“ (Зиновьев—„Война и кризис социализма“, стр. 159).

Банки приобретают полное господство над биржей. Благодаря огромным суммам денег, они имеют возможность проделывать спекулятивные операции. Банк скупает, напр., бумаги акционерного пушечного завода по 113 руб. и ждет, пока они повысятся в цене, затем продает их, напр., по 123 р. Если он их имел 10.000, то, продав всю партию, он заработает 100.000 р. Если же банк опять хочет нажиться на этих бумагах, он через своих агентов распространяет ложные слухи, напр., о заключении мира, — бумаги начинают катастрофически падать, и он их скупает за бесценок; выждав некоторое время (слухи окажутся неверными), когда бумаги снова поднимутся—банк опять продает их и в не-

сколько часов наживает миллионы. Если банк пожелает завладеть каким либо предприятием, он выпускает на биржу все акции данного предприятия. Появление множества акций создает паническое настроение на бирже, бумаги стремительно падают в цене, и банк их скупает,—овладевает большинством акций, и предприятие переходит в его руки. Вот примеры концентрации банкового капитала, усиления концентрации производства, установления монополии над всем производством. Конечно, в свою очередь на концентрацию банкового капитала влияет и рост крупной промышленности.

Таким образом, исчезают отдельные средние или мелкие хозяева. Владельцами промышленности становятся акционерные общества и стоящие за их спиной банки и единичные миллионеры и миллиардеры (Путилов, Морозов, Ротшильд, Рокфеллер и т. п. финансовый капитал в лицах). Кучка банкиров и промышленников управляет всем. К их услугам государство с его законами, войсками, полицией, печатью, учеными и т. п.

20-й век—поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала.

Что такое финансовый капитал? Концентрация производства; монополия, вырастающая из нее, слияние или сращивание банков с промышленностью—вот содержание этого понятия.

Если подсчитать соотношение сил финансового капитала перед войной, то еще в 1910 г. мы имеем следующую картину. Общая сумма ценных бумаг во всем мире приблизительно равнялась 600 миллиардов франков. Из них—Англия имела 142 мд., Соединенные Штаты 132 мд., Франция—110 мд., Германия—95 мд. Другие государства—от 31 мд. (Россия) до 2,5 мд.—Швеция, Норвегия, Румыния и др.

Из этих цифр видно, что 4 страны (Англия, С.-Штаты, Франция и Германия), вместе взятые, имели 479 млд. франков, т. - е. почти 80% всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир так или иначе был должником или данником этих стран мировых банкиров. „Этих четырех“ столпов „всемирного финансового капитала“ (Ленин).

Совершенно ясно, что при таком неравномерном скоплении финансового капитала в немногих странах, особое значение приобретает вывоз капитала и приложение его за пределами данного государства. Если для старого капитализма, когда господствовала свободная конкуренция, типичен был вывоз товаров, то для новейшего капитализма, с господством монополий стал типичным вывоз капитала. Вывоз стал необходим потому, что, благодаря неравномер-

ному развитию капитализма, а это его также характерная черта, получился избыток капитала в передовых странах.

Конечно в этих же странах земледелие невероятно отстало от промышленности, жизненный уровень масс оставался попрежнему полуголодный и нищенский, но обратить на это избытки капитала—было бы понижением прибыли капиталиста. Капиталисту нужна прибыль—вот его конек! Поэтому он вывозит избыток капитала обыкновенно в отсталые страны. Там он сумеет как следует нажиться. Там он получит дешевую рабочую силу и сырье.

Гигантского развития вывоз капитала достиг также в начале 20 века. „Перед войной вложенный за границей капитал трех главных стран (Англия, Франция, Германия) достигал 175.200 мил. франков. Доход с этой суммы, по скромной норме 5% должен достигать 8—10 мд. в год. Солидная основа империалистического угнетения и эксплоатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма, горстки богатейших государств!“ (Ленин).

Вывоз капитала за границу ускоряет развитие капитализма в отсталых странах. Постепенно финансовый капитал раскидывает свои сети на все страны мира. Он приводит к прямому разделу мира между хищниками финансового капитала, между передовыми группами империализма.

в) Раздел мира между империалистами.

Монополистические союзы капиталистов—картели, синдикаты, тресты, акционерные общества, поделив между собой внутренний рынок, захватив производство данной страны в свои руки, переходят к новой степени концентрации капитала и производства, еще более высокой. Образуются международные картели. Напр., в 1900 г. электрическая промышленность всего мира была сосредоточена у семи производственных об‘единений, при чем каждое состояло из нескольких обществ, которых было 28 и за каждым об‘единением стояло от 2 до 11 банков. Из всех этих групп в 1907 г. вырастает один трест, так как два гиганта—Американская „Всеобщая Компания Электричества“ и Германская „Всеобщая Компания Электричества“ заключают между собой договор о дележе мира. Конкуренция устраняется: „Всеобщая Компания Электричества“ Америки получает Соединенные Штаты и Канаду, а Германская—берет себе Германию, Австрию, Россию, Голландию, Данию, Щвейцарию, Турцию и Балканы.

В таких случаях социал-предатели приходят в восторг и начинают проповедывать, что на этой почве прекратится бешеная борьба за раздел мира, что уничтожится конку-

ренция отдельных империализмов, а стало быть и возможность войны. Забывается лишь одна мелочь, которая однако погубит весь капитализм и его приспешников. Это неравномерное развитие сил империализмов, поделивших мир. „Раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает передела, если отношения силы, вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п.— изменяются“ (Ленин,—„Империализм“, стр. 64).

Раздел мира в экономическом отношении между союзами капиталистов вызывает определенные отношения между политическими союзами государств на почве территориального раздела мира, начинается борьба за колонии. „Мы переживаем эпоху всемирно-колониальной политики, которая теснейшим образом связана с „новейшею ступенью в развитии капитализма“, с „финансовым капиталом“, писал тов. Ленин в 1915 г. „Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей, сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках“. Так говорил в 1895 г. миллионер, финансовый король Англии, Сесиль Родс,—главный виновник Англо-бурской войны.

В период времени с 1876 по начало 20 века был заключен раздел мира. В 1914 году мы имеем следующую картину раздела мира (см. таблицу).

Вот картина раздела мира, изображенная тов. Лениным. Тов. Зиновьев говорит: „В итоге получается, что шесть „великих“ империалистических держав с населением в 437 мил. людей поработили 2.220 мил. людей, составляющих остальное население мира. И только из-за окончательного раздела и передела мира дерутся и воюют между собою в различных комбинациях эти шесть гигантов рабовладельцев“ („Война и кризис социализма“, стр. 173).

Гнет и эксплоатация в колониях достигает высших пределов. Тов. Зиновьев пишет: „Зверства и грабежи, проделываемые слугами германского империализма над населением колоний... невероятные, наказание розгами считается самым легким наказанием в Камеруне. Во время восстания в Виктории германские чиновники, Лейст и Велау, держали связанными на солнцепеке сотни негров, пока те не умирали от жажды. В колонии сбывают отбросы германского милитаризма, которые ведут себя как Чингис-ханы. Жен подвергают порке в присутствии их мужей. Морят голодом, сжигают целые поселки, стреляют при всяком поводе и ведут себя, по выражению Бебеля, как мясники. В начале

Название государств.	ВСЕГО		Метрополии (стран. госп.)		Колонии	
	мил. кв. килом.	милл. жител.	мил. кв. килом.	милл. жител.	мил. кв. килом.	милл. жител.
1. Англия	38,8	440,0	0,3	46,5	33,5	393,5
2. Россия	22,8	169,4	5,4	136,2	17,4	33,2
3. Франция	11,1	95,1	0,5	39,6	10,6	55,5
4. Германия	3,4	77,2	0,5	64,9	2,9	12,3
5. С. Штаты	9,7	106,7	9,4	97,0	0,3	9,7
6. Япония	0,7	72,7	0,4	53,0	0,3	19,2
Итого 6 великих держав.	81,5	960,6	16,5	437,2	65,0	523,4
7. Колонии принадл. не великим держав (Бельгия, Голландия и др.)	9,9	45,3	—	—	9,9	45,3
8. Полуколонии (Персия, Китай, Турция)	14,5	361,2	—	—	—	—
9. Остальные страны	28,0	289,0	—	—	—	—
Весь земной шар (без полярной обл.)	133,9	1.657,0				

восстания в Герреро племя это насчитывало 100.000 чел., а 1 января 1913 г. по официальной статистике в Герреро осталось только 21.699 человек". Вот оно насаждение культуры. „В 1850—1875 г.г. в Индии умерло от голода 5.000.000 человек, а за 1875—1900 г.г.—26.000.000 человек. Прибавим, что от чумы за 1896 г. в Индии умерло 2.000.000 чел. Напомним, что бывш. Аглийский вице-король Индии лорд Керзон исчисляет средний годовой доход жителя британской Индии в 13 руб. Напомним, что все эти ужасы вызваны главным образом тем, что Англия огромную часть урожая вывозит из Индии (отсюда—голод), что поборы и налоги ложатся главным образом на земледельческое население (около 80% всех налогов)" и т. д. („Война и кризис социализма", стр. 132).

Эти характерные примеры показывают, сколько же ужасов посеяли шесть империалистических держав среди 523,4 милл. населения их колоний.

С первых дней колониальной политики империализма и по сие время идет борьба за колонии. Она бывает то мирной, то военной. Если мы заглянем в историю этой политики, то с последней четверти 19-го века, до войны 1914 г., самый грубый подсчет дает нам цифру в 22 войны, в результате захватнической политики империалистов и 17 конфликтов, которые вызывали войну, но были разрешены другими способами борьбы. Такова основная черта новейшего капитализма, ибо „чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний“ (Ленин, „Империализм“, стр. 78).

г) Паразитизм и загнивание капитализма.

Еще одна характерная черта империализма—это паразитизм и загнивание капитализма.

Одно из основных явлений загнивания капитализма есть тенденция к застою. Дело в том, что „поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени, побудительные причины к техническому, а, следовательно, и всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс“ (Ленин). Конечно, конкуренция на мировом рынке не допускает абсолютного в этом отношении застоя, но на известные промежутки времени в отдельных странах, в отдельных отраслях промышленности это загнивание имеется, и оно влияет на неравномерное развитие капитализма.

Кроме того, готовясь к вооруженной борьбе за раздел или передел мира, капиталистические государства, или союзы их, увеличивают армию и флот, увеличивают массовое производство оружия и других средств истребления. На это затрачиваются громадные средства. Милитаризм или рост вооружений поглощает невероятное количество трудовой энергии, направленной, следовательно, вовсе не в сторону прогресса и развития хозяйственно-полезной деятельности, а на разрушение, на ломку, на уничтожение средств производства трудящихся и их труда. Расходы на военные приготовления в капиталистических государствах отнимают все большую и большую часть народных средств. Достаточно указать на следующие цифры: в Англии, напр., в 1904 году из каждых 100 рубл. государственного бюджета—53 р. 80 к. шло на армию и флот, 22 р. 50 к. на погашение го-

сударственных долгов и уплату процентов по займам и лишь 23 р. 70 к. оставались на все гражданские учреждения. В России в 1914 г. смета военно-морского ведомства достигала 1.058 милл. рублей, что составляло около половины всего государственного бюджета.

Далее, с огромным ростом финансового капитала, неизбежно создается слой капиталистов-рантье, т.-е. лиц, совершенно оторвавшихся от всякого участия в производстве и живущих лишь „стрижкой купонов". Вывоз капитала еще больше увеличивает этот паразитизм, и получаются государства-рантье, государства-паразиты, или государства—ростовщики (напр. Франция), живущие эксплоатацией труда нескольких колоний. Достаточно привести два ярких примера из книги т. Ленина „Империализм". Доход от „помещенного" вне Англии капитала, доход рантье в 1889 году равнялся 90—100 милл. фунтов стерлингов. Доход Англии от ввоза и вывоза, от всей внешней и колониальной торговли, в том же году равнялся 18 милл. фунт. стерл., т.-е. в пять раз меньше дохода рантье. „Доход рантье впятеро превышает доход от внешней торговли в самой торговой стране мира! Вот сущность империализма и империалистического паразитизма!" (Ленин, цит. кн., стр. 98). Другой пример: народный доход Англии с 1865 г. по 1898 г. удвоился, а доход от „заграницы" за это время вырос в 9 раз. Вся большая часть земли в Англии отнимается от сельскохозяйственного производства. Для чего бы вы думали? Она идет под спорт и охоту, под забавы богачей! „На одни только скачки и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 милл. фунт. стерл. (около 130 милл. руб.). Число рантье в Англии составляет около одного миллиона. Процент производительного населения понижается" (Ленин). Если, например, в 1851 г., в Англии рабочих было 23% из всего населения, то в 1901 году их уже было только 15%.

Можно бы предположить, что в конце-концов главные империалистические государства превратятся в страны, в которых будет только развлечение окруженных слугами капиталистов и никакого производства! Вся тяжесть труда будет взвалена на порабощенные народы в колониях. За это собственно, в скрытой форме и ратуют социал-предатели в роде Каутского, и, если бы силы империализма не встретили противодействия, дошло бы именно до этого, но... „не следует забывать тех противодействующих империализму вообще, и оппортунизму в частности, сил"—говорит т. Ленин. Действие равно противодействию. Всякой эксплоатации есть же свой предел! Прежде чем дойдет дело до такого колоссального рабовладельчества—капитализм будет свергнут эксплоатируемыми.

Наконец, еще одно зловредное явление империализма. „Он имеет тенденцию и среди рабочих выделять привилегированные разряды и откалывать их от широкой массы пролетариата. На громадные прибыли от эксплоатации колониальных рабочих капиталисты имеют возможность бросать крохи верхушкам рабочего класса своей страны, подкупая их и превращая в соглашателей и „отечественников“ (Ленин). Это до некоторой степени способно порождать временное загнивание рабочего движения. В этом корень зла, из которого выросли все социал-предатели, сыгравшие не малую роль в войне 1914—18 г. и борьба с которыми является насущным вопросом III Коминтерна.

д) Империализм, как новейший и последний этап капитализма.

„Экономической основой новейшего этапа капитализма является (как мы видели) монополия, выросшая из конкуренции. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее выросла и вырастает монополия... и в то же время монополии, выросшие из концентрации, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю“ (Ленин, „Империализм“, стр. 84). Другими словами, производство-то становится общественным, социалистическим, а распределение остается капиталистическим, частно-собственническим. Вот в чем основное противоречие, раздирающее империализм и порождающее все остальные противоречия и конфликты. Далее, неравномерность развития империализма. Каутский со вздохом облегчения находит, что вот де несколько империализмов об'единятся в „сверхимпериализм“, прекратится бешеная борьба за раздел мира, уничтожится конкуренция и возможность войн, а тов. Ленин говорит: „при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния интересов колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии, тоже Япония по сравнению с Россией (одно равновесие), через десяток—

другой лет, мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение сил между империалистическими державами? Абсолютно немыслимо“, т.-е. неизбежно создается другое равновесие, вернее, отсутствие равновесия сил. Поэтому обязательно начинается конфликт, разрешаемый мирной или вооруженной борьбой.

Следовательно, какие-бы союзы ни возникали, какие бы договоры ни заключали отдельные империалистические государства, как бы ни сливались отдельные империализмы, вплоть до какого-нибудь всеобщего союза всех империализмов,—все это будет временной передышкой между войнами. „Мирные союзы подготовляют войны, и, в свою очередь, вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и не мирной борьбы, из одной и той же почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики“ (Ленин, „Империализм“, стр. 117).

Империализм бьется в противоречиях. Идет беспрерывная борьба—то мирная, то военная. Эта борьба полна, следовательно, потрясений, то мирного, то военного характера. В этом—тупик. В этом загнивание и застой, и лишь в одном прогресс: чем дальше, тем потрясения больше, значительнее страшнее. Мировая война и есть наиболее значительное потрясение. Но ведь мыслимы ли дальше еще большие потрясения?

„Война и сегодня царит над человечеством в скрытом состоянии. Что такое новое решение вопроса о германских платежах—„план экспертов“, как не применение методов войны в решении основных экономических вопросов? Америка, карманы которой набиты европейским золотом, опирается на военную силу Франции и предписывает Германии определенный хозяйственный режим в наказание за то, что та дала себя победить“ (из Манифеста 5 Конгресса Коминтерна к десятилетию войны).

Сможет ли дальше выдерживать трудовое человечество потрясения империалистической борьбы? возможно ли перенести следующую готовящуюся мировую войну, в сто раз ужаснейшую по силе истреблений? Нет, невозможно! Поэтому капитализм должен быть свергнут: империализм есть умирающий капитализм, говорил тов. Ленин. Он должен быть убит, иначе весь мир израсходует на свое лечение прежде, чем умереть.

Таким образом, основное противоречие империализма—противоречие между способом производства (производство общественное) и способом распределения (частное, капиталистическое). Отсюда вытекает: 1) противоречие между трудом и капиталом. Угнетение и ухудшение положения

рабочего класса достигло высшей степени. Столкновение неизбежно. Никакими мирными способами дальше решаться конфликты между двумя классами не могут; 2) противоречия между финансовыми группами и империалистическими государствами или борьба за раздел и передел мира, что неизбежно ведет к опустошительным потрясениям, к войнам; 3) противоречия между горстью господствующих „цивилизованных“ (паразитизм) „наций“ и между десятками и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира, угнетаемых всеми мыслимыми и немыслимыми способами, и другие противоречия. В этих противоречиях задыхается империализм, и в них он найдет себе могилу.

е) В чем сущность империализма.

Подведем итоги всему сказанному. Каковы наиболее характерные черты империализма: 1) концентрация производства и капитала до уровня монополии, играющей решающую роль в хозяйственной жизни, 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого „финансового капитала“, финансовой олигархии, 3) вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение, 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, 5) закончен территориальный раздел мира между крупнейшими капиталистическими державами и 6) паразитизм и загнивание капитализма, со всеми противоречиями, характеризующими его, как умирающий капитализм.

Стало быть, сущность капитализма можно выразить иначе следующими словами. Империализм есть социально-экономическая политика умирающего капитализма, стремящегося к созданию возможно обширных хозяйственных территорий и мировых империй. Он характеризуется стремлением окончательно заменить свободную конкуренцию монополией, слиянием банкового капитала с промышленным. Он обозначает высшую и последнюю стадию развития капитализма, когда наиболее существенное значение имеет не только вывоз товаров, но и вывоз капитала. Он представляет собой эпоху, когда закончен раздел мира между несколькими крупнейшими капиталистическими державами и идет борьба из-за раздела его остатков и нового передела. Наконец в эпоху империализма экономические предпосылки для осуществления социализма созрели в большинстве передовых стран и капиталистический способ распределения тормозит дальнейшее развитие производительных сил. Буржуазия же в колониальной политике, в подкупе верхушек рабочего

класса и в кровавых войнах ищет отсрочки надвигающегося краха капитализма.

Вот к чему сводится сущность империализма. Вот к чему сводится и истинный ответ на вопрос о причинах войны 1914—1918 годов. Корень зла—империализм. Не будь его—не было бы войны. Не будет его—не будет войны.

Однако, кто же виноват?

Теперь нам в этом представляется возможным разобраться. Обратимся к „упрямой вещи“—фактам истории.

3. Кто виноват?

а) Империалистические войны до мировой войны.

Когда ищут виновника уголовного преступления, например большой кражи со взломом,—обыкновенно обращаются к спискам воров-громил, специалистов, которым это дело привычно. Поэтому и нам прежде, чем прямо отвечать на поставленный вопрос, следует преподнести „пышный букет“ буржуазии всех стран к десятилетнему юбилею войны, вот он:

Список войн из-за интересов буржуазии с последней четверти 19-го века

1) 1873 — 1879 г.г. Войны Голландии с султаном на Суматре.
2) 1876 г. Война сербов с черногорцами против Турции.
3) 1877—78 г. Русско-турецкая война.
4) 1879 г. Война Англии против зулусов.
5) „ Три английские армии вступают в Афганистан (Англия добивается уступок).
6) 1883—5 г. Война Франции с Китаем (из-за Тонкина).
7) 1885 г. Сербо-болгарская война.
8) „ Россия против Афганистана. („Победа“ генерала Комарова).
9) 1893 г. Война французов и покорение Дагомеи (Гвинеи).
10) 1894 г. Война Японии с Китаем из-за Кореи.
11) 1895 г. „ Испании с островом Кубой.
12) 1896 г. „ Италии с Менеликом (Абиссинская война).
13) 1897 г. Греко-турецкая война.
14) 1898 г. Американо-испанская война (из-за острова Кубы).
15) 1899—1900 г. Англо-бурская война.

16) 1900 г. Война европейских держав против Китая (боксерская война).

17) 1904 г. Англия против Тибета.

18) 1904—5 г. Война Германии против герреро.

19) „ Русско-японская война.

20) 1911—12 г. Война Италии с Турцией (из-за Триполи).

21) 1912 г. Война балканских славян против Турции.

22) 1913 г. „ „Славян между собою“ (Сербия и Греция против Болгарии).

Таможенные войны.

23) С 1886 по 1890 г.г. Болгария с Турцией, Австро-Венгрия с Румынией.

24) С 1887 по 1897 г. Франция с Италией.

25) 1892—4 г. Россия с Германией.

26) 1893—5 г. Франция с Испанией и Швейцарией.

27) 1894—99 г. Германия с Испанией.

28) 1903—10 г. „ с Канадой.

29) 1906—11 г. Австро-Венгрия с Сербией.

30) 1908—11 г. Австро-Венгрия с Черногорией и др. войны.

Итого тридцать войн за 40 лет! Если подсчитать грубо продолжительность каждой из этих войн, то получим больше 6 лет войны. За сорок лет только пять лет нигде не было войны (1880—1881, 1882, 1901 и 1902 г. г.).

Это букет не полный. Он не из всех „цветов“, выросших на поле преступлений буржуазии. Но достаточно и этого, чтобы понять, что мир был поделен и полит как следует человеческой кровью. Как поделили?

б) „Тройственное Согласие“ и „Тройственный Союз“.

Во второй половине прошлого столетия от Англии отделились Соединенные Штаты. Англия и Соединенные Штаты в то время являлись наиболее капиталистически развитыми. Поэтому они усиленно стали искать новых рынков. Соединенные Штаты быстро нашли их в той же Америке.

Первая из европейских держав, вступившая на путь колониальной политики, была Англия. Она забрала лучшие колонии во всех частях света: Индия, Гон-Конг, Афганистан—в Азии; Канада, Лабрадор и Гвиана—в Америке; Новая Гвинея; Гибралтар—в Европе; Египет, Суэц, Замбези, Трансвааль, Капланд, Оранжевая республика—в Африке и множество больших и малых островов во всех океанах. В общем, колонии Англии, по данным до войны 1914 г., были больше самой Англии в 100 раз. Англия долгое время была

по торговле, флоту, промышленности мировым гегемоном, „владычицей морей“.

После Англии следует Франция. У французских империалистов аппетит развивался очень быстро, но, так как незанятых колоний было уже меньше, то и досталось ей меньше, чем Англии: Индо-Китай—в Азии, острова в Океании, французская Гвиана, Мартиника—в Америке, Алжир, Тунис, Сенегаль, Гвинея, Конго, Мадагаскар, Судан, впоследствии Марокко—в Африке и др. В общем, французских колоний в 20 раз больше самой Франции.

Крестьянская Россия, отсталая, голодная, в то время как сама служила рынком для иностранных товаров и капиталов, тоже потянулась за колониями. Для нее оставались некультурные (!) соседи ближнего и дальнего Востока. Русские империалисты не считались с тем, что их крестьяне ходили в лаптях и одевались при помощи допотопных веретен. Русские ситцы направлялись в Персию, Монголию, на дальний Восток. Крестьянин голодал, а русские хлебопромышленники мечтали о Дарданеллах и Константинополе.

Сахарозаводчики сплавляли сахар в Англию и продавали там в четыре раза дешевле, чем у себя (конкурировали).

В общем и целом, Россия захватила колоний площадью в 17 милл. километров, т.-е. больше чем в пять раз, чем была сама.

Примерно к концу 19 века мир был уже почти поделен между державами „Тройственного Согласия“ (Англия, Франция, Россия) и Соединенными Штатами, и, когда на мировую арену появились молодые капиталистические государства (Германия, Австрия, Италия), сложившиеся впоследствии в так наз. „Тройственный Союз“ (заключен 20 мая 1882 г.), они пришли уже, что называется, к „шапочному разбору“.

Как могло случиться, что они опоздали в колониальной политике? До начала 80 годов эти государства были разрознены и только что вступили на путь капиталистического развития. В 70-е годы они воевали между собой. Пруссия, около которой группировались мелкие государства, разбила австрийцев и этим положила начало своему об‘единению; Италия вела долгую и тяжелую войну с Австрией за независимость. Австро-Венгрию разоряли внутренние национальные распри.

В 1871 г. Пруссия победила Францию и получила от нее две провинции, Эльзас и Лотарингию, и 5 миллиардов франков контрибуции. Деятельность тогдашнего властителя Пруссии, Бисмарка, способствовала быстрому об‘единению

26-ти мелких государств и княжеств в одну Германскую империю, а французские миллиарды весьма помогли развитию германской промышленности; вообще, Германия начинает сказочно быстро расти и скоро по количеству ввоза и вывоза опережает Францию и почти догоняет Англию. Ясно, что германскому капитализму скоро у себя дома становится тесно. Но куда он ни являлся—все почти было занято Англией или Францией. Тогда он, конкурируя с ними, повел ожесточенную и успешную борьбу за торговую гегемонию или первенство среди капиталистически-отсталых стран: России, Австрии, Италии, Турции, а затем среди балканских и скандинавских стран. Он вытеснял своих соперников дешевизной товаров, широкой рекламой, умением применяться к местности и пр. Он стал залезать даже в самую Англию. Тов. Зиновьев рассказывает, что там английская буржуазия одно время даже распорядилась на все товары, прибывающие из Германии, наклеивать ярлычки с презрительной надписью: „Сделано в Германии"; однако эти ярлычки не отталкивали покупателя, а, наоборот, привлекали, так как германские товары были лучше и дешевле английских.

На-ряду с этой борьбой, германский империализм стал искать и заморских колоний. Так, напр., в 1883 г. Германия приобрела свою первую колонию—юго-западный берег Африки. С этого момента и начались первые недоразумения Германии с Англией, которые впоследствии и привели к войне 1914 г.

До 1900 г. Германия ухитрилась заполучить восточную и северо-западную Африку, Того, Камерун (в Африке) и ряд островов в Тихом океане. Несмотря на все ухищрения, германские империалисты добились колоний в одиннадцать раз меньше, чем было у Англии, и в четыре раза меньше Франции. Но все-таки колонии Германии составили площадь в пять раз больше самой Германии. Но этого было мало. Аппетит приходит во время еды. После большого кризиса в 1902 г. немецкая промышленность растет не по дням, а по часам. Германские машины и паровозы начинают вытеснять английские в самой Англии—этой родине машин и паровозов. Такой конкурент, конечно, приходился весьма не по нутру Англии, и она напрягает все силы на борьбу с неприятным соперником.

Далее, Германия наносит сильный удар Англии, пробравшись через Турцию, в которой она всевозможными „правдами" и „неправдами" подчиняет своему влиянию Палестину, Малую Азию, Месопотамию и Багдад. Поняв, что без войны колоний больше не получить, Германия с этого времени начинает усиленно к ней готовиться, а с другой

стороны—устремляется на Ближний и Дальний Восток, где властвуют опять же Англия, Япония и Россия.

После усмирения Китая, Германия получает некоторые возможности участвовать в эксплоатации, но ей постоянно приходится наталкиваться на сопротивление Англии, России и, больше всего, Японии. Так, напр., появление „под носом" у Японии в Киао-Чао базы для германского военного флота вызывает немало тревоги у японской буржуазии, а снабжение китайской армии немецким вооружением и инструкторами, проникновение в Китай германских товаров и пр. заранее предрешают отношение Японии к будущей войне 1914 г.

Точно также колониальная политика Германии на Дальнем Востоке вовсе не устанавливает дружественных отношений между английской и русской буржуазией. Проникновение же Германии, а затем и Австрии, на Ближний Восток (Балканы и Малая Азия) является главным яблоком будущего раздора. „Раздел Турции—вот один из главных программных пунктов одной из групп воюющих держав. Окончательное удержание Турции за собой—вот программа другой группы. Богатейшие барыши, которые сулит буржуазии обеих коалиций турецкая добыча, опьяняют правящие сферы, туманят головы „мировым политикам", разжигают аппетиты, плодят бешеное состязание, подхлестывают к самым рискованным экспериментам, связанным с гибелью миллионов существований и с миллиардами возможных убытков" (Зиновьев—„Война и кризис социализма", стр. 222).

Дело в том, что в 90 годах среди держав „Тройственного Согласия" возымела успех „благая" мысль о „полюбовном" разделе Турции, при чем предполагалось немного уделить и Германии с Австро-Венгрией. Но у Германии был свой „ум", был и план колонизации Малой Азии. Всякое ослабление Турции было бы ослаблением и немецкого влияния на Балканах. Поэтому раздел Турции для Германии невыгоден.

Основной целью германской политики на Балканах была постройка Багдадской железной дороги. Она должна была соединить Берлин с Багдадом, городом в плодородной местности Месопотамии, „через Константинополь". Этим Германия завладевала не только в торговом, но и в военном отношении чуть не всей Малой Азией. Этим она подчиняла своему влиянию турок. Этим она угрожала России и Англии, так как эта дорога убивала английскую торговлю и позволяла немцам быстро перебрасывать свои войска против Кавказа и против Индии.

За эту дорогу между „Тройственным Согласием“ и Германией начинается отчаянная борьба, которая в 1910—11 году заканчивается полной победой Германии. Как тут простить такую „кровную обиду“?

В 1911 г. Германия получает новую концессию на постройку ветки и оборудование порта Александретты в Средиземном море. Это был прямой вызов Англии, но Германия с этим не считалась. Успехи германской буржуазии, особенно усиление ее морского могущества, путали все карты английской буржуазии.

Куда ни совался растущий германский капитал—всюду он наталкивался на „Согласие“, и положение в Европе становилось несогласным.

Поражение России в 1905 г. выводило из строя одного из противников Германии, и она стала действовать еще смелее. Однако, к войне с Англией она еще не была готова. Когда, напр. в 1911 г., Германия хотела занять угольный порт Агадир в африканском султанате Марокко, а Англия заявила совсем недвусмысленно, что этого она не допустит, и чуть не загремели пушки крейсеров,—Германия от военного выступления воздержалась и отозвала свои военные суда назад.

Еще несколько слов об Австро-Венгрии и Италии. Ни та, ни другая до последних лет никаких колоний не имели. Вы хвалите их? Не стоит. Они в этом не виноваты. Причиной всему—слабое развитие капитализма в этих странах до начала XX века. Как только в Австрии и Италии промышленностью начинают заправлять банки, появляется кучка финансистов с ножами за поясом.

В 1908 г. Австрия провозглашает аннексию на Балканах Боснии и Герцеговины. Россия, еще не оправившаяся от мукденского поражения, пытается вмешаться, но грозный окрик из Берлина ее останавливает—и Австрия утверждается на Балканах.

В 1911 г. Италия об'явила войну Турции, войну чисто империалистическую, даже не прикрытую (вероятно, по неопытности) никакими красивыми фразами об „отечестве“, „справедливости“ и т. п., и в результате захватила африканскую колонию Триполи, войдя таким образом в семью разбойничьих государств. Эта война несколько ухудшила отношения Германии и Италии, хотя Германии и совестно было бы не разрешить „доброй“ союзнице „добыть“ себе первую колонию. Однако, ослабление Турции, как указывалось выше, было Германии невыгодно. Наконец, Италия возымела „благие“ намерения на Албанию, чем заставила косо посматривать на себя Австрию.

Для более полной характеристики предвоенной ситуации, надо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Дадим слово тов. Николини, брошюрой которого, „Происхождение современной войны“, нам приходится воспользоваться:

„Пангерманские мечты „всенемцев“ (национальная партия в Германии, руководимая германскими империалистами, стремящаяся к подчинению Германии всего мира) о создании „единой империи от Берлина до Багдада“, после блестящих дипломатических успехов в Германии в 1911 году, неожиданно получили сильный удар со стороны маленьких балканских государств. Дело вот в чем. Революция в Турции, поставившая у власти турецкую буржуазию (партию младотурок, симпатизирующую Германии и покровительствующую ее агентам), была Германии на руку. Но, несмотря на революцию, преследование других народностей (армян, македонцев, албанцев) продолжалось младотурками с неменьшей ожесточенностью, чем раньше. Союз четырех балканских стран (Болгарии, Сербии, Греции и Черногории) об'явил в 1912 г. войну Турции, и сравнительно в короткое время Турция была совершенно разбита. Болгаро-сербские войска подходили к Константинополю, но тут их задержали великие державы, которым чрезмерное усиление балканских государств было невыгодно. Константинополь остался у Турции. Все же почти вся европейская Турция была поделена союзниками. Но на почве дележа добычи при молчаливом согласии и „Тройственного Союза“ и „Тройственного Согласия“ бывшие союзники разодрались, и Болгария была побеждена Сербией, Грецией и Черногорией. В это же время, не пролив и капли крови, Румыния, одной угрозой своими войсками болгарской столице Софии, отняла у Болгарии целую область — Добруджу.

„И если европейские державы еле-еле удержались от вмешательства в балканскую войну, то уже и тогда была ясна неминуемость всемирной войны. Австрия приобрела неумолимого врага в лице Сербии, Россия—в лице Болгарии, последняя—в лице Греции и т. д. Национальная ненависть на Балканах достигла своего апогея, нервы у всех были напряжены до чрезвычайности, все страны готовились к войне, все государства искали новых союзников и старались друг друга перессорить“ (стр. 17).

в) Планы империалистов.

Вся вышеозначенная политическая чехарда вытекала из тайных планов империалистов. Буржуазия каждой страны

не знала никаких пределов в погоне за наживой. Банкиры и промышленники, в лице небольшой кучки в каждой стране, ворочая миллионами и миллиардами, порознь мечтали покорить весь мир. Этим желанием были обуреваемы все крупные державы. Но так как мир был уже почти поделен, и мир-то один, а их несколько, то и оставалось доделять и переделять его, при чем каждая кучка громил понимала, что сделать это можно только помощью войны, так как никто не хотел отказаться от своих тайных намерений быть первым всемирным поработителем и, исходя из этих соображений, строил себе последовательные планы. Из-за чего война?

г) Буржуазия Англии.

Английская капиталистическая свора хотела всю Африку превратить в английскую часть света или по крайней мере захватить в Африке все, кроме того, что принадлежало Франции. Ей надо было соединить в одно сплошное владение все пространство в Африке, начиная от мыса Доброй Надежды и до Египта. Отсюда, через Суэцкий канал, забрать окончательно в свои руки Малую Азию, Месопотамию, Аравию, Персию и Афганистан для того, чтобы сомкнуть всю эту территорию с Британской Индией. Она хотела ослабить Германию. Все это подтверждается вышеизложенной политической ситуацией и многими документами. Ограничимся некоторыми.

В 1896 году бывший премьер-министр Англии, лорд Розбери, произносит речь, в которой публично заявляет: „Нам угрожает страшный противник, который теснит нас так же, как волны морские теснят неукрепленные песчаные берега. Я говорю о Германии. Торговля Великобритании не перестает уменьшаться, и все то, что мы теряем, то в главной своей части достается Германии“.

Германский империалист граф Ревентлов свидетельствует: „Во время боснийского кризиса (1908 г.) опять была речь о широком плане раздела Турции. План этот, говорят, разработан был прежним вице-королем Индии, лордом Керзоном. В главных чертах план сводился к следующему: Англия отрывает азиатскую Турцию от европейской и образует калифат в Мекке. На севере наследство „больного человека“ должны были поделить между собой Россия и Австрия. Франция получала Сирию и т. д., Италия—Триполи, Англия брала Египет и должна была получить фактический протекторат над Аравией и тем самым получить обеспеченный сухой путь в Индию“.

В 1909 году в одном английском ежемесячнике появился премированный труд одного высокопоставленного английского морского офицера, где мы находим следующее признание: „Мы (Англия) не начинаем войны из сантиментальных побуждений. Я сомневаюсь, чтобы мы это сделали хоть один раз. Война—продукт торговых конфликтов; цель войны—навязать противнику силой оружия те экономические условия, которые мы считаем необходимыми, чтобы создать для нас коммерческие выгоды. Мы пользуемся всеми возможными поводами и предлогами для войны, но в основе их всегда лежат вопросы торговли“.

В секретной телеграмме российского министра иностранных дел Сазонова, от 7 марта 1915 года № 1265, читаем: „Дав уже обещание (Англии) касательно условий торговли в проливах и Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров ни следующих из России, ни идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через проливы коммерческих судов... Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии... Наконец, императорское правительство считает желательным одновременное разрешение и вопросов в сопредельном с Россией северном Афганистане“ (о разделе Афганистана) и т. п.

д) Буржуазия Франции.

Французские ростовщики с целью наживы стремились получить Сирию, часть Малой Азии, немецкие владения в Африке, удержать свои обширные колонии, стремились отнять у Германии когда-то принадлежавшую Франции Эльзас-Лотарингию, а заодно захватить и другую сторону Рейна.

Так французский писатель Шавенон, редактор влиятельного органа „Информасион“, от 4 марта 1916 г. писал: „Или нынешняя война окончательно санкционирует положение Франции, как первоклассной державы, и даст ей ресурсы, которые обеспечат ей богатство на протяжении веков, или Франция упадет до положения державы третьего порядка и будет зависеть от доброй и злой воли разбойничьих государств. В этом отношении обладание бассейном Брией и Эльзас-Лотарингией имеет громаднейшее значение. Владея железными рудниками и сталелитейными заводами этих областей, владея угольным бассейном Саары, Франция

сделается первоклассной державой; она будет иметь все необходимые первичные материалы для экономической борьбы".

В „Эко де Пари", от 3 июля 1916 г., Энженеран, депутат от Кальвадоса, заявляет: „Поразить Германию в ее металлургии значит самым верным образом поразить ее на-смерть, и это должно быть неизбежным последствием победы союзников и, в особенности, победы Франции". А в ноте министра иностранных дел Российской империи, от 1/14 февраля 1917 г. за № 26, французскому правительству читаем:

„В ноте от сегодняшнего числа ваше превосходительство соблаговолило сообщить (Российскому правительству), что правительство Республики предполагало включить в число условий мира, которые будут предложены Германии, следующие требования и гарантии территориального характера: 1) Эльзас-Лотарингия будет возвращена Франции, 2) границы будут расширены, по меньшей мере, до пределов прежнего княжества Лотарингии и будут установлены по усмотрению Французского правительства, при чем должны быть приняты в соображение стратегические потребности, чтобы включить во французскую территорию весь железопромышленный бассейн Лотарингии и весь углепромышленный бассейн долины Саары, 3) прочие территории, расположенные по левому берегу Рейна, входящие в настоящее время в состав Германской империи, будут совершенно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости по отношению к ней, 4) территории левого берега Рейна, не входящие в состав французской территории, составят автономное и нейтральное государство и будут заняты французскими войсками до тех пор, пока враждебные государства окончательно не удовлетворят всех условий и гарантий, помеченных в трактате о мире"... Далее — заверения, что русское правительство поддерживает эти требования Франции. Конечно, за это Франция обязалась отстаивать „права" России на обладание проливами.

Нужно ли было все это Франции для народа, для хозяйства? Ни в коем случае. Многие французские писатели открыто признавали, напр., что у Франции больше железа, чем нужно. Стало быть, „отнять у Германии железо необходимо только для того, чтобы разорить эту страну и свести ее на степень второстепенной державы, которая без железа не будет в состоянии бороться с Францией ни в военном ни, что особенно важно, в экономическом отношении" (Павлович, „Что такое империализм", стр. 118).

е) Буржуазия России.

Русская буржуазия и царское правительство стремились на Балканы, в Константинополь, к проливам, в Малую Азию, Монголию, Персию, Галицию...

Тайные договоры, опубликованные в ноябре 1917 г. правительством Народных Комиссаров, неопровержимо доказывают это. В той же секретной телеграмме министра Сазонова, № 1265, мы читаем, напр.: „Ссылаясь на меморандум Великобританского правительства 12-го марта, благоволите высказать Грею глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о проливах и Константинополе, согласно желаниям России“. Дальше в этой же телеграмме говорится о разделе Турции, Персии, Афганистана и пр., как указывалось выше.

ж) Буржуазия Германии.

Молодой и сильный хищник—германский империализм направлял свой жадный кровавый взор на Малую Азию, Месопотамию, Бельгийское и Французское Конго, Нидерландскую Индию, португальские колонии, Марокко. Германские капиталисты стремились об‘единить в сплошную территорию свои юго-западные и восточные африканские владения, отхватить себе часть африканских колоний у Англии. Далее, Германии нужно было упрочить полную власть над Турцией. Наконец, она не прочь была „выравнять“ свою границу за счет русской Польши и подчинить себе часть Бельгии с целью противостоять Англии.

Французский писатель Виктор Берар, основываясь на неопубликованных дипломатических документах, заявляет в 1916 г.: „Когда европейская дипломатия опубликует свою переписку, будет видно,что в июне 1914 года один французский посланник предупредил свое правительство о том, что с‘езд крупных металлургистов в Дюссельдорфе требовал об‘явления войны, как единственного средства ликвидировать настоящее положение и обеспечить будущее, облегчив долги, страшные долги германской индустрии и подчинив весь континентальный рынок контролю германского картеля“.

Если мы заглянем в секретный мемуар, представленный 20 мая 1915 года капиталистами шести важнейших индустриальных и сельско-хозяйственных областей Германии имперскому канцлеру Бетман-Гольвегу, мы там увидим

все грабительские помыслы германских хищников. Между прочим, читаем: „Что касается Франции, то, в силу нашего положения по отношению к Англии, в виду обеспечения нашего будущего на море, жизненным вопросом для нас является овладение береговой областью, соседней с Бельгией вплоть до Соммы, что обеспечит нам выход к Атлантическому океану. „Хинтерланд“, который необходимо присоединить, одновременно должен быть соответствующих размеров и т. д. (Перечень целого ряда местностей, которые надо захватить). В таком же „разбойничьем тоне с требованием аннексии всей Бельгии, части русских областей, французских и т. д., изгнание населения из оккупированных провинций, составлен пресловутый аннексионистский манифест немецких интеллигентов и ученых, врученный канцлеру Бетман-Гольвегу и опубликованный во всей немецкой прессе“ (Павлович, „Что такое империализм“, стр. 110).

19-го мая 1916 г. либеральный депутат германского рейхстага Готтейн в речи, посвященной экономическим последствиям победной для Германии войны, говорил: „Соединенные Штаты не смогут бороться с Германией за гегемонию железа на мировом рынке. В результате новых территориальных приобретений Германия будет безраздельно господствовать прежде всего на европейском рынке, будет доставлять всем государствам машины, пароходы и т. д. Нам нечего бояться конкуренции Соединенных Штатов“.

„Сохранения Турции требуют наши серьезнейшие экономические интересы“—писал германский канцлер. А известный германский империалист Альфред Гетнер в 1915 г. раз‘ясняет что Турция „дает нам новое поле деятельности и обогащений. Она открывает нам источник сырья и пищевых продуктов, она дает нам место для сбыта наших фабрикатов. Далее, она дает нам сильного, крепнущего с каждым днем союзника, который имеет для нас бòльшую ценность, чем когда бы то ни было могут получить африканские колониальные войска. Она открывает для нас пути в Персию, Египет и через Персидский залив, в котором мы должны сломить господство Англии, в Индийский океан и прилегающие к нему страны. Благодаря ей, мы врезываемся клином между русским государством, с одной стороны, и английским морским господством, с другой, получаем тем самым равноправное участие в использовании богатств средней Азии. Благодаря ей, мы через два пункта—Суэцкий канал и Персидский залив—пробираемся с суши к главному великому пути морских и мировых сношений; этим самым мы пробираемся к самым чувствительным для Англии пунктам ее широкого господства“.

„Малая Азия или Месопотамия нам необходимо нужна“— писал в то же время вождь германского империализма, Рорбах. Вот за что воевали германские грабители.

Кроме этих планов „великих“ держав Европы, необходимо отметить, что Англия, Франция, Россия, Германия, Япония и Соедин. Штаты совместно будущей своей добычей считали Китай.

з) Буржуазия мелких государств.

Кроме перечисленных держав, капиталисты других государств посильно не отставали в грабительских планах. Более мелкие государства тоже старались заполучить лакомые для них кусочки. Так, например, „Австрии важно восточное побережье Адриатики. Ей нужно подчинить себе Сербию—укрепиться на Балканах, оттереть Италию и т. п. Италия ищет расширения в Африке, чтобы „упорядочить“ свои триполитанские владения, затем надеется получить кое-что в Малой Азии. Кроме того, она хочет получить Трентино, Триест, Истрию, Далмацию, Албанию, порты в Адриатике. Бельгия стремится удержать свои африканские владения (бельгийское Конго), которые она неминуемо потеряла бы в случае победы Германии. В случае поражения последней, бельгийским империалистам, быть может, удастся округлить свои владения в Африке. Португалия тоже борется за сохранение своих колоний в Африке“ и т. д. (см. Зиновьев—„Война и кризис социализма“, стр. 223, и Гортер—„Империализм, мировая война и социал-демократия“).

Было бы нецелесообразным подробно останавливаться на планах мелких империалистов, так как, с одной стороны — они вытекали из планов крупных держав и, следовательно, особого значения не имели, с другой—это завело бы нас в дебри невероятной путаницы, противоречивой политики империалистов. Всего сказанного, по нашему мнению, достаточно, чтобы понять, что буржуазия всего мира готовилась к войне, что война надвигалась неизбежно.

Вот, в общем и целом, политический переплет в Европе накануне мировой войны, политическое положение на основе империалистическаго хозяйствования, без характеристики которых хотя бы в самых грубых чертах невозможно конкретно искать причин и виновников войны. Однако, эта характеристика была бы с большим пробелом, если бы мы не приняли во внимание еще одного зловредного явления перед войной. Это—милитаризм или рост вооружений.

и) Милитаризм и маринизм.

Рост вооружения за последние 25—30 лет вылился в особое экономически-политическое явление, которое сыграло не последнюю роль в войне 1914 года.

Милитаризм и маринизм—увеличение сухопутных и морских военных сил—логически вытекают из империализма, и последнюю четверть века это паразитическое явление в мировом хозяйстве росло не по дням, а по часам. Последние гроши народов всех стран беспощадно отнимались на вооружения. Вооружались прежде всего большие государства. Маленькие же, в роде Швейцарии, Бельгии, Испании и т. д., старались не отставать от них—если не в количестве, так в качестве вооружения.

Вот наглядная, хотя далеко не полная и безусловно с преуменьшенными цифрами, таблица роста вооружения 7-ми только держав.

Расходы на армию и флот (в миллиард. рубл.).

Для:	1888 г.	1898 г.	1903 г.	1913 г.	1914 г.
России	220	372	475	810	1.058
Германии	290	375	466	712	942
Англии	320	465	670	712	840
Франции	290	380	395	570	828
Австрии	95	113	190	200	386
Италии	130	173	180	265	291
Японии	40	43	110	160	205
	1.585	1.921	2.486	3.429	4.550

Вдумайтесь в эти цифры: сколько же стоит весь милитаризм мира трудовому человечеству?

Если сравнить вышеприведенные цифры по рубрикам „тройственного союза“ и „тройственного согласия“, мы увидим, что расходов на милитаризм больше у тройственного согласия, хотя союзники и вопили на весь мир, что германские разбойники больше всех вооружались. Особенно, как помнится, кричала об этом царская Россия, а между тем в годы перед войной (1903, 1913, 1914 в таблице), оказывается, она-то больше всех и тратила на милитаризм.

До начала 20 века, как мы упоминали уже, „владычицей морей“ была Англия. С 1900 года Германия начинает усиленно строить военный флот, чтобы охранять новые заморские колонии. Немцы стараются догнать англичан и перегоняют другие страны. К 1914 году Германия действительно стояла после Англии на втором месте, но сравниться

с Англией ей не удалось. Последняя из кожи лезла вон, а ей не поддавалась. С 1912 года, например, Англия задалась целью: на каждую пару построенных Германией броненосцев—строить для себя три броненосца. Строительная программа Англии проводилась с таким расчетом, чтобы в любой момент великобританский флот был сильнее соединенных флотов двух самых сильных держав, например Германии и Франции вместе.

От Англии и Германии старались не отставать и другие государства. Даже такие, как Турция, Греция, Бразилия,— и те заказывали себе дредноуты. Россия, после неудач в русско-японской войне, взялась с утроенной энергией за реорганизацию армии и флота (заводила новую артиллерию, усиливала армию пулеметами и аэропланами, увеличила срок службы, заново взялась за постройку флота и т. п.). Франция также увеличила срок службы на год (вместо двух—три), усиливала крепости, пограничные с Германией, строила аэропланы, дороги военного значения и т. п. Германия превратила купленный у Англии остров Гельголанд в неприступную морскую крепость, достраивала знаменитый Кильский канал, по которому было бы возможно перебрасывать военные суда из одного моря в другое, строила громадные цеппелины, десятки подводных лодок, громадные пушки. В Англии, Японии и Америке появились новейшие сверх-дредноуты; Италия громадные средства тратила на подготовку специальных горных войск, берсальеров, и, вместе с Австрией, втихомолку усиливала свои границы. Бельгия провела закон об обязательной военной службе для всех способных носить оружие, с 19-ти лет.

Генеральные штабы всех государств разрабатывали планы будущей войны; вся Европа была наводнена шпионами. Мир лихорадочно готовился к небывалой еще войне.

Эта бешеная свистопляска приносит огромные барыши банкирам и промышленникам, изготовляющим пушки, ружья, аэропланы, строящим железные дороги. Каждый новый заказ для них большая нажива; они даже бросаются на всевозможные авантюры, чтобы увеличить заказы, например, подкупают газеты; те помещают ложные сведения о росте вооружений соседей; правительство, встревоженное, дает новые заказы и т. п. Финансовые и стальные короли (Крупп в Германии, Скода в Австрии, Армстронг и Виккерс в Англии, Крезо и Шнейдер во Франции и др.) в погоне за прибылью снабжают пушками, пулеметами и ружьями и друзей и врагов. Так что во время войны, например, из немецких пушек стреляли по немцам, из австрийских—по австрийцам и т. п. Вот наглядное проявление истинного патриотизма буржуазии.

Конечно, такая вакханалия слишком долго продолжаться не могла: наступало перепроизводство орудий смерти. Они требовали жерт. Государства влезли в долги, истратили все рессурсы на вооружение; надвигался невиданный финансовый кризис.

Атмосфера была до последней степени напряжена. Казалось, достаточно было мухе пролететь, как равновесие нарушится. А тут еще случилось убийство австрийского престолонаследника в Сараеве. Где же сыскать наиболее подходящий повод для войны, для одурачения масс пышными фразами о „справедливости", „защите угнетенных наций", „отечестве" и т. п.

Война разразилась.

к) Виновники войны.

После всего изложенного, мы можем с точностью установить виновников войны, составить обвинительный акт, вынести приговор и призывать мировой пролетариат к исполнению этого приговора, может быть не столько с целью наказания, сколько предохранения себя от повторения подобного бедствия.

Кто же виноват?

„Чтобы оправдать теперешнее порабощение немецкого народа, не менее подлое, чем сама война",—говорится в манифесте V-го Конгресса Коминтерна,—„социалисты победоносных стран, Гендерсон, Ренодель, Вандервельде и другие, повторяли вслед за своей буржуазией: — „Германия наказана за то, что именно она хотела войны и вызвала ее".— Какое лицемерие и какое тупоумие! Можно ли карать народ за злодеяния буржуазии? Да и одна ли немецкая буржуазия виновата? Разве не ясно, как дважды два— четыре, что виновата вся буржуазия всех стран мира без всякого исключения, что виноват империализм. Разве не в интересах только правящих классов, разве не в осуществление только их грабительских, эксплуататорских планов началась и больше четырех лет тянулась война? Мало того, разве не миллиардеры на самой войне наживали огромные капиталы и хотели ее продления если за один год войны прибыль немецких военных промышленников удвоилась, если Дюнанские пороховые заводы в Америке за 1915 год выдали в дивиденд 200% на капитал, если акции „Вифненского (Иисусе — позор!..) Общества" пороховых заводов в той же Америке стоили 1-го июля 1914 года 41 доллар, 30-го июля 1915 года—259 дол., а 25 мая 1916 г.— 458 дол., т.-е. за 2 года увеличились в 11 раз и т. д.? А орган немецких промышленников „Путус", захлебываясь от

патриотического чувства, писал: „Если бы нам превратить теперь всю нашу страну в один огромный орудийный завод, а потом позаботиться о том, чтобы остальной мир не перестал вести войны, а заказывал бы у нас оружие, то мы, конечно, могли бы делать блестящие дела“. Еще бы не „позаботиться“ о войне ради таких „блестящих дел“!

Но кто виноват в совершении величайшего мирового злодейства—буржуазия всех стран. Ее к ответу. Таков будет действительный приговор истории.

Но исчерпывающий ли это ответ? Если вдуматься в сущность империализма, если изучить истинную природу буржуазии, то невольно возникает другой вопрос,—а могло ли не быть войны по воле буржуазии? Могла ли буржуазия, как таковая, не начинать войны? Ведь бешеная собака не может овладеть собой и не броситься на человека! Опасность обыкновенно устраняется тем, что бешеную собаку убивает разумный человек. Так и здесь. Войны могло не быть, если бы вмешалась противоположная буржуазии сила. Войны бы не было, если бы мировой пролетариат убил эту бешеную собаку, сверг империализм и империалистов. И мы знаем, что громадная сила была у мирового пролетариата, чтобы не допустить ужасной катастрофы. Он вставал, он поднимался, как солнце, чтобы рассеять зловещие туманы и расстроить надвигающуюся грозу. Но тут появились на сцену черные тучи социалистов предателей. Они заслонили буржуазию. Они скрыли истинную суть надвигающихся событий, они усыпили сознание рабочих и крестьян и повели их в бой друг против друга.

Вот кому, поистине, принадлежит „почетное право“ считаться главными виновниками мирового кровопролития. Вот на кого, в первую очередь, должна наложить печать позора и проклятия всемирная история, но о них мы поговорим подробнее дальше, во второй главе нашей книжки.

А. Соленик.

ГЛАВА II.

II-ой Интернационал и мировая война.

1. Введение.

а) Исходный пункт для оценки мировой войны.

Мировая война, которую одни называют „освободительной“, другие „оборонительной“ и, наконец, третьи „войной цивилизованных стран против германского милитаризма и варварства“,—есть в действительности, как мы видели, война империалистская, порожденная экономическими условиями современной капиталистической Европы. Вот исходный пункт для оценки мировой войны, вот где нужно искать причины, ее вызвавшие, и ответ на вопрос—„кто виноват?“ Останавливаться подробно на этом я не буду, поскольку данный вопрос освещен в первой главе.

Доказывать несостоятельность и пустоту красивых слов „освободительная“, „оборонительная“ и т. д., слов, которые приводятся „бывшими социалистами“, как оправдание своей предательской политики, излишне: это лучше всего доказывают они сами.

б) Как смотрели на войну социалисты?

Один из крупнейших социал-предателей Франции Г. Эрвэ накануне войны писал: „Европа уже давно представляет собою глухой лес, полный разбойников, и нет ни одной великой нации, у которой руки не были бы обагрены кровью“ („Интернационал и мировая война“—Грюнберг). Подобные мысли высказывались деятелями 2-го Интернационала неоднократно и еще задолго до того, как война стала фактом. Виднейший германский революционер В. Либкнехт говорил, что в „империалистическую эпоху война идет между целым рядом матерых воров и патентованных разбойников из-за дележа имущества третьих лиц. Тут честным людям делать нечего, кроме как обезвредить воровскую шайку. Кто из воров нарушил разбойничью мораль—не важно!“

в) Почему в список виновников войны мы включаем 2-ой Интернационал?

Вожди 2-го Интернационала забыли эту простую истину, забыли свои собственные слова, вот почему, отвечая на вопрос—„Кто виноват?“, мы не можем ограничиться кратким ответом—империалистские правительства. Ответ не будет исчерпывающим, список виновников будет неполным, если мы не включим в него 2-ой Интернационал.

С их благословения началась кровавая трагедия, при их благосклонном участии гибли миллионы рабочих. Теперь, когда завеса шовинистического угара сброшена, когда нас отделяет 10-ти-летие от кровавой бани, после которой мы приняли отрезвляющий напиток в виде „Бреста“ и „Версаля“, можно дать спокойную оценку мировой бойни и доказать рабочим правду о социалистах 2-го Интернационала. Следует ли их посадить на скамью подсудимых или рассматривать этих „бывших людей“ как „благородных“ свидетелей? Можно было бы ограничиться последним, если бы 2-ой Интернационал был только зрителем, если бы он, чувствуя свою несостоятельность, прямо и открыто заявил об этом рабочим. К сожалению, и их и нашему, положение было иное—Интернационал стоял во главе рабочего класса и был его штабом, и, если штаб не принял необходимых мер (ниже мы увидим, что это действительно так), то мы вправе потребовать от него ответ. Этот вопрос не является спорным еще и потому, что Интернационал был не простым зрителем, а активным участником происходившей мировой драмы, больше того, некоторые его члены были королевскими министрами, как Вандервельде и др.

2. II-ой Интернационал до войны.

а) Важнейшие решения по вопросу о войне.

Проследим важнейшие решения 2-го Интернационала по вопросу о войне, тем более, что этот вопрос был основным на всех конгрессах—это лишний раз говорит о том, что деятели 2-го Интернационала не были застигнуты войной врасплох. Уже на первом конгрессе в Париже (1889 г.) Интернационал поставил пред собою вопрос о войне и вынес постановление в духе революционного марксизма. В момент, когда империализм только начинал расцветать, революционная социал-демократия увидала, какие плоды он готовит. „Война, как роковое последствие современных экономических условий, может окончательно исчезнуть лишь

одновременно с уничтожением капиталистического строя",— гласит постановление („Интернац. и миров. война"—Грюнберг). Через два года в Брюсселе (1891 г.) Интернационал уже ставит вопрос о войне в несколько иной плоскости— конгресс, оценивая положение Европы как угрожающее, решительно протестует против шовинистических подстрекательств правящих классов. В постановлении подчеркивается протест против воинствующих поползновений, против гнетущего Европу милитаризма.

На конгрессе в Цюрихе (1893 г.) подтверждается решение Брюссельского конгресса по вопросу о милитаризме и указывается, что „Революционная соц.-дем. должна неустанно работать над разрушением капитализма, который делит человечество на два больших враждебных лагеря и провоцирует один народ против другого. С падением классового господства исчезнет и война" („Интерн. и миров. война"— Грюнберг").

Лондонский конгресс (1896 г.) выносит следующее постановление: „Капитализм заставляет рабочих проливать свою кровь ради получения выгод путем завоевания новых рынков, поэтому трудящийся класс должен восстать против угнетения, для чего он должен захватить политическую власть и уничтожить капиталистический способ производства" („Интерн. и мир. война"—Грюнберг). В качестве способов действия в борьбе с растущим милитаризмом, Парижский конгресс (1900 г.) рекомендует: 1) организацию юношеских отрядов, 2) голосование против всяких военных расходов и 3) антимилитаристскую агитацию.

Конгресс в Штутгарте (1907 г.) является последним, на котором вопрос о войне обсуждался серьезно. Конгресс подтвердил прежние постановления по вопросу о борьбе с милитаризмом и империализмом, подчеркнув, что деятельность против милитаризма не может быть отделена от деятельности против капитализма. „В случае угрозы войны",— говорится в постановлении, „рабочий класс и его представители в парламенте обязаны помешать войне всеми способами, а если, несмотря на принятые меры, война все-таки возникнет, приложить все усилия к скорейшему ее прекращению—использовать вызванные войной экономический и политический кризисы, всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и ускорить тем самым падение капиталистического господства" („Инт. и мир. война"— Грюнберг.).

б) Смысл решений Интернационала по вопросу о войне.

Смысл всех постановлений Интернационала по вопросу о войне сводится к следующему: Европа вступила в полосу

воинствующего империализма с растущим во всех странах милитаризмом. Положение угрожающее. Пролетариат и социалистические партии должны предотвратить грозную опасность и вести решительную борьбу с капитализмом, как единственной причиной могущих возникнуть войн. В этих постановлениях мы не видим и намека на последующую политику 2-го Интернационала. Здесь ясная революционная, марксистская постановка вопроса.

в) Сложность тактической линии.

Между тем, этот период, особенно конец прошлого столетия, был очень сложен в смысле намечения тактической линии. Империализм еще не показал себя во всей наготе, и к явно грабительской политике примешивался элемент национальный и противодействие русскому царизму. Две империалистские группировки—Тройственный Союз (Германия, Австрия, и Италия) и Тройственное Согласие (Англия, Франция и Россия) не показали еще себя в практической деятельности. Франко-русский союз означал громадное усиление царизма как внутри России, так и на международной арене, и это обстоятельство не могло не тревожить социалистов Запада. Россия, которая была опорой реакционных сил, „тюрьмой народов“, была серьезной опасностью, на которую в свое время указывал еще Карл Маркс. Франко-русский союз рассматривался как соглашение французской национальной реакции с полчищами русского царя. Энгельс по этому поводу писал: „несмотря на все тяжбы с царем по поводу Константинополя, могут наступить моменты, когда реакционные европейские правительства выбросят царизму Константинополь, и Босфор, и Дарданеллы, и все вообще, что он пожелает—только бы он защитил их против революции“ (Сборн. „Соц.-дем.“ за 1916 г., № 2).

г) Интернационал на верной позиции.

Таким образом, пища для шовинистической агитации здесь была, но мы видим, что Интернационал стоит верно на интернациональной позиции,—он помнит, что главная опасность—это собственная буржуазия. „Что должна делать соц.-демократия, если царизм все-таки нападет?“—спрашивает Энгельс и отвечает—„Германский пролетариат должен свергнуть свое правительство и повести революционную войну против царизма и соединиться с французскими рабочими для общей борьбы“ (Сб. „Соц.-дем.“, № 2).

д) Балканская война и отношение к ней Интернационала.

Мировой войне предшествовала Балканская война (1912 г.), которая является введением, предисловием к мировой войне и, вместе с тем, предупреждением для 2-го Интернационала. В отношении к этой войне,—а она, по сути дела, отличается от империалистической только масштабом,—Интернационал стоял еще на прежней позиции.

е) Революционная постановка вопроса или смертный приговор 2-му Интернационалу.

На чрезвычайном конгрессе в Базеле (1912 г.) было единогласно принято постановление—протест против войны. Снова подтверждаются два последних постановления Штутгартского конгресса и указывается, что „безумная погоня за вооружением довела рабочих до невыносимого положения, и рабочие решили положить конец этому режиму. Периодически возникающая опасность войны возмущает народ все более и более. С большим удовлетворением конгресс приветствует забастовку—протест русских рабочих. Когда царизм пытается выступить в роли освободителя балканских народов, то это лишь для того, чтобы под лицемерным предлогом и путем кровавой войны получить преобладающее влияние на Балканах. Они—безумцы, если не понимали, что одна лишь мысль о страшной войне возбуждает у пролетариата всех стран чувство гнева и негодования. Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий и из-за хитросплетений тайных соглашений. Пролетариат сознает, что от него в данный момент зависит будущее человечества!“ („Интерн. и мир. война“. Грюнб.). Вот выдержки из резолюции Базельского конгресса, который своими постановлениями вынес смертный приговор 2-му Интернационалу. Социал-демократы не любят вспоминать эти постановления, которые отражали единственно правильную марксистскую точку зрения; в лучшем случае, для оправдания своей политики, они цитируют из этих постановлений второстепенные места, опуская все революционное, ибо, как говорит тов. Зиновьев („Соц.-Дем.“, № 2, 1916 г.): „Каждое слово Базельского конгресса есть пощечина нынешней тактике руководящих партий 2-го Интернационала“.

ж) Мнимая революционность или политика одурачивания рабочих.

В 1912 году, когда война лишь угрожала и когда 2-ой Интернационал был лишь свидетелем, он вынес постано-

вление бороться против войны, а в 1914 году, когда „игра в железные кости“ началась, Интернационал забил отбой, не сделав ни одной попытки предотвратить эту бойню. Боевой, революционный лозунг Бебеля „Война дворцам, мир хижинам!“ был заменен девизом „Спасай „свое“ (буржуазное) отечество“. После Базельского конгресса вплоть до момента об‘явления войны ведется политика мнимой революционности, политика пышных фраз и одурачивания рабочих. „Безумцы“-капиталисты были слишком умны, они знали, что опасности со стороны Интернационала не угрожает, они нюхом почуяли его гнилость и не ошиблись!

з) Близорукость социалистов.

В тот момент, когда каждый видел мировую бойню, вожди Второго Интернационала еще утешают себя тем, что таковой не будет, что правительство не допустит до этого. Виднейший представитель 2-го Интернационала, австрийский социалист Виктор Адлер за несколько дней до войны говорил: „Я не верю в чудеса, а потому не верю в европейскую войну“, а несколько раньше он утешает себя тем, что рабочие не пойдут: „Да разве пролетарии в самом деле теперь бараны, чтобы они, как немые, позволили повести себя на бойню?“ (Сб. „Соц.-Дем.“, № 2, 1916 г.).

3. Интернационал накануне войны.

а) Историческая дата (4—VIII—1914 г.)—терновый венок 2-му Интернационалу.

Перехожу к исторической дате 4-го августа 1914 г., когда социалисты покрыли себя неувядаемым позором. Здесь, как и раньше, мы будем основываться, главным образом, на документах социал-демократ. печати, каждый из них является обвинительным актом 2-му Интернационалу. Еще до заседания рейхстага 4-го августа, когда решался вопрос о военных кредитах, в провинциальной соц.-дем. печати начинает проскальзывать новая мысль с националистическим оттенком. В статье „Война в стране. Европа в пламени“, мы читаем: „...хотим ли мы победить? И наш ответ гласит—да!“—и дальше—„мы сознаем нашу обязанность прежде всего бороться против господства русского кнута!“ и т. д. в этом же духе („Инт. и мир. в.“ Г.). На практике они несколько отступили—прокололи штыком Бельгию

и простерли империалистические лапы к Франции. Интернациональный лозунг подменивается и заменяется шовинистическим.

б) Ура-патриотизм, или предательство соц.-демократии.

В оправдание своей политики соц.-предатели 2-го Интернационала любят ссылаться на Маркса и Энгельса. В центральном органе германский соц.-дем. „Вперед“ в статье „Борьба против царизма“, помещенной 3-го августа 1914 г., мы находим такие патриотические фразы: „Разве Бебель не заявлял, что он готов будет итти против России? Разве Лассаль, Энгельс, Маркс в свое время не требовали войны с Россией? итак: ура, да здравствует война с Россией, война столь близкая социал-демократам!“ („Инт. и мир. в.“ Г.). Немудрено, что после этого социал-демокр. газета пришлась по вкусу немецким империалистам—она была допущена даже в армию. Следовало бы ее переименовать в „Назад“ и поставить эпиграф „Пролетарии всех стран, раз‘единяйтесь!“ Действительно, при таком ура-патриотизме повернутся в гробу старые революционеры...

в) Что отличает Каутского и К° от Маркса и Энгельса.

Поступают как будто по заветам Маркса и Энгельса, разница только в том, что те предлагали вести войну революционную, а германские соц.-шовинисты возгорелись патриотизмом по поводу войны империалистской; те предлагали свергнуть буржуазное правительство, а эти идут за правительством, являясь для него лучшей опорой. Разница еще во времени,—что было правильно во времена Маркса (когда империализм только расцветал), то неверно в XX-ом веке, когда Россия—не та, а империализм уже дал плоды.

г) Заседание соц.-дем. фракции рейхстага 3—VIII—1914 г.

Ободренные провинциальным шовинизмом и одобрением национальной буржуазии, германские соц.-дем. в своем заседании 3-го августа постановили: „голосовать за требуемые правительством военные кредиты и мотивировать свое постановление прочтением декларации“. Господа ренегаты думают, что лишняя революционная фраза смягчит их преступление—напрасно!

д) Бернштейн защищает буржуазное отечество.

Любопытно проследить, как два виднейших представителя германской соц.-дем., вожди 2-го Интернационала Бернштейн и Каутский в заседании 3-го августа изощряются в „проституировании“ марксизма, как бессовестно и лживо стараются обелить свое грязное дело. У того и другого один козырь, один аргумент в защиту своей предательской политики—Германия ведет оборонительную войну, Германия защищается против русского царя. Бернштейн указывает, что Россия первая начала войну, Франция, на пред‘явленный ей ультиматум, дерзко ответила, что поступит так, как этого требуют ее интересы. Франция и Россия первыми открыли враждебные действия — Германия страна обороняющаяся, поэтому „должны ли мы, партия, представляющая одну треть германского народа, должны ли мы отказать воинам и их семьям в средствах защиты и обеспечения их семейств, когда враг уже вступил в нашу страну и притом главный враг, каким считается Россия“ („Инт. и мир. в.“ Г.).

е) Каутский подпевает Бернштейну.

Ему вторит также неуверенно и нерешительно Каутский, который еще в 1907 году писал: „Надо клеймить, как преступление по отношению к интересам народа, всякую войну, которая может возникнуть“; он указывает, что „германский пролетариат ни при каких обстоятельствах не поддастся угару шовинизма, не позволит разжечь в нем военный энтузиазм“. Наконец тот же самый Каутский 3-го августа говорит: „...массы могли бы истолковать голосование против кредитов как наше безразличие к поражению, даже больше—желание такого поражения“. Вот чего боится Каутский, он страшится старой, революционной, интернациональной позиции. Как прежде оппортунисты боялись отпугнуть от себя мелкую буржуазию, так и теперь то же самое опасение.

ж) Детский лепет оправдания или тактика социал-шовинизма.

Предчувствуя, что этот шаг не пройдет даром, Каутский боязливо предостерегает: „Действительно, можно было рассматривать согласие на военные кредиты так, что мы за одну ночь изменили нашу прежнюю политику и обратились к противоположной, но такое толкование не было единственно возможным. Если принять во внимание нашу декларацию, где мы осуждаем завоевательные войны, то

согласие на кредиты... должно будет уже означать не выражение доверия правительству и не обещание морально поддерживать его политику во время войны, но лишь результат тяжелого, крайнего положения, при чем наше поведение, как партии непримиримой оппозиции, никоим образом не изменилось" („Инт. и мир. в." Г.).

В этом Каутский, пожалуй, прав: оппортунизм — это не продукт одной ночи, а результат целых десятилетий, о чем ниже. Пояснений к откровенному заявлению оппортунистических вождей не требуется—оно говорит само за себя.

з) Оправдывает ли декларация преступный шаг соц.-демократии?

Декларация, на которую возлагает Каутский и К⁰ такие большие надежды, еще ярче подчеркивает тот социал-шовинизм, к которому скатился 2-ой Интернационал. Смысл декларации сводится к следующему: „Война—следствие империалистской политики, и социал-демократия ответственность за нее с себя слагает"—боязнь ответственности лежит в основе соглашательской тактики.—„Усилия предотвратить войну оказались тщетными—мы стоим перед железным фактом войны. Нам грозят ужасы враждебных нашествий. Необходимо предотвратить опасность — побороть русский деспотизм". Это предисловие,—благородное извинение, а дальше циничное признание: „Мы не оставим отечество без помощи в час опасности. Мы требуем, чтобы войне был положен конец, как только будет достигнута цель защиты и противник будет склонен к миру". Дальнейшие события заставили забыть эти требования—по крайней мере соц.-демократы их больше не напоминали.

„Руководствуясь этими положениями, мы будем голосовать за требуемые кредиты" („Интерн. и мир. в." Г.). Так, по выражению Ленина, „самая большая и самая влиятельная партия встала на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии, против пролетариата". Германская буржуазия очень умело использовала соц.-демократическую партию, направив по шовинистическому руслу эту могучую политическую силу.

и) Шовинистический угар распространяется в ширь.

Чтобы еще ярче оттенить это чудовищное событие, эту политику предательства, мы приведем несколько выдержек из соц.-демократической печати. В статье „День германского народа" мы читаем: „Картина, которую представляет сегодня германский рейхстаг, представитель всей нации, неизгладимо запомнится всем немецким народом и будет

рассматриваться в истории, как день мощного и гордого под'ема немецкого духа. Рабочие не вспоминают о том презрительном отношении, которое проявляло к ним прусское юнкерство, о тех бесчисленных несправедливостях, издевательствах и преследованиях, которые изо дня в день совершались над ними (а ведь это соц.-демократы называли культурой и цивилизацией—а в т.); они думают только о любимом немецком народе, бесстрашно и мужественно они встанут на его защиту. Никогда политическая партия не поступала более возвышенно, чем теперь немецкая соц.-демократия". Сказать что-нибудь большее трудно, поступить более подло—нельзя.

к) Как отнеслись к этому событию за пределами Германии?

Революционеры, которые находились за пределами Германии, отказывались понимать это чудовищное падение вниз. Итальянская социалистическая партия некоторое время считала статьи германской соц.-демократич. печати провокацией буржуазной прессы. Когда же все стало ясно, истинные революционеры устами В. И. Ленина сказали: „Второй Интернационал погиб!"

Германские соц.-демократы забыли, что за неделю до своего откровенного признания они заявляли, что Германия не должна вмешиваться в войну даже в случае вмешательства в таковую России. В своем преступлении германские соц.-демократы не были одинокими, скоро их позиция стала основной для всего 2-го Интернационала.

л) Германский и французский шовинизм—одного покроя.

Как Германия рассматривала мировую войну оборонительной, как противодействие русскому царизму (по этому поводу итальянская печать справедливо замечает: „Многие могут подумать совершенно искренно, что Льеж является столицей России"), так и французские соц.-шовинисты устами Г. Эрвэ заявляли: „Необходимо спасти демократию и революционные традиции Франции от кулачного права и от германского империализма". Эрвэ не нашел ничего лучшего, как написать статью „На краю пропасти", которая является похоронным маршем бесславно погибшему 2-му Интернационалу. „К несчастью для человечества, наш бедный социалистический Интернационал еще не в состоянии нанести смертный удар войне",—пишет Эрвэ и заканчивает:

„Однажды в небесах орел парил,
Но крылья сильный ветр ему сломил!"

В других соц.-демократических партиях 2-го Интернационала картина точно такая же: сначала как будто они занимают непримиримую позицию протеста против войны, но в конце концов финал всюду один и тот же — защита отечества. Все обороняются — не понятно одно, кто же нападает; очевидно, верно будет обратное—все нападают с явно грабительскими целями.

м) Наш отечественный шовинизм.—Плеханов не уступает Гучкову.

Представитель российского империализма Гучков на собрании рабочих, уполномоченных фабрик и заводов Петербурга заявил: „Война навязана нам дерзким врагом. Нами сделано все, чтобы избавиться от нее, но когда нам брошен вызов, мы должны были принять его“ и т. д. — это одна сторона, а на другой скрытая надпись с магическим словом „Константинополь“, а ради Константинополя не жалко никаких жертв, особенно если эти жертвы приносят, главным образом, рабочие и крестьяне. Для русских империалистов несравненно ценнее были патриотические заявления не Гучковых, а Плехановых, Масловых и др. Бывает, что и великие люди спотыкаются, так и наш уважаемый Плеханов договорился до того, что нужно поддерживать войну царя, ибо она справедливая война. Он выбросил лозунг „Сначала победить сегодняшнего, сильнейшего врага (германский империализм), чтобы потом начать борьбу с завтрашним врагом (буржуазией)“. Итак, везде соц.-патриоты оказались союзниками империалистских аппетитов буржуазии; они в каждой из воюющих стран имеют свои особенности: немецкие оппортунисты борются с „русским самодержавием“, французские „защищают Республику“, англичане „освобождают Бельгию“, а русские „не препятствуют генералам-вешателям вести войну во имя освобождения западной демократии“ (Сб. „С.-Д.“, № 1 за 1916 г.).

н) Смерть Жореса и гибель 2-го Интернационала.

Чтобы закончить этот бесславный период в жизни 2-го Интернационала, мы остановимся на одном маленьком факте, который является символическим для социал-демократии — это смерть крупного французского социалиста Жореса. Жорес был типичным представителем 2-го Интернационала, был в известные периоды патриотом Франции, но в вопросе о мировой войне он занимал крайнюю позицию и выступал с протестом против нее, призывая принять все меры, вплоть до стачки, с целью предотвратить бойню. За смелые и революционные выступления Жорес был убит

накануне войны. На могиле Жореса Дюбрейль, старый революционер, участник Парижской Коммуны, произнес пророческие слова: „...Жорес оказался побежденным в этой борьбе за мир. Мы оказались побежденными вместе с ним: война возникает!“ Для Жореса лучше, что он умер раньше. Самое страшное —это остаться живым трупом, каковым стал 2-ой Интернационал.

4. Корни оппортунизма.

а) Обмолвка, ошибка или логическое следствие.

Мы показали тот кризис германской соц.-демократии и всего 2-го Интернационала, который закончился крахом, смертью последнего, но теперь невольно возникает вопрос— где корни, где причины этого кризиса? До 1914 г. Интернационал стоит на революционной, марксистской позиции, а разразилась война—и он скатился в болото шовинизма. На первый взгляд кажется, что оппортунизм, проявившийся во всей своей наготе в начале мировой войны, был явлением, сопутствующим этой войне, и в прошлом 2-го Интернационала не наблюдался; но при более тщательном анализе легко усмотреть, что это не так, что с момента возникновения Интернационала в нем были два течения; в течение десятилетий в Интернационале мы наблюдаем борьбу между революционной соц.-демократией и оппортунизмом, но эта борьба, эти внутренние противоречия были в скрытом состоянии, и лишь война вскрыла больной нарыв и показала, что Интернационал сгнил в самой своей сердцевине. Лучше всего этот процесс загнивания, разложения и культивирования оппортунистических взглядов проследить на германской соц.-демократии, которая являлась самой мощной партией 2-го Интернационала.

б) Расцвет капитализма и германская социал-демократия.

Необычайный рост капитализма во второй половине XIX-го столетия способствовал быстрому расслоению германского населения (к концу XIX-го века насчитывается $^2/_3$ занятых в промышленности и только одна треть в сельском хозяйстве). Быстрый рост капитализма создал большие пролетарские кадры, а самодержавный полицейский строй способствовал выработке классового самосознания рабочих,— все это создало благоприятную почву для развития революционного движения и выдвинуло могучую социалистическую партию, каковой явилась германская соц.-демократия.

Отмечая этот момент, Карл Маркс писал, что франко-прусская война перенесла центр тяжести рабочего движения на континенте из Франции в Германию. Конец XIX-го века показал, что Маркс был прав, германская соц.-демократия действительно встала во главе рабочего движения, а это последнее с самого начала пошло по пути революционного марксизма.

В течение двух десятилетий германская соц.-демократия сделала невероятные успехи: она выросла в могучее гордое здание, вобрав в себя все лучшее и здоровое, что было в промышленной Германии (в ее рядах насчитывалось до 1.000.000 передовых рабочих, ей были верны 3 миллиона членов профсоюзов). Преклоняясь пред могуществом германской соц.-демократии, Зиновьев пишет: „Мы воспитывались сами и воспитывали русских рабочих в чувствах глубочайшего уважения к германской соц.-демократии. Только в этой стране бесправный класс наемных рабов капитала выполняет такую громадную просветительную работу, кует культуру будущего!“ („Война и криз. соц.“— Зиновьев).

Было время, когда на германскую соц.-демократию с надеждой взирал международный пролетариат, и настали дни, когда она, по выражению Р. Люксембург, превратилась в „смердящий труп“.

в) Национализм и интернационализм в германской соц.-демократии. (Швейцер и Бебель).

Вскрывая причины этого перерождения, мы видим, что уже в момент возникновения партии в 70-х годах прошлого столетия внутри партии было два течения—одно во главе со Швейцером, опорой железного канцлера Бисмарка, национальное, и другое, возглавляемое Бебелем и Либкнехтом, — интернациональное. Швейцерианство — первоисточник оппортунизма, здесь следует искать зародыши шовинизма, который оп‘янил немцев во время мировой войны. В период, когда партия была нелегальной, эти внутрипартийные противоречия недостаточно обострились, но с 90-х годов (после отмены исключительного закона против социалистов) партия вступает в новую фазу своего развития, и оппортунизм расцветает махровым цветом. Исключительный закон в этом отношении играл для соц.-демократии положительную роль—он предохранял его от загрязнения.

г) Отец оппортунизма—Фольмар.

Если швейцерианство не принимало массового явления и поэтому не было опасно, то появившийся в 90-х годах

оппортунизм таил в себе более серьезные опасности. Представителем этого течения явился виднейший и старейший немецкий оппортунист Фольмар, который в 91-ом году поднял знамя практического ревизионизма в Германии. Группа Фольмара играла и играет в настоящее время довольно крупную роль, составляя правое крыло германской соц.-демократии с Шейдеманом во главе. „Во время исключительного закона“, говорит Фольмар, „мы вынуждены были быть революционной партией, не то теперь, теперь мы легализованы — правительство встало на путь реформ. Мы должны не мешать правительству, должны сблизиться с прогрессивной буржуазией и поскорее отвыкнуть от методов революционного отрицания“. Добавить к этому нечего, ибо в этих немногих словах выявлена в законченном виде программа оппортунистов. Стоит ли после этого удивляться, что Каутский, Бернштейн и другие так ревниво оберегают „буржуазное отечество“. „Мы такие же добрые немцы“, говорит дальше Фольмар, „как и все благородные буржуа. Мы заявляем, что будем защищать отечество в случае нападения на него“.

д) Бебель и Либкнехт в борьбе с оппортунистами.

Бебель и Либкнехт поняли, какая громадная опасность скрывается среди группы сочувствующих Фольмару, они со всей энергией обрушились на оппортунизм, предостерегая партию от этого вязкого болота. С‘езд соц.-демократии выразил порицание Фольмару, но оппортунизм, как течение, побежден не был, ибо он имел под собою довольно прочную основу.

е) „Попутчики“.

Оппортунизм германской соц.-демократии имеет два основных источника—„попутчики“ и „рабочая бюрократия“. „Попутчики“—это мелко-буржуазные слои избирателей, которые не входят в соц.-демократическую партию, а лишь, под влиянием тех или других причин, на время примкнули к ней и отдали ей свои голоса. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что в Германии в то время не было другой народной партии, а потому все недовольные полицейским режимом шли к социал-демократии. Указанное явление имело как положительные, так и отрицательные стороны. Положительные — росла оппозиция правящему классу, отрицательные — „попутчики“ вносили в партию колебание, политическую неустойчивость и буржуазные навыки мысли. Все это нарушало однородность соц.-демократии, социализм заражался оппортунизмом. Кроме того,

в погоне за избпрательным успехом, в увлечении вербовкой „попутчиков“ германская соц.-демократия неизбежно вступала на путь приспособляемости. Мелко-буржуазная стихия понемногу захлестывала социализм, буржуазные влияния крепли, и сама соц.-демократия превращалась в „попутчицу попутчиков“. Желая навербовать как можно больше избирателей, чтобы победить на выборах, партия идет на уступки буржуазной психологии. Лавируя между рифами, соц.-демократия все больше устремляется к оппортунизму. Лучшие вожди пролетариата понимали, что „достаточно проникнуть острию оппортунистического клина в партийную тактику, чтобы он тотчас же вошел в нее целиком“. Либкнехт неоднократно предостерегал партию от этой опасности, указывая, что она страшнее открытого классового врага. „Враг опаснее всего, когда он приближается к крепости как друг—как друг прокрадывается в нее, как друг и союзник“. Вот одна из причин, которая привела германскую соц.-демократию к 4-му августа 1914 года, когда социалисты об‘явили священной грабительскую войну и голосовали за военные кредиты.

ж) Бюрократическая верхушка.

Второй причиной, вторым источником, загрязнившим пролетарский характер германского рабочего движения, явилась создавшаяся внутри партии многочисленная группа так называемой рабочей бюрократии, которая подобно „попутчикам“ давала богатую пищу буржуазным влияниям, ибо приближала партийные верхи к буржуазии. Образование бюрократической верхушки сыграло в процессе загнивания соц.-демократии очень важную роль. Анализируя социальный состав германской соц.-демократии, мы сталкиваемся с интересным фактом—10% соц.-демократической партии составляет группа так называемых „самостоятельных“ (содержатели трактиров, лавок, типографий и т. д.), т.-е. типичные мелкие буржуа — являющиеся резервом для бюрократической верхушки. Но главная масса членов партии опять-таки состоит не из рядовых рабочих, а квалифицированных (рабочая аристократия), лучше оплачиваемых. Эти последние, получая жалкие об‘едки с империалистического стола, были заинтересованы своими щедрыми господами и служили им верной опорой, лучшим проводником буржуазных идей.

Итак, мелко-буржуазный элемент, составлявший главную массу избирателей („попутчики“), рабочая бюрократия и рабочая аристократия, как основа партии—вот те главнейшие предпосылки, кои лежат в об‘яснении развития оппортунистических и шовинистических течений.

5. Интернационал на службе у буржуазии.

а) Оппортунизм победил.

Оппортунизм победил как в германской соц.-демократии, так и во всем 2-ом Интернационале, который тактику „революционной классовой борьбы“ заменил тактикой „классового мира“ (сотрудничество с буржуазией, путь реформ, врастание социализма в капитализм), исполняя долг перед отечественным империализмом, предавая международный пролетариат. Война показала всю беспочвенность и гниль 2-го Интернационала. Не лишне отметить, что только три социалистические партии, входившие во 2-ой Интернационал (Сербии, Италии и России), остались верными интернациональной позиции и не голосовали за военные кредиты.

б) Почему соц.-дем. партии продолжают охранять свою видимость?

Интернационал, как международное товарищество рабочих, как революционный орган, погиб и, если еще до сих пор существуют соц.-демократические партии, кои сохраняют свой социалистический оттенок, то только по милости буржуазии. Буржуазным правительствам выгодно иметь буфер, который бы смягчал, а, когда нужно, и отражал революционные удары—вот эту роль и выполняет соц.-демократия. Она является верным оруженосцем буржуазии, одурачивающим рабочий класс. Чтобы такой вывод не показался странным, мы приведем выдержку из консервативного немецкого журнала: „Характер рабочей партии с социалистическими идеалами она должна сохранить, ибо в тот день, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая воспримет программу соц.-демократии и придаст ей еще более радикальную форму“. Вот правильная, беспристрастная оценка германской соц.-демократии (это в равной степени относится и ко 2-му Интернационалу) откровенным и последовательным буржуа.

в) Интернационал идет по наклонной плоскости.

Мы не останавливаемся на последующем периоде, поскольку он ничего нового, что говорило бы в защиту II-го Интернационала, не дает. Этот живой труп продолжает сохранять свою видимость, но с каждым днем он все больше отходит от рабочих, утрачивая всякую революционность. II-й Интернационал выполнил „свою задачу“, он помог империалистам довести разбойничью войну до „победного конца“, он, в лице королевского министра Вандервельде,

санкционировал грабительский Версальский мир. Катясь все дальше по наклонной плоскости, он продолжает предавать рабочих; благодаря ему буржуазии удалось выдержать первый революционный натиск и сохранить за собой господствующее положение.

г) Умирает старое, отжившее, рождается новое—революционное.

Картина распада наблюдается, как в целом так и по частям, в отдельных соц.-демократических партиях. В германской соц.-демократии после периода шовинистического угара начинает выделяться левая группа, которая вступает в борьбу с оппортунизмом, стараясь вернуть партию к ее славному прошлому. В период войны левые, возглавляемые Либкнехтом и Р. Люксембург, находились в меньшинстве и преследовались правительством. Вожди этой группы, Карл Либкнехт и Р. Люксембург были изменнически убиты, но революционное течение не заглохло, оно вновь привлекает к себе широкие пролетарские слои уже под руководством III-го Коммунистического Интернационала.

6. Выводы.

Из всего сказанного необходимо сделать следующие выводы:

1) Так как мировая война есть следствие империалистской политики господствующих классов, поэтому лозунг „защита отечества", выброшенный II-ым Интернационалом, есть лозунг шовинистический, он знаменует собою кризис соц.-демократии, который закончился крахом 2-го Интернационала.

2) Во II-ом Интернационале с момента его возникновения боролись два течения—интернациональное и национальное; в эпоху мировой войны победило последнее: Интернационал отказался от прежней революционной позиции, изменив тем самым делу рабочего класса.

3) Отказавшись от лозунга „классовая борьба", II-ой Интернационал вступил на путь „примирения с буржуазией" и служения этой последней; он превратился в „сторожа, цепную собаку у ворот буржуазии".

4) Революционный на словах, он оказался предательским на деле—не только не сделал реальной попытки предотвратить мировую бойню, но помогал буржуазии довести ее до „победного конца".

5) Социал-предатели помогли буржуазии приостановить ход мировой революции, задержав ее на первом этапе.

6) В настоящее время, когда мы стоим перед угрозой новой войны, 2-ой Интернационал продолжает вести свою гнусную политику, поэтому борьба против новой войны есть одновременно борьба против 2-го Интернационала.

Д. Котин.

ГЛАВА III.

Война, как таковая, или размеры катастрофы.

---

1. Колдун не знал, какие силы вызовет.

Итак, началась война. Миллионы людей были оторваны от своих станков и полей и брошены друг на друга.

Десятки лет мир твердил о неизбежности свалки, техника творила чудеса, говорилось о „вооруженном пароде“, ставились на карту судьбы государств. Но настал момент— и безотрадная картина вскрывшегося гнойника предстала перед всеми.

Как и в прежние войны, постоянные армии и флот пополнились людьми, лошадьми и всем необходимым и двинулись в бой.

Воевать начали только армиями, а (страны) тыл. . о них вспомнили в последующие дни.

Готовились долго, настойчиво тратились колоссальные суммы народных денег, но застывшая мысль, оторванность от жизни, лсжная узко-военная специализация—сказались.

Как долго ни готовились к войне, все же все армии, даже наиболее передовая—немецкая, выступили со взглядами и организациями, совершенно не соответствовавшими запросам развернувшейся войны.

Большие массы бойцов не были предусмотрены, а между тем одна только Россия по первой же мобилизации подняла 15 годов запасных в количестве около 3.500.000 людей, т.-е. состав мобилизованной армии равнялся почти 5.000.000 человек (в августе 1914 года). Затем, в течение первого же года войны были призваны новобранцы, ратники ополчения.

Таким образом, 10.000.000 на-лицо было только в одной России.

Так происходило и в других государствах.

Запасы вооружения, снаряжения, обмундирования и проч. далеко отстояли от потребного количества.

Если война открыла, что Англия лишена была вначале какой бы то ни было системы, если Германия оказалась не на высоте требований, то наша расхлябанная, бюрократическая, прогнившая империя, естественно, с первых же дней должна была получить такие перлы, как запасные части, числившие в ротах по 1.000 человек, недостаток органов, которые могли бы подготовить призванный сырой людской материал, отсутствие какой бы то ни было возможности поставить правильно занятия: ведь на каждого командира взвода приходилось по 250 и более обучаемых, т.-е. взвод равнялся роте боевого состава.

Кроме того, надо принять во внимание, что более лучшие кадры ушли на фронт, а при уходе мобилизованной армии оставлено минимальное число обучающих для 188 запасных батальонов, рассчитанных совершенно не на такой большой переменный состав, какой получился благодаря „продуманной“ постановке дела.

Правда, мобилизационный план намечал—на бумаге—еще 500 баталионов.

Такое предположение являлось именно чисто канцелярским, бумажным, так как ни кадров, ни материальной части для этих 500 батальонов не приготовили.

Ничего нет удивительного, что по истечении 4—5 месяцев войны, при подобной блестящей организации (еще за 2 с лишним года до революции), появились первые признаки военного развала тыла.

О допризывной подготовке не могло быть и речи, не допускалось и мысли, так как рабочие и крестьяне—главная масса пополнения армии—считались „неблагонадежными“, и наличие у них даже элементарных военных познаний было опасным для „существовавшего строя“.

Не даром еще до войны рекомендовалось избегать производства в унтер-офицеры солдат из рабочих.

Последующие события заставили забирать в ряды армии недозревшую молодежь, стариков, калек.

Во Франции появились на сцене „цветные“ войска.

Англия добровольной вербовкой не могла заполнить быстро таявшие ряды своих полков и перешла к всеобщей воинской повинности.

В небольших воюющих государствах, в деревнях и даже в городах, мужчина был диковинкой.

Значение воздушного и подводного флота, автоматического оружия не было учтено.

Крепостям придавали бо̀льшую ценность, чем оказалось на самом деле, а тяжелая артиллерия обделена была должным вниманием, хотя и считали, что ее роль будет повышена в сравнении с прежними войнами.

Самое же главное — не были учтены хозяйственные факторы.

Исключение представляет Германия, но и у нее были прорехи.

И в то время, когда запасы всего необходимого для войны были ничтожны, ни Франция, ни Англия, ни Россия, ни остальные союзники об этом не позаботились.

У всех сложилось необоснованное убеждение, что через три, самое большое—шесть месяцев, война закончится, и с тем, что имелось, да с плановой нормой на основании предыдущих опытов—обойдутся.

Была бы мобилизована армия, а мобилизация всей страны (промышленность, сельское хозяйство и т. д.),—да об ней и не подумали. Жестокие уроки первого года войны поставили этот вопрос, ошеломив „генеральный штаб" и правительства всех стран.

Ничего нет удивительного в этом.

Если просмотрели много с точки зрения чисто военной, то, воспитываясь на истории с закрытыми глазами, учитывая только прошедшее, забывая настоящее и не заглядывая в будущее,—далеко не шагнешь.

Когда начинают блуждать исключительно в прошлом, а таковое блуждание было,—условия старых времен переносить в настоящее, принимая за вечно и неизменно повторяющиеся явления, и создавать различные рецепты, применяя их, как применили и к войне 1914—18 г.г.,—то хорошего ожидать нечего.

Метко пишет по этому поводу один из авторов труда о мировой войне: „изучали", говорит он,—„Иену,—Инкерман и Верт", а в это время современность давала одно изобретение за другим, новость за новостью, „небольшое приспособление которых помогло бы выиграть ближайшую войну в более короткий срок, чем понадобилось бы на изучение томов Клаузевица и Жомини".

Вполне понятно, что умы, заваленные археологическими древностями и не освеженные струей современности, не могли подняться до понимания назревающей войны и устроили излишнее кровопускание, заставив свои страны жестоко перестрадать.

2. Военная промышленность и превосходство Германии.

С самого начала войны за союзниками было обеспечено полное господство над морями, но Германия, отрезанная от мира, великолепно предусмотрела это неприятное для себя

обстоятельство и, несмотря на то, что ее флот принужден был очистить от своего присутствия все воды, — она не дала возможности вторгнуться или напасть на ее береговую линию.

Заранее было организовано снабжение через дружественных агентов в соседних нейтральных странах, а последние получали таковые от Соединенных Штатов.

Военная промышленность также подготовилась и стояла несоизмеримо выше, по крайней мере в первом полугодии войны, чем у союзников, а затем уже почти уравнялась с их промышленностью.

Интересен факт, что в России до войны и в начале ее не верили в полной мере в военную и военно-промышленную мощь Германии.

Организация немецкой подготовки к войне русскому генеральному штабу была известна, но это, как видно, не натолкнуло на мысль: „а что же мы?“

„Мы“ надеялись на что -то другое, и в трудную минуту Ставка телеграммой выписывала „чудотворные иконы“.

Вероятно, надеялись на чудо и в продовольственном вопросе, потому что война застала и здесь врасплох. Запасы продуктов на местах производства не были выяснены не только в начале войны, но и в последующее время.

Первый же месяц явился для союзников месяцем расплаты за „предусмотрительность в оглядывании назад“.

Немцы вторглись в Бельгию, их тяжелая артиллерия начала давить. Бельгийские крепости сдавались одна за другой, разрушались. 42-сантиметровая (16-дюймовая) гаубица (Берта) произвела эффект.

Ничто не могло остановить их в движении вперед, даже искусственно создаваемые потопы—и через месяц захват территории Бельгии и Северной Франции лишил Францию, а, следовательно, и союзников 70% стального производства. Льеж, Мобеж и другие центры изготовления ручного оружия были в руках Германии.

Удар ощутительный.

Россия, допустившая еще в мобилизационном плане солидную ошибку в расчете оружия, патронов и снаряжения, также вскоре почувствовала значительный недостаток.

Ошибка в расчете винтовок была ни больше, ни меньше, как на 11 миллионов.

Готовность оружейных заводов требовалось с об‘явлением войны увеличить в четыре раза, чего не было сделано, да и сама мобилизация не предусматривалась.

Непредусмотрительность верхов доходила до того, что перед войной они отдали иностранным правительствам 200.000 винтовок и уничтожили вполне исправных, обеспе-

ченных патронами—400.000 берданок, попутно уменьшив на 160.000 мобилизационного запаса стволов и ложевых болванок.

Рабочие-специалисты при ряде мобилизаций необдуманно забирались на фронт, и распыление их все время продолжалось.

Винтовки на фронте начали быстро портиться от небрежного обращения с ними и слабого надзора. Убыль оружия все увеличивалась.

Организация исправления оружия крайне страдала, так как исправлять заставили те же заводы, отвлекая их от изготовления нового.

Прежняя зависимость от Германии и закрытие Черного моря для ввоза не позволяли быстро обновлять оборудование станками оружейных заводов и удорожили русские заказы заграницей.

Пулеметов еще в июле 1914 года не хватало до плановой нормы—883 штук, и только к 14 января 1915 года армия имела в войсках и в запасе 4.985 пулеметов, т.-е. один пулемет на 1.000 человек. Подобный расчет лишал русскую армию существенного вооружения и ставил в невыгодное положение в сравнении с противниками, обильно снабженными пулеметами и дававшими чувствовать свое превосходство на каждом шагу. Несмотря на то, что в пулеметах почувствовалась потребность с первых же дней, как в смысле увеличения их числа, так и для замены утерянных и пришедших в негодность,—у нас вопрос долго не двигался с места. Пулеметный отдел Тульского завода влачил жалкое существование.

О ружьях-пулеметах и автоматических винтовках в России до войны и не думали. Правда, вырабатывалась винтовка Федорова, но дело подвигалось медленно, да и значения особого ей не придавали, отводя ей, как видно, место еще в будущих войнах. Имелось только 1.000 ружей-пулеметов Мадсена, приобретенных в 1904 году, к которым после русско-японской войны отнеслись отрицательно. Война пред'явила спрос на это оружие, и Мадсен пошел в ход. Кавалерия усиленно просила выдачи. Начали собирать отовсюду.

Расчет на ружейные патроны в корне оказался неправильным и в начале войны нехватка выражалась в цифре в 2 миллиарда. В результате сокращений в мирное время денежных отпусков патронные заводы работали не в полной мере, и только за 2 года до войны производство начало усиливаться. Патронный вопрос до начала 1915 года, несмотря на явные признаки неблагополучия, мало беспокоил верхи. Удивительное спокойствие царило до тех пор, пока не грянул гром.

Расход же их во время боев был колоссальный; безумное расшвыривание их—прямо преступным. Правительство же, как барин-благотворитель, обездоливало бойцов, снабжая из имеющегося нищенского количества Болгарию, оказавшуюся потом в стане врагов, Черногорию, Монголию и Сербию.

Острая недостача патронов всколыхнула руководящие сферы в начале 1915 года, и тут же выяснилось, что никакое расширение имеющихся патронных заводов покрыть нужду не в состоянии, надежды на заграницу слабые.

Уже с 10 августа 1914 года (первый месяц войны) фронт забил тревогу о недохватке артиллерийских снарядов (преимущественно к 3-дюймовым пушкам); но как же могли удовлетворить голод, когда к моменту войны русская снарядная промышленность не была подготовлена, так как предполагали, что войну можно вести только за счет заготовленных в мирное время запасов.

Полевая тяжелая артиллерия выступила на войну, имея только половину положенных для нее снарядов. Господствовало мнение, что центр тяжести лежит на полевой легкой артиллерии, и только она и решит участь кампании. Мнение вкоренилось крепко, несмотря на осязательные примеры начавшейся войны. Ставка первый год самое большое внимание уделяла только снабжению 3-дюймовых орудий и обходила тяжелые.

Какова была действительная потребность в тяжелых снарядах—трудно было ответить, так как точный учет расхода велся самым небрежным образом, небрежнее, чем 3-дюймовых. Фактически тяжелые орудия испытывали недостаток в выстрелах. К 14 января 1915 года для полевых 48-линейных гаубиц нехватка в снарядах соответствовала нехватке 3-дюймовых снарядов. 6-дюймовые гаубицы находились в более худшем положении: для них оставалось всего около $^1/_3$ комплекта.

Переходя к вооружению артиллерии, мы увидим, что русская армия выступила почти с полным составом; не хватало лишь в запасах военного времени $2^1/_4\%$ от положенного по мобилизационному плану числа.

Недостаток горных пушек и некоторых гаубиц восполнился к третьему месяцу войны.

Иначе станет вопрос, если сравним артиллерию русскую и противников.

Всего должно было быть у русских—7.088 орудий; у немцев—9.388, да у австрийцев—5.112. Итого, у противников—14.500 орудий.

Кроме того, как в Германии, так и в Австрии, как к началу войны, так и после начала, шли усиленные форми-

рования, так что количество орудий, несомненно, у них было еще большее.

Если принять во внимание, что французы выставили с начала войны 4.032 орудия, англичане и бельгийцы около 1.400, да у Сербии—583, то всего у союзников оказалось орудий легких и тяжелых с надбавкой русских—13.103. Немцы и австрийцы значительно превосходили союзников (не надо забывать, что цифры Германии и Австрии уменьшены).

Интересное соотношение получится, если сравним число орудий, приходившихся на одну дивизию:

Россия. . . . . 54 орудия
Германия . . . . 80 „

а по числу батарей на ту же дивизию:

Россия. . . . . 7 „
Германия . . . . 14 „
Австрия . . . . $9^1/_2$ „

Числом тяжелых орудий противники превосходили союзников.

В смысле организации и числа орудий Россия значительно уступала Германии и Австрии, и этот минус в дальнейшем для нас был еще более ощутительным, так как благодаря немецкой промышленности производительность была велика и формирования шли в широких рамерах.

3. Доходное дело „гробовщиков“.

Когда беда нагрянула на союзников и они увидели, что своими силами не в состоянии справиться с задачей, то их взоры невольно обратились к странам, не занятым войной.

Потребность в оружии и снарядах велика, необходимо государство с большим производстьом станков, которые были бы годны и приспособлены к нуждам сухопутного вооружения.

Таких государств было два: Германия и Соединенные Штаты. Германия—враг. Остаются Соединенные Штаты.

Морган, Гренфель и К°, видя затруднительное положение Англии, Франции, а потом и Италии, ловко захватывают в свои сети заманчивую добычу, через их посредство принимаются заказы в Америке.

„Благодетели“ работали не из-за прекрасных глаз союзников, не из сожаления к их безвыходному положению. Их интерес заключался в том, чтобы выжать как можно больше прибыли из войны.

Союзники оказались в когтях американской финансовой промышленной группы, которая в первый период войны напрягала все свои силы для того, чтобы снабдить Антанту

оружием, а потом, отлично учтя, что закабаление заказчиков прочное,—распоясалась: конкурентов ведь не было.

Хочешь иметь снаряды и оружие, плати деньги; денег нет—ничего не получишь. Получай от нас же заем... и деньги, дескать, к нам вернутся, проценты получим, на заказе заработаем, да еще должниками останетесь.

Появился целый ряд темных дельцов разного калибра, почуявших добычу.

Приобретение винтовок затруднялось тем, что приходилось их добывать контрабандным путем, так как продажи нейтральными кому-либо из воюющих допускается.

На этой почве темные личности и заработали.

Всевозможные предложения со всех сторон, даже из союзных стран, сыпались, как из рога изобилия, но 99% из них не имели под собой почвы.

Вороны стремились урвать аванс и—дело с концом.

Как же Америка выполнила наши заказы?

К примеру: завод Винчестера к марту 1917 года, поставил все 300.000 винтовок; завод Ремингтона к апрелю 1917 года—всего только около 9%, хотя полностью должен был изготовить к марту 1917 года; завод Вестингауза—только 12% заказа.

Таким образом, Америка через 26 месяцев после заключения контракта выполнила одну десятую часть взятого на себя на этот срок обязательства.

В конце концов, на вооружении русской армии оказалось 10 образцов винтовок старых и новых систем, начиная от однозарядных и кончая взятыми у противников.

Каждая винтовка требовала снабжения особымы патронами.

С пулеметами та же история.

Весть о недостатках в боевом снабжении всколыхнула отечественных акул, почуявших „большие куши". Началась злостная спекуляция с валютой, беспримерная вакханалия подлости, интриг, особенно при вопросе о снарядах.

Толчок был дан военным министром Сухомлиновым и начальником генерального штаба, собравшими у себя на квартире 9 сентября 1914 года представителей всех заводов, изготовлявших снаряды.

Совещание окончилось тем, что развило грабительские аппетиты и поставило военное ведомство в зависимое положение от поставщиков, кричавших: „война до победного конца" и рвавших при всяком удобном случае, тем более, что чувствовали за собой покровительство высоких особ. Помощь же для обороны была ничтожна.

До чего все было расхлябано—показывает пример. Когда начальник ГАУ почти год спустя после войны, не мог добиться от министерства торговли и промышленности: на

каких заводах, сколько и какой силы прессов состоит, на каких заводах имеются сильные станки, пригодные для обточки снарядов крупного калибра, на каких коксовальных заводах и в каком количестве производится добыча сырого бензола и разгонка его на толуол, каковы перспективы министерства по части обеспечения нашей потребности в кислотах, серной и азотной, и в смазочных маслах, где можно достать квалифицированных рабочих нужных специальностей и проч., и проч.

Ответы или не давались, или же ничего общего не имели с действительностью.

Вообще же, для этого министерства войны как-бы не существовало.

Аферисты и различные министерства занимались спекулятивной скачкой и бездельничали, а армия гибла „до победного конца".

„Могущественная Российская Империя" обратилась в приживалку союзников, действовавших нахрапом и преследующих только корыстные цели.

Когда затруднения с выработкой снарядов для тяжелой артиллерии в 1916 году достигли наивысшего предела, то пришлось заменять стальные снаряды суррогатом.

У союзников также вопрос с тяжелыми снарядами обстоял не лучше, и они перешли на так называемый „сталистый чугун", т.-е. добавляли к чугуну во время плавки стальные обрезки.

Этот сталистый чугун потом начали применять и мы.

Хуже обстояло дело с более крупными калибрами тяжелой артиллерии от 8 дюймов и выше, и царское правительство еле-еле справлялось с заготовкой.

Бессистемно в начале войны велись и формирования из легких орудий: о потерях и повреждениях точных сведений в первое время не имелось; поэтому планомерности в снабжении установить не представлялось возможным. Только в первой половине 1915 года можно было уяснить, что ежемесячно для фронта необходимо 293 полевых и горных пушки, а через 3—4 месяца эта цифра возросла до 540; потом единовременно потребовали 1.479 пушек.

Долго не могло определиться и ежемесячное количество пополнений тяжелыми орудиями.

Непредвидение по части полевой тяжелой артиллерии еще более сказалось.

Потребовалось больше намеченного по мобилизационному плану легкой, горной и мортирной артиллерии вдвое, а годичное пополнение—в 14 раз больше.

Та же ошибка, что современную войну в большом масштабе можно вести на мирные запасы, повторилась и с орудиями.

Что касается противосамолетной (зенитной) артиллерии, то она совершенно в расчет не принималась, а уже весна первого года войны настойчиво потребовала большого количества зенитных пушек. Их не было.

Даже для охраны считавшихся в то время важными пунктами—Царского Села и Ставки — в апреле 1915 года невозможно было отпустить двух 4-орудийных батарей.

Вопрос с зенитными пушками обстоял остро не только в России, но и у союзников. Пришлось кустарничать, создавать особые установки под обыкновенные 3-дюймовые пушки, и русская армия почти всю войну провела с очень малым числом зениток.

Тяжелая артиллерия осадного типа в мобилизационном расписании осталась совершенно без указаний.

Немцы же выступили с таким количеством тяжелой артиллерии, что давили своих противников и сокрушали солидные крепостные сооружения.

Только год спустя горе-вояки опомнились и взялись серьезно за дело.

Прореха была велика, разница в сравнении с противником била в глаза.

Отсталость в артиллерийском вооружении, конечно, является результатом преступного бесхозяйственного отношения правящих кругов, которые противогосударственно вели дело с имевшимися оружейными заводами, но зато оказывали крепкую поддержку частным заводчикам в их борьбе против казенных заводов, стоявших на пути и мешавших беззастенчивому грабежу народных средств.

Русские заводы не могли, при всем нажиме на них удовлетворить потребности армии; о постройке новых думать было нечего, и опять на сцену выступает заграница со всеми ее прелестями, жестоко отзывающимися на финансах страны.

Опять Англия, Франция, Япония и, вне всякого сомнения, Америка, доставившие России 23,9% всей потребности, остальные 76,1% выполнены русскими заводами.

Пропущена Италия, изготовившая 200 пушек 42-линейного калибра, принятые нашими приемщиками в Модене, но до сего времени не доставленные.

Часть заграничных заказов при перевозке затоплена германскими подводными лодками.

Состояние некоторых русских пушечных заводов требовало принятия ряда мер, чтобы направить их работу в должное русло: Пермский,—кстати сказать, имевший несчастье быть в ведении Горного Департамента знаменитого министерства торговли и промышленности,—к началу войны оказался вовсе необорудованным для изготовления всех круп-

ных калибров, так как безгосударственность сказалась и на нем.

Путиловским—владели банкиры, которым важнее всего была прибыль; и пришлось взять его в казенную опеку, назначить правительственного директора, наложить секвестр и разогнать частное правление.

Петроградский Орудийный завод—скорее крупная орудийная мастерская, не имевший не только литейного цеха, но даже хорошей кузницы.

Страна переживала тяжелые, кошмарные дни, но императорское русское правительство осталось верно самому себе. Оно не столь боялось проигрыша войны, сколь дрожало за власть, за свою шкуру.

Когда главковерх в ноябре 1914 года в Ставке заявил председателю Государственной Думы Родзянко: „Я в безвыходном положении. Армия без сапог... Помогите!“ и Родзянко вздумал устроить с‘езд общественных организаций для налажения снабжения,—то министр Маклаков ответил: „Я не могу разрешить с‘езда: это было бы демонстрацией неналаженности снабжения; и, кроме того, я не хочу дать разрешения: вы под видом поставки сапог будете делать революцию“.

Другими словами: „чорт с ними, пусть мерзнут, гибнут, лишь бы не демонстрировался наш хаос и как бы за это нам всем вкупе не свернули шею“.

Бедный, верный слуга царского трона, М. Родзянко—даже и ему не верили, и он попал на скрижали неблагонадежных!

Хотя, когда уж было бывшим министрам вдаваться в какие-то мудреные соображения, когда их, подобно Горемыкину, вынимали на посты из „нафталина“, как из какого-нибудь склада завали!

4. С камнями на борту.

В то время, как всемирные, союзные и отечественные торгаши спорили из-за каждого винтика, стремясь сорвать как можно больше, обделывали свои темные грабительские делишки, на фронте,—где мужики, рабочие и батраки раздетые, голодные, безоружные дрались за интересы этих скаредных акул,—разыгрывалась неподдающаяся описанию драма.

Противник беспощадно заливал свинцом и сталью все пространство, вырывал сотнями, тысячами жертвы, калечил и рвал на клочки людские тела, сравнивал с землею все, что создала рука человека, и гнал многомиллионную армию, не могущую сопротивляться.

Нет, гонимая царской плеткой армия сопротивлялась: она молча, со стиснутыми зубами, выпустив по десятку оставшихся на роту в запасе патронов, бросалась на преследователя, повисала бездыханными трупами на колючей проволоке и, устилая путь мертвыми и корчащимися от боли ранеными, как ошпаренная, неслась назад, напутствуемая пулеметным градом и ураганным огнем противника.

Достаточно было окопаться, как за каждым стрелком с винтовкой становились безоружные, ожидая смерти или ранения впереди находящегося, чтобы воспользоваться ружьем.

Да и эту смену приходилось учить обращению с оружием, так как в запасных баталионах винтовку показывали, как музейную редкость, а на тактических занятиях приказывали обозначать стрельбу хлопанием в ладоши.

Немцы одно время с торжеством оповещали всех, что захватили большое количество русских в плен, вооруженных дубинками.

Тот же Родзянко отмечает, что армия сражалась почти голыми руками, и повествует: „При моей поездке на фронт весной 1915 года я был свидетелем, как отбивали неприятельские атаки камнями“.

Это против тяжелых-то пушек и пулеметов!

Додумывались до того, что предполагали вооружить войска, на подобие древних Россов, топорами.

Конечно, витание в древности к древности же и приводит.

Обозы имели удовольствие лицезреть впереди себя похоронную процессию наших батарей, уходивших в тыл, чтобы не достаться в руки противника, так как на позиции им в подавляющем большинстве делать было без снарядов нечего.

В руках немцев осталась территория в несколько тысяч квадратных верст, усеянная могилами несчастных, бесплодно положивших свой живот за веру в обман, за царя— врага народа и отечество кулаков.

5. Техника смертей.

Техника в мировую войну проявила себя в размерах, невиданных до того времени.

Уже первые дни показали, что артиллерия приобретает значительный вес. Такого колоссального количества снарядов, какое выпускалось ежедневно, и представить себе трудно.

Цифры и примеры красноречивее каких-либо рассуждений иллюстрируют это.

В 1916 году на русском фронте выпущено было одних 3-дюймовых снарядов—16.815.000.

Были дни, когда отдельная пушка выпускала по 162 и более снарядов.

Под Верденом французами за 116 дней выпущено 10.642.800 снарядов разного калибра.

Орудия иногда накалялись докрасна, так что случайно упавшая на тело пушки шапка загоралась, как в печке.

Калибр орудий дошел до 16 дюймов со снарядами до 60 пудов.

Примером достижения в дальности может служить, так называемая, „сверх-дальняя“ пушка, из которой немцы обстреливали Париж (120 километров).

Появились зенитные орудия для обстрела аэропланов.

Артиллерия передвигалась не только на лошадях, но и на железнодорожных платформах, на тракторах.

Позиционная война вызвала к жизни бомбометы и минометы.

Большое распространение получили ручные гранаты разных систем.

Количество пулеметов возросло до солидных размеров.

Даже у нас вместо имевшихся в начале войны 8 пулеметов на полк (16 рот), т.-е. по $^1/_2$ пулемета на роту, впоследствии было по 2 пулемета (32 на полк), а некоторые части всеми правдами и неправдами расширяли это число еще более.

Ни одна часть уже не мыслила себя в бою без пулеметов.

Автоматы, ружья-пулеметы завоевали себе положение.

25 апреля 1915 года явилось днем, когда мир столкнулся с новым средством борьбы—газами.

Немцы начали терпеть недостаток в снарядах, артиллерия своим огнем заставила придумывать способы предохранения живой силы, что опять-таки послужило поводом к изысканию средства хотя бы временно выводить из строя уцелевшего от осколков и пуль, противника, и вот поступает предложение берлинского профессора Габера пустить—ядовитые газы.

С другой стороны, существовало постановление Гаагской конференции, подписанное 29 июля 1899 года государствами, в том числе и Германией,—не употреблять снарядов, „единственным назначением которых является распространение удушливых и ядовитых газов“.

Постановление—бумага, а сколько уже аналогичных бумажных договоров было нарушено.

22 апреля 1915 года, около 5 часов вечера, густое желто-зеленое облако тяжелых газов, надвигавшееся из немецких окопов на французов, возвестило, что постановление конференции положено под сукно в одном из министерств Вильгельма.

Вся дивизия, которой впервые пришлось испытать на себе итоги Гааги, оказалась неспособной ни к каким действиям, а через час только 50 одиноких орудий, да 12.000 трупов свидетельствовали, что здесь стояла дивизия.

Хлор подействовал.

В мае месяце англичане отплатили немцам тою же монетой.

Против хлора появился противогаз.

Начинается скачка с газами и работы над противогазами.

Почти одновременно с удушливыми газами вошли в обиход и „слезоточивые", не являющиеся такими ядовитыми, но производящие такое утомляющее и раздражающее действие, что отравленные выбывали из строя.

Выпуск газов из баллонов требует целого ряда условий и средств, и использование не всегда возможно.

В июле 1917 года у англичан появляется газомет, бомба коего вмещает около 30 фунтов фосгена.

Подобных бомб, например, под Ленсом, выпущено около 2.500 в один прием.

Приспособили миномет, стрелявший газовыми снарядами на 800—1.000 ярдов.

Наконец, газы перебрасываются артиллерийскими снарядами, для которых условия, препятствующие выпуску из баллонов, не являются помехой.

Изобретение предохранительной маски, гарантирующей от отравления, привело к применению „чихательного газа".

Белое твердое вещество газа, помещенное в артиллерийском снаряде, при разрыве последнего, распыляется, проходит через противогаз, вызывает чихание в таком размере, что боец бывает вынужденным снять маску, а, сняв маску, попадает под действие удушающего газа, так как чихательный газ употребляется совместно со смертоносным.

Летом же 1917 года немцы применили на Ипре и, так называемый, „Иперит" (получивший название от Ипра), или „горчичный" газ.

Мало того, что иперит оказывает удушающее действие при вдыхании его, но достаточно, чтобы он попал на кожу в виде брызг или пара, и тяжелый ожог выбивает бойца.

Обыкновенная одежда не защищает от иперита.

Кроме того, ожоги появляются часа через 4, а то и 12 после действия и требуют долгосрочного излечения.

Еще его особенности: действует в теплую погоду в течение 2—3 дней, а в холодную—до месяца.

В земле разлагается долго и является опасным для работ месяцами.

Каково было применение газов, можно видет на следующих примерах: под Ньюпором в одну ночь немцы выпустили 50 тысяч гранат с ипеританом.

В конце 17 года за 10 дней выпущено один миллион снарядов с горчичным газом около 2.500 тонн.

При атаке Армантьера в 18 году германцы буквально затопили этот город ипритом так, что он тек по улицам. Англичане оставили город, но и немцы из-за газа в продолжение двух недель не могли войти в Армантьер.

Англичане высчитали, что в конце 17 года за один месяц от газов они потеряли столько, сколько случаев отравления было за все предыдущие годы войны, взятые вместе.

Химическая война вызвала устройство заводов для выработки газов.

Все технические силы Америки, Франции и Англии были мобилизованы для заводского производства химических веществ.

Теперь перейдем к танкам.

В начале войны работали, так называемые, броневые машины, но, затем, когда маневренная война превратилась в позиционную и армии окопались, окопы оплели густой сетью проволоки, по которой частенько пускался и электрический ток, да понаставили большое число пулеметов и орудий,—то наступление против такой твердыни оканчивалось громадными жертвами.

Снаряды атакующих, сравнивая с землей все инженерные сооружения, одновременно так изрывали землю, что движение становилось затруднительным, особенно подвоз снабжения.

Надо было выходить из положения.

Придумали было стальные шлемы, щиты, латы, но результат небольшой, и вот англичане обратили свой взор на имевшиеся у них американские тракторы для сельскохозяйственных работ.

Через некоторое время появился танк, или, как писалось в одном из писем к английскому министру: „зверь, переезжающий через возвышения в 4 фута 6 дюймов и вертящийся на своей собственной оси, как собака с блохой в хвосте“.

15 сентября 1916 года на Сомме впервые пущены в ход 49 танков, а 21 марта 1918 года появились они у немцев.

Танки двигались через возвышенности, окопы; рвали проволоку, ломали все на своем пути и поражали пулеметным и орудийным огнем.

Они прочищали путь своей пехоте, которая шла за ними.

Конечно, первое их действие было ошеломляющее.

В мировую войну, кроме обыкновенных аэростатов или, как их называли, „колбас“, в воздухе завоевали господство аэропланы и дирижабли (управляемые аэростаты с моторами).

В начале войны у Германии имелось 15 дирижаблей, в России и Франции—по 14, в Австрии—4 и в Англии—3; но настоящим воздушным кораблем явился немецкий „Цеппелин“.

Указанные дирижабли остальных государств оказались совершенно непригодными для боевой работы.

Немцы имели верфи и построили за 4 года войны 87 дирижаблей разных систем.

Они вооружались пушками, но большею частью—бомбами и пулеметами.

Разведка, охранение бухт, нападения на морские суда, налеты на территории противников с бомбометанием—вот их была задача.

За время войны они совершили 450 полетов, при чем некоторые были без спуска 105 часов подряд.

Большую службу выполнили и английские и французские дирижабли по охране переправ английских и американских войск во Францию.

Таких случаев охраны было 2.141.

Охрана настолько существенная, что зарегистрирован только один случай нападения на судно тогда, когда дирижабль отошел от корабля на 8 километров.

Английские дирижабли пробыли в воздухе за время войны 83.360 часов, французские—13.200 часов и прошли путь в 641.250 километров.

Англичане отмечают, что за 51 налет немецких цеппелинов у них убито (в городах) 498 человек и ранено 1.236.

Такой воздушный корабль несет с собой до 200 пуд. бомб.

Можно себе представить, какие разрушения он натворит.

Итальянцы, имевшие небольшое количество дирижаблей, произвели 258 удачных бомбардировок и сбросили 2.000.000 килограммов взрывчатых веществ.

Особенно сильно развернулась работа аэропланов.

Разведка, нападение, бомбометание, корректирование стрельбы, связь, фотографирование,—все выполнялось ими.

От глаз авиатора воюющие принуждены были прятать свои тылы, войска, совершать многое ночью.

Следствием развития авиации появилась в широких размерах маскировка, бывшая до того в зачаточном состоянии.

Целые районы пришлось декорировать, дабы ввести в заблуждение воздушного врага.

Борьба между авиацией и маскировкой еще не закончилась, да и вряд-ли ей будет конец.

Чтобы понять, какие размеры приняла авиация во время войны, лучше всего опять перейти к цифрам.

Германия с 14 по 18 год построила—47.637 аппаратов.

Франция, Англия и Америка—129.209, т.-е. все воюющие страны имели более 200.000 аэропланов.

Какая это сила,—представляется судить читателю.

Потери в аппаратах были у Германии—3.128, у союзников более 7.000.

Вооружались аэропланы бомбами, стрелами, пулеметами, пушками (у нас—„Илья Муромец“).

Каково их действие?

В последних боях на западном фронте русские летчики на высоте не более 2 метров пулеметным огнем косили буквально немецкую пехоту, внесли панику и обеспечили нашей армии успех.

На Стоходе в районе Червищенского плацдарма немецкая эскадрилья в составе около 17 аппаратов разметала нашу кавалерийскую часть и не дала перейти через реку.

Авиация очень часто прямо прекращала работу штабов.

В 18 году немецкие летчики вступили в бой с английской эскадрой из 25 линейных кораблей, 6 крейсеров и большого количества миноносцев и подводных лодок; потопили 3 подводных лодки, повредили один крейсер и одну миноноску, а сами потеряли только один аэроплан и один дирижабль.

Были случаи, когда немецкие летчики атаковывали на ходу наши эшелоны, спускаясь на высоту телеграфного столба.

А взрыв наших артиллерийских складов у ст. Маневичи?

От кого имели наилучшие и наивернейшие снимки позиций!—от летчиков.

Да, об их работе можно написать целые томы чудесных рассказов.

Что за работа была у авиаторов, показывает количество израсходованного бензина за войну—232 миллиона килограммов.

Одними английскими гидро-аэропланами за 5 месяцев 18 года было сброшено 10.432 бомбы, общим весом 132.174 пуда.

Между прочим, были случаи, когда самолет налетел на коммерческое судно, в открытом море, высаживал десант, захватывал корабль и приводил к своим.

Место не позволяет обрисовать многие интересные моменты авиации, а также и другие чудеса техники, применявшиеся в империалистической войне 1914 г.

Колоссальную роль сыграли в войне также и железные дороги.

Поделимся краткими, но яркими сведениями из французских источников.

Мобилизация потребовала 3.000 поездов в 147.000 вагонов.

Во время высадки английской армии на узловых станциях проходило по 200 поездов, т.-е. через каждые 8 минут один поезд.

Когда прибыли во Францию американцы, то в течение 3 месяцев перевезено 752 тысячи человек и 1.125.000 тонн груза.

За время войны во всех воюющих странах построено несколько тысяч верст новых дорог.

6. Обильный урожай.

Мировая война затронула все стороны жизни государств, потребовала колоссального напряжения сил и средств, оторвала от постоянного мирного производительного труда миллионы рук, закрыла границы, моря, нарушила нормальную работу транспорта и т. д., что, естественно, быстро отразилось на хозяйстве стран.

Для войны нужны деньги, и, если взять хотя бы одну только Россию, то ей день обходился в 1914 году в 10.000.000 рублей, а в 1917 году уже 41.000.000 рублей— только на одни чисто военные потребности.

Вполне ясно станет, что в каком бы положении ни находилось государство, оно с обыкновенным бюджетом не справится.

На сцену выступили усиленные налоги, займы и увеличение бумажных денег.

К 1-му сентября 17 года „бумажками" наша страна была наводнена в 10 раз больше, чем до войны.

Получилось вздорожание товаров, на что также имели влияние и другие условия, как мы увидим ниже,—а раз товары дороже, то дешевле деньги; рубль обесценивался.

Финансы всех воюющих стран начали быстро ухудшаться и в некоторых местах дошли до катастрофического положения.

Везде наблюдалось быстрое исчезновение звонкой монеты.

В результате падения рубля и паники в первые дни войны, золотые деньги во всех странах также быстро исчезли из обращения.

Кроме того, золото от воюющих в большом количестве уходило в нейтральные страны за заказы.

Нехватка рабочих рук, уменьшение скота, а следовательно, и удобрения, тяжелое положение с искусственным удобрением, так как привоз и производство его в сильнейшей степени сократились,—понизили сбор хлебов и урожайность, а также уменьшили площадь посевов, за исключением Англии.

В нейтральных государствах, тем более в Америке, наблюдалось сильное увеличение как посевной площади, так и сбора.

До войны Россия снабжала мировой рынок хлебом и сельско-хозяйственными продуктами.

Казалось бы, что при условии, когда эти продукты будут оставаться внутри страны, вообще не почувствуется затруднений, и, если остальные страны, занятые войной, скоро начали ощущать недостаток, то нас бы таковая беда должна была миновать.

На самом же деле получилось обратное.

Как указано вначале, война, в смысле организации продовольствия, застала Россию врасплох, бесхозяйственность, невыясненность, где и сколько продуктов, неумение подойти к делу—поставили вопрос остро.

Армии необходимы были большие запасы, которые черпались из деревни, куда в обмен потекли денежные знаки в довольно значительном размере.

Крестьянство уже не стало выбрасывать на внутренний рынок свои продукты по дешевой цене: уменьшение урожайности, уменьшение в посевах некоторых злаков, которые требовались раньше для вывоза, спекуляция, неорганизованность, падение рубля—вызвали повышение цен на пшеницу, рожь, овес, ячмень и проч.

В виду требования фронта, вызывалось увеличение убойности скота. Для одной только русской армии ежегодно поставлялось по 760 тысяч голов на каждый миллион солдат, и наличие скота, особенно в России, Германии и Франции, быстро пошло но убыль.

В 1915 году мы столкнулись с недостатком семенного овса, так как необдуманно перебросили его в армию.

Между прочим, посевная площадь в России, в сравнении с другими, уменьшилась на 6—10%.

Голландия, Германия и Бельгия страдали от отсутствия ввоза.

Вывоз из рук России перешел в Соединенные Штаты, Канаду, Аргентину и Британскую Индию.

Спрос в армию на металлы, кожу, сукно, табак и проч.—повысили деятельность заводов и фабрик.

Даже женщины и подростки работали сверхурочно,—по ночам и праздникам.

1915 год принес повышение цен на хлопок, и, несмотря на сильный спрос на продукты прядильно-ткацких фабрик, последние начали сокращать производство.

Недостаток рабочих рук—углекопов повел повсеместно к сокращению добычи угля. Например, в России цифра выработки каменного угля и антрацита к началу 16 года понизилась на 7,4%, а к 17 году—на 19,8%.

Зато в нейтральных странах повысилась.

Точно также было и с железной рудой, производством чугуна, стали, добычей меди, свинца.

И в то время, когда Европа страдала от недостатка указанных продуктов, некоторые нейтральные страны, особенно Америка, испытывали значительный избыток (под‘ем).

В России в 14 году производство чугуна равнялось—4,3 миллиона тонн, а стали—4,7 миллиона тонн; в 17 году чугуна—3 миллиона тонн, сталь же почти сошла на нет.

Соединенные же Штаты в 13 году дали чугуна и стали по 31,5 миллиона тонн, а в 16 году уже 40 миллионов тонн чугуна и 43,5 миллиона стали—последней в 17 году почти 46 миллионов тонн.

Производство сахара, как результат сокращения посевной площади свекловицы, сократилось—и в одной России с самого начала войны из 291 сахарного завода прекратило действие сразу 32 завода.

Если экономическое положение рабочих и служащих ухудшалось и под конец стало прямо невыносимым, то промышленники и фабриканты загребали огромнейшие прибыли, и их положение расцветало день ото дня.

Недостаток продовольствия вызвал во всех странах знаменитую „карточную систему", и в первую очередь в Германии, с ее спутниками: „хвостами", голоданием одной—большей части населения—и прожиганием жизни другой—небольшой кучки банкиров и фабрикантов.

Германия, блокированная союзниками, открыла беспощадную подводную войну, что усугубляло положение.

Единственным плюсом войны было отсутствие безработных. Первый случай—в истории капитализма и то потому, что рабочих погнали избивать друг друга, а все оставшееся в тылу и могущее выполнять хотя бы какую-нибудь работу—привлекли к делу.

Дорогою ценою заплатили народы в невиданной еще борьбе за интересы капитала.

Если взять все войны, которые велись с Великой Французской Революции до Русско-Японской Кампании, т.-е. за 113 лет, то стоимость их выразится в 41 миллиарде золотых рублей; мировая война обошлась 416 миллиардов рублей,—в 10 раз дороже всех войн за 113 лет, и эта цифра еще не полная.

Задолженность за 200 лет до 1914 года всех воюющих стран равнялась 88 миллиардам рублей, а после мировой войны дошла до 451 миллиарда.

Другими словами, за войну 1914—18 г.г. набралось долгов в 4 раза больше, чем за 200 предыдущих лет.

Одной России она стоила задолженности в 30 миллиардов рублей, а общая сумма наших долгов к Октябрьской Рево-

люции дошла до 40.813.000.000 рублей плюс—развал народного хозяйства.

Сравним еще стоимость войны по годам у нас и у других воюющих: первый год Россия почти $6^1/_2$ миллиардов рублей, Англия—$5^1/_2$, Франция—более $6^1/_2$, Германия—$8^1/_2$.

Второй год—расход у всех вдвое.

В итоге первый год всем государствам стоил свыше 35 миллиардов рублей; второй год—свыше 51 миллиарда рублей; третий год—почти $86^1/_2$ миллиардов рублей.

Потери в людях достигают нескольких десятков миллионов.

Германия потеряла убитыми и ранеными более 6 миллионов человек.

Россия отдала в жертву более одного миллиона одними убитыми и свыше четырех миллионов перекалеченными и ранеными. Это в войсках, а если принять во внимание, что страдало и население, развивались всевозможные болезни, то стоимость войны в людях обошлась свыше 25 миллионов.

Убыль торгового флота только до 1 января 1918 года достигла свыше $3^1/_2$ миллионов тонн, а если сюда прибавить и погибшие военные суда, то получится цифра не менее 5 миллионов тонн.

По неполным сведениям—потоплено военных и коммерческих судов около $2^1/_2$ тысяч.

А тысячи разрушенных деревень, городов, разнесенного в прах имущества и т. д., да разве когда-нибудь человечество точно учтет то, что оно натворило в угоду проклятому золотому тельцу, в угоду подыхающему зверю-капиталу!?

А. Малышев.

ГЛАВА IV.

Как и почему война окончилась Версальским миром.

Итоги Версальского мира.

1. Причины окончания войны.

В начале войны 1914 года мало кто думал, что она может быть длительной. Слишком уж гибельными и ужасающими представлялись средства борьбы и уничтожения, коими обладали противники и кои кажутся нам ныне сравнительно мизерными.

Однако война показала, что в основном дело не в них. Велико значение технического вооружения армии, военного искусства, численности войск, но устойчивее выдерживает испытание войны и побеждает в конечном счете тот из противников, „у кого нервы крепче“.

Под нервами здесь должно подразумевать ничто иное, как хозяйственные рессурсы страны. Иссякли они, иссякнет источник вооружения фронта, питание его людьми и довольствием, а стало быть неминуемо ослабнут нервы бойцов.

Сознательно обманывали народные массы капиталистические правительства обещаниями залечить нанесенные войною раны кровью и плотью побежденного врага, заплатать военные разрухи отнятыми у него материалами. Отлично понимали они, что каждая воюющая страна будет держаться до тех пор, пока будет чем жить, и сдастся лишь тогда, когда нечем станет дышать. Знали они, что с побежденного врага именно по этой причине „взятки будут гладки“.

Тыл в современной войне имеет не меньшее значение, чем фронт: это ныне ясно каждому. Напрягая, выкачивая „все для фронта“, — обычно доводят его до изнеможения, он рушится, а вслед за ним рушится и фронт.

Именно в изнеможении тыла, в разложении его во всех воюющих странах, а тем более в странах побежденных, коренятся основные причины окончания империалистической войны.

Война поглотила по самому скромному подсчету более 25 миллионов человеческих жертв. Одна лишь Германия до февраля 1917 г. потеряла более 4 миллионов, в России же за тот же срок различными путями выбыло из строя около 8 миллионов человек. Так фронт иссякал от потери солдат, а тыл—от потери рабочей силы.

Недостаток человеческого материала—одна из основных причин окончания войны.

Война стоила человечеству только в течение первых $3^{1}/_{2}$ лет почти 600 миллиардов рублей, т.-е. более, чем все довоенные национальные богатства России, Австрии, Германии, Бельгии, Франции, Англии, вместе взятые. Германия, например, бросила в горнило войны сумму, не многим меньшую, чем треть суммы, коей оценивалось все национальное имущество страны.

При таких расходах, устремлявшихся не на приобретение, а на уничтожение и разрушение, финансовый крах был неизбежен.

Финансовое банкротство — вторая из основных причин окончания войны.

„Во всех воюющих странах повышение заработной платы не поспевает за страшным вздорожанием жизни, за повышением цен на с‘естные припасы, на обувь, на одежду, на керосин и т. д. Во всех странах, как в Германии, хозяйство в результате войны выстраивается в два этажа, верхний привилегированный этаж, обнимающий все отрасли промышленности, работающие на войну или связанные с последней, процветает; нижний этаж, удовлетворяющий интересы мирного населения, все больше и больше хиреет с затягиванием войны и идет ко дну“ (М. Павлович).

Но и процветание верхнего этажа, работающего на оборону, не бесконечно. Недостаток человеческого материала скоро сказывается и здесь; иссякает рабочая сила, мобилизуемая на фронт, иссякают нужные материалы,— так даже в Германии не хватало руды для изготовления военного снаряжения. Отсюда—удар по фронту.

Идущая ко дну промышленность нижнего этажа погружает вслед за собой во тьму и нищету широчайшие трудящиеся массы, лишающиеся топлива, керосина, предметов первой необходимости и т. д. Это—удар по тылу.

Промышленный кризис—третья основная причина окончания войны.

Было бы излишним здесь останавливаться долго на тех муках голода, в результате продовольственного кризиса, кои на-ряду со всеми воюющими державами пережила Россия. Слишком свежи воспоминания о голодных бунтах домашних хозяек, не имевших возможности принести с рынка в голодную семью кусок хлеба. Кто из рабочих не испытал их, кто не сможет рассказать о них детям и внукам?

Если наша страна, „житница Европы“, не избегла этих мук, то само собой понятно, какой продовольственный кризис вызвала война в прочих странах. В Австрии голод достиг невероятных размеров, вызывая ежедневные волнения, в Германии он взял в тиски не только тыл, но и фронт, понизив солдатский паек до $^2/_5$ фунта хлеба, даже во время захвата Украины.

Голод неминуемый в результате отрыва рабочей силы от сельского хозяйства—четвертая основная причина окончания войны.

Голод, холод, нищета, непосильное бремя труда и тюремно-военный режим, неизбежно сковывающие все воюющие страны, с каждым днем войны усиливаясь, все более и более тяжко давят на широчайшие народные массы. Наконец, рабоче-крестьянским спинам становится невмочь, народ стихийно поднимается на восстание, стихийно возникает „война войне“.

Как только это случалось, то, какова бы ни была страна, отсталая или передовая, Россия или Германия, вслед за тылом неминуемо сдавал и фронт, так как, по выражению Людендорфа: „Родина больше не была способна давать закал нервам армии и, наоборот, их терзала“.

2. Почему победила Антанта.

Все указанные явления в значительной степени сказывались так же, как в побежденных странах, и во Франции и в Англии.

Так, в 1918 году Франции не хватало почти $^2/_3$ количества хлеба, необходимого для существования тыла и фронта. Англия израсходовала с начала войны по январь 1918 года свыше 6 миллиардов фунтов стерлингов или 60 миллиардов рублей, т.-е. треть всего национального богатства.

Трудно сказать, одолела ли бы Антанта Германию, но, как говорится, и „комар волка свалит, коли медведь пособит“. Таким медведем на этот раз оказалась Америка.

Соединенные Штаты, вступившие в войну на исходе ее, влили мощную струю свежих сил в ослабевшую Антанту, не только хозяйственными рессурсами, но и человеческим материалом.

„Только на постройку и ремонт некоторых французских железных дорог, находящихся в связи с американскими линиями снабжения, было затрачено Соединенными Штатами за первый год войны 150.000.000 долларов; было закуплено 1.727 локомотивов, 22.630 товарных вагонов и 359.000 тонн стальных рельс“ (М. Павлович).

Нужно принять во внимание потери морского флота Антанты от германских подводных лодок, чтобы понять, какую роль сыграли суда Америки, строившиеся с чрезвычайной быстротой в огромном количестве.

Воздушный флот, построенный во время войны и брошенный Америкой на поле брани, обошелся ей в 4 миллиона долларов.

Соединенные Штаты доставили во Францию за время войны свыше миллиона солдат.

Нечего говорить о финансовой помощи, так как роль мирового банкира целиком перешла к Америке.

Словом, Соединенные Штаты сумели придать „закалку нервам, как в тылу, так и на фронте Антанты“.

Недаром отмечает Людендорф в своих воспоминаниях о войне 1914—1918 г.г., что „Америка вступила в войну в критический для Антанты момент. В 1918 г. Соединенные Штаты помешали нам победить“.

3. Как вышла из империалистической войны Россия.

Всякому ясно, что царская Россия, как наиболее отсталая страна, хуже других слаженная в хозяйственном отношении, стонавшая под гнетом никуда негодного государственного аппарата, должна была первою выбыть из строя.

Казнокрадство, подкуп, измена и „распутиниада“ в верхах тыла; каторжные условия труда, чрезвычайное вздорожание жизни, недостаточность заработной платы и разорение крестьянских масс в низах его, на-ряду с катастрофическими отступлениями армии на фронте,— быстро доканали самодержавие.

Уже с весны 1915 года начинаются выступления рабочих на улицу под лозунгами: „хлеба, мира и свободы“ (Кострома, Петербург, Иваново-Вознесенск).

Попытка буржуазии создать в России в целях более успешного продолжения войны „гражданский мир“, путем привлечения рабочих в военно-промышленные комитеты, успеха не имела. Российский пролетариат вслед за питерскими рабочими, под влиянием большевиков, быстро раскусил, что „гвоздевщина“ свяжет его с буржуазией, подобно цепи, приковывающей каторжника к тачке.

Неудивительно, что по указанным выше причинам еще через два года в России, по выражению тов. Троцкого: „война, не в первый раз в истории, оказалась матерью революции“.

Власть перешла формально в руки буржуазии в лице Временного правительства, фактически же ею обладали меньшевистско-эс-эровские советы. Под давлением рабочих и солдатских масс даже эти советы вынуждены были обратиться с воззванием о мире „к народам всего мира“.

Демонстрации 20-го апреля и 18-го июня 1917 года выявили, что рабочие и солдаты больше не в силах и не хотят воевать. Тем не менее буржуазия 18-го июня снова бросила в наступление армию, руками российского Бонапарта второго издания, крикуна Керенского, безволием революции ставшего у власти.

Это авантюристское наступление усилило экономический развал, подрезало ножки у трона Временного правительства и проложило, в конечном счете, дорогу трудящимся массам к Советской власти, поставив у руля ее партию большевиков.

Уже Второй Всероссийский С‘езд Советов, постановивший взять власть в свои руки и образовавший Совет Народных Комиссаров с тов. Лениным во главе, принял декрет о мире.

Через несколько дней Советская Россия предложила противникам заключить всеобщий мир. Из всех воюющих держав только Германия с ее союзниками приняли предложение о мире, Антанта же ответила угрозою, в случае выхода России из войны. Чтобы вскрыть подоплеку ее политики, Советское Правительство опубликовало тайные царские договоры.

22-го ноября 1917 г. прекращены были военные действия на нашем фронте, а 9-го декабря начались мирные переговоры в Брест-Литовске.

„К мирным переговорам мы подходили с надеждой раскачать народные массы как Германии и Австро-Венгрии, так и стран Антанты... Мы не отказывались, разумеется, от надежд на быстрое революционное развитие“ (Троцкий).

Немцы, примкнувшие на словах сначала к формуле мира „без аннексий и контрибуций“ на основе „самоопределения народностей“, на деле пред‘явили грабительские требования.

„Мы широко пошли навстречу в вопросе об осуществлении права самоопределения народов“ — рассказывает „добрый демократ“ Людендорф—„мы отказались от нашей точки зрения, что население оккупированных областей Курляндии и Литвы уже использовало предоставленное ему право на самоопределение и согласилось на новый плебисцит. Мы

только требовали, чтобы опрос населения был произведен при условии расположения наших войск в этих областях. Троцкий твердо стоял на том, чтобы мы сначала очистили страну, а затем уж население будет использовать право самоопределения“.

В виду чрезмерных требований Германии переговоры грозили оборваться. Тем более, что „против желания главных рабочих вождей в Берлине, в связи с этими событиями вспыхнула политическая забастовка. Уже в то время часть германского рабочего движения оказалась так тесно спаянной с большевизмом“ (Людендорф).

„Январская стачка в Германии говорила о том, что сдвиг начался. Какова глубина сдвига? Не нужно ли попытаться поставить немецкий рабочий класс и немецкую армию перед испытанием: с одной стороны—рабочая революция, об‘являющая войну прекращенной, с другой стороны — гогенцоллерновское правительство, приказывающее на эту революцию наступать“ (Троцкий).

Резко изменило положение предательство Киевской Рады, заключившей за спиною Советской делегации сепаратный мир с Германией и ее союзниками. Рада приняла на себя обязательство снабжать Германию и Австрию хлебом при условии удушения германскими войсками Советской власти на Украине.

„Германия не могла прокормиться только одним своим хлебом и нуждалась в подвозе; подтверждением этого является тяжелая нужда в зиму 1918—1919 г.г. Без Украины голод был неизбежен, даже если бы ему не способствовало разрушение государственного строя“, пишет Людендорф, „продовольственное положение Австро-Венгрии было столь плачевным, что, при все сокращавшемся подвозе из Румынии, она крайне нуждалась в украинском хлебе. В противном случае она была обречена на голод“.

Однако, мир с Украиной успокоил общественное мнение, рабочее движение было задушено, и 11 февраля 1918 г. нам был пред‘явлен немцами ультиматум о подписании мира с уступкой Германии оккупированных ее войсками областей.

Так как „разложение русской армии быстро двигалось вперед, она находилась в состоянии полной дезорганизации и жаждала мира“ (Людендорф) и так как „окопы были почти пусты, никто не отваживался говорить, даже условно, о продолжении войны“ (Троцкий), то наша делегация, отказавшись подписать условия мира, предложенные немцами, провозгласила лозунг: „ни мир—ни война“.

В то же время был издан приказ о демобилизации армии.

В самом начале брестских переговоров тов. Ленин высказывался в том смысле, что политика испытания таким

путем немецких рабочих может кончиться для нас неудачно.

„Конечно, это очень заманчиво, возражал Ленин, и, несомненно, такое испытание не пройдет бесследно, но это рискованно, очень рискованно. А если германский милитаризм, что весьма вероятно, окажется достаточно силен, чтобы открыть против нас наступление,—что тогда? Нельзя рисковать: сейчас нет на свете ничего важнее нашей революции“ (Троцкий).

Опасения тов. Ленина оправдались. Германские войска были брошены в наступление против русской революции, заняли в несколько дней Двинск, Псков, Нарву и т. д. Германские штыки свергли Советскую власть на Украине и в Финляндии, восстановив вместо нее буржуазные правительства Рады и Свинхувуда.

Революции угрожало быть задушенной сапогом кайзеровского солдата.

Так как ее надо было „обезопасить во что бы то ни стало“, Советское правительство выразило готовность, по радио, заключить мир.

„Но теперь мы сделали выводы из пережитого в Бресте“,— пишет Людендорф, — „и придали миру совершенно иной облик: в согласии с союзниками и в соответствии с взглядами верховного командования во имя нашей военной безопасности, а также во имя права самоопределения народов, правительство потребовало признания самостоятельности Финляндии, отречения от Курляндии, Литвы и Польши, а также очищения Батума и Карса. Вопрос относительно будущего Лифляндии и Эстляндии, пока что, оставался открытым, временно мы оккупировали эти страны.

„Великорусская армия должна быть демобилизована, а флот разоружен; кроме того, Россия должна была отказаться от всякой пропаганды в Германии. Ряд экономических вопросов, обмен пленных и т. д. должны были быть урегулированы особыми переговорами. Наступление должно было продолжаться, пока все эти требования не будут окончательно приняты при вновь предстоящих переговорах“...

„Русская делегация прибыла в Брест 28-го февраля; никаких переговоров больше не велось; русские уполномоченные об‘явили, что им поручено только подписать мир, они держались с достоинством в несчастии“...

„Очень поучительно сопоставить тот мир, который получила Россия, с тем, который она могла получить, а затем с тем, который наложен на нас теперь, хотя мы ни разу не отклоняли мирных предложений. Нарекания на насильственность Брестского мира прекратятся, часть германского народа еще до сих пор доверчиво повторяет этот лозунг

неприятельской пропаганды. Если Россия остается изувеченной теперь, после войны, закончившейся победой ее союзников, для которых она в 1914 г. таскала каштаны из огня, то это явление совершенно самостоятельного порядка.

„Огромное большинство рейхстага одобрило условия Брестского мира и признало, что договор не стесняет права самоопределения народов, при чем социалисты большинства воздержались от голосования и только независимые социал-демократы голосовали против“ (Людендорф).

Да, все это весьма поучительно. Этот урок не забудут трудящиеся массы не только России, но и всего мира. Они учтут, что империалисты в любой шкуре—германской или французской, безразлично, друг друга стоят, а социал-прохвосты большинства стоят их всех вместе взятых.

Необходимость заключения Брестского „архи-тяжкого“ мира „передышки“, несмотря на разногласия в самой партии большевиков и протесты левых эс-эров, осознавали миллионные массы рабочих и крестьян России. Брест-Литовский договор был ратифицирован IV С‘ездом Советов.

Так вышла Россия из империалистической войны.

4. Как вышла из империалистической войны Германия?

Те же причины, коренящиеся в экономике, кои, главным образом, вывели из войны Россию, несколько позднее сыграли свою роль в Германии.

Уже 27-го июня 1917 г. фон-Гинденбург писал кайзеру:

„В данный момент нас больше всего беспокоит падение настроения среди народа, оно должно быть поднято, иначе мы проиграем войну. Наши союзники также нуждаются в большем усилении тыла, иначе может создаться опасность их отпадения. Для этого надо прежде всего разрешить наиболее тяжелые экономические вопросы внутри страны, важнейшие для будущего“...

„Настроение на родине все ставило под сомнение, стала также заметной непосредственная работа по разложению армии“...

„Я уже давно возбуждал вопрос о введении в армии политическо-просветительного обучения. Теперь этот вопрос явно выдвинулся на очередь“ (Людендорф).

Конечно, „патриотическим преподаванием“ дела нельзя было спасти, армия разлагалась и революционизировалась параллельно тылу все более и более. Впрочем и сам Людендорф признал, что „события во флоте летом 1917 г. ясно подчеркнули, как широко уже распространился революционный дух. Вопрос шел о забастовке флота, чтобы при-

нудить заключить мир, эти факты не получили надлежащей оценки, и серьезное предупреждение не было использовано".

Не были использованы и еще более яркие предупреждения, как политическая забастовка в Берлине во время брестских переговоров, январские стачки 1918 г. и образование первого в Германии Рабоче-Солдатского Совета в Райникендорфе.

Меж тем развал все продолжался как на фронте, так и в тылу—в результате усилившегося голода и все явственнее ощущавшегося недостатка в человеческом материале.

„Надежды, что украинский хлеб даст нам экономическую мощь, улучшит наше положение по отношению к нейтральным странам и явится толчком к дальнейшему экономическому улучшению, что было так важно для нашей боеспособности, скоро пришлось оставить" (Людендорф).

Это несмотря на то, что германские империалисты, в целях более успешного ограбления Украины, восстановили там штыками солдат диктатуру гетмана Скоропадского, в лице которого, признается Людендорф, „получили человека, с которым можно было хорошо работать; у него была решимость обеспечить стране порядок и итти нам широко навстречу".

Остро встал вопрос с пополнением и дезертирством. Германское командование стремилось „все шире использовать женщин для замены мужчин, намечалось формирование вспомогательного корпуса военных телефонисток... Убыль дезертирами была очень велика и число их в нейтральных странах, как например, в Голландии, исчислялось десятками тысяч. Еще больше дезертиров беззаботно жило на родине, при чем их сограждане молча терпели, а власти вовсе на них не охотились" (Людендорф).

Под давлением голода стала падать дисциплина.

„Такие факты, как задержка войск у найденных запасов и уход отсталых одиночных людей для поисков продовольствия в домах и дворах—приводили к тяжелым сомнениям. И эти явления понижали успех и указывали на недостаток дисциплины"...

„К тому же, в первой половине войны рейхстаг смягчил дисциплинарные взыскания. У ответственных начальников тем самым был отнят самый действительный способ дисциплинарного взыскания, а именно, замена строгого ареста подвешиванием" (Людендорф).

Как и следовало ожидать, „патриотическое преподавание" не помогло, пришлось вспомнить формулу гимназического учителя — „через голову не идет, через зад попробуем".

Напрасны сожаления Людендорфа об отмене подвешивания, они лишь скорее привели бы к „подвешиванию“ самих Людендорфов.

Не удивительно, что при таком состоянии страны и армии в Германии, Америка быстро „стала силой, решившей войну“. О том, что нельзя больше воевать, было ясно верховному командованию германской армии после сражения 8 августа 1918 г., в котором немцы под ударами наступающей Антанты потеряли разбитыми на голову до 8-ми дивизий.

„Офицер генерального штаба“, пишет Людендорф, „которого я командировал на поле сражения, описал мне состояние всех дивизий, на которые 8 августа удар обрушился в первую очередь, в таком виде, что я был поражен. Я вызвал начальников дивизий и строевых офицеров в Овен, чтобы обсудить с ними детали событий. Я услышал от них о блестящих подвигах храбрости, но также и о действиях, которые, должен откровенно сказать, не считал возможными в германской армии. Наши солдаты сдавались отдельным неприятельским всадникам, сомкнутые части складывали оружие перед танком. Одной свежей дивизии, которая храбро шла в атаку, отступающие войска кричали: „штрейкбрейхеры“ и „им еще мало войны“... С этого момента, как я тогда выразился, война приобрела характер бесшабашной игры,что я всегда считал гибельным. Я слишком высоко ценю судьбу германского народа, чтобы ставить ее на карту. Надо было кончать войну“.

Тем не менее, несмотря и на это предупреждение, Германия продолжала войну, даже оставшись одинокой, так как, после сражения с 24 октября по 4 ноября в верхней Италии, совершенно рассеялась австро-венгерская армия.

Война продолжалась до 9-го ноября 1918 г., пока и в Германии не „оказалась матерью революция, обретя свою смерть в тяжких родах ее“.

„Люди, которые безукоризненно вели себя на фронте, в нервном развале этих дней пожертвовали армией и отечеством и думали лишь о самих себе. Это относится также и к офицерам, которые отбросили в сторону свой профессиональный долг и забыли свое историческое назначение...

„Везде происходило хищение военного добра и полностью уничтожалась способность отечества к обороне“ (Людендорф).

Истощенная голодом и лишениями, утратившая всякую способность к обороне, Германия вынуждена была обратиться к союзникам с предложением о мире, надеясь на посулы Антанты, которая до побед 1918 г. „торжественно обязалась руководствоваться и для победителей и для по-

бежденных принципом самоопределения, равенства и национальных прав“ (Нитти).

На деле вышло иначе.

Победившая Антанта, имея руки развязанными, поступила с поверженным врагом хуже, чем в свое время империалистская Германия с советской Россией.

В марте 1919 года был подписан договор, с одной стороны—27-ью союзными державами, с другой—Германией. „Однако, при всех предварительных переговорах Германия ни разу не была выслушана, она просто была вынуждена дать свою подпись“ (Нитти).

Какой же мир обрела Германия по Версальскому договору?

Думается, что здесь незачем подробно разбирать его, а уместно лишь остановиться на характерных моментах.

Хотя ни в одном из заявлений Антанты, ни в 14 тезисах Вильсона совершенно не упоминалось о каких бы то ни было „возмещениях убытков“,—по инициативе Клемансо, в договор были вставлены эти слова, каковые в переводе с французского на простой русский язык означают не что иное, как контрибуцию.

Размеры их не были сразу определены, так что Германия была вынуждена подписаться под обязательством уплаты той суммы, какую заблагорассудилось бы потребовать Антанте впоследствии. Только лишь в мае 1921 г. конференция союзников в Лондоне определила цифру контрибуции в 132 миллиарда золотых марок, в то время как все довоенное национальное достояние Франции составляло около 250 миллиардов марок.

Ежегодные выплаты, подлежащие внесению Германией, достигали 6 миллиардов марок, а в среднем 3½ миллиарда золотых марок, что на наши деньги выражается, примерно, в сумме 1.600.000.000 золотых рублей в год.

Это было потребовано у Германии после того, как союзники отняли у нее 83% железа, ⅓ угля, 15% хлеба, весь торговый флот, все заграничные предприятия и капиталы, огромное количество голов скота, колоссальные запасы всякого рода материалов, фабрикатов и т. д.

Антанта раздробила Германию и Австро-Венгрию, не только не считаясь с принципом самоопределения национальностей, но жестоко поправ всякое национальное чувство.

Так, по договору в Верхней Силезии должен был быть произведен плебисцит. Союзники оккупировали эту область. Французские войска всяческими мерами вплоть до насилия поддерживали здесь германофобские тенденции и польских повстанцев. Тем не менее, 59,6% населения, активно голо-

совавшего, подало голоса за Германию и лишь 40,4% за Польшу.

Несмотря на такой исход плебисцита, резко выявившего, что население стремится остаться в границах Германии, Верхняя Силезия все же была отдана союзниками Польше.

Согласно Версальского договора межсоюзные войска должны были оккупировать левый берег Рейна до тех пор, пока Германия не выплатит репараций.

Франция уже к 1921 г. распространила оккупацию вплоть до Рура, направив в пределы Германии 130-ти-тысячную армию, занявшую под постой, кроме имевшихся казарм, более 51.000 комнат, 60 школ, 23 театра и 51 кинематограф.

„Французские и бельгийские войска третировали население, как туземцев внеевропейских колоний. Официально требовали немецких женщин и заставляли общины открывать и содержать публичные дома. На этот предмет до конца октября 1921 г. государство отпустило, как это видно из одной ноты, 802 тысячи марок, не говоря уже о более крупных суммах из местных средств“ (Нитти).

Мало того, что союзники ограбили, раздробили Германию, попрали всякое национальное чувство, возложили на нее непосильно-тяжкое бремя платежей, они, в особенности Франция, всемерно старались унизить ее.

„Все торжества, спортивные игры и военные праздники в память побед оплачиваются Германией“...

„Самым чудовищным был ввоз цветных войск... В марте 1921 года цветных было 55.000, притом исключительно из французских колоний... Страна, создавшая вместе с Италией величайших музыкальных гениев мира, от Моцарта до Бетховена и от Баха до Вагнера, имеет счастье слышать негритянскую музыку“,—иронизирует Нитти.

Он, как бывший министр-президент Италии, имел возможность прочитать тысячи документов, относящихся к зверствам оккупационных войск по отношению к населению Германии. Вот что пишет он на основании изучения этих документов:

„В интересах культуры и человеческого достоинства не следует здесь приводить все то, что заключается в этих бесспорных документах об убитых или умерших, после насилий, женщинах, старухах, которых не спас их возраст, об изнасилованных девушках, об изнасилованных мальчиках и юношах. Но все это бледнеет перед холодной официальной жестокостью, с которой вынуждали немецкие общины поставлять немецких женщин в публичные дома на потребу негритянскому сластолюбию. Сколько женщин было безнаказанно изнасиловано и должно было молчать

о своем позоре из боязни еще больших несчастий! Сколько городов поставляло на собственный счет женщин в публичные дома для белых, желтых и черных войск“ (Нитти).

Таковы характерные моменты Версальского мира. Так расправилась Антанта с поверженным врагом. Таков неизбежный закон империалистической борьбы, под каким бы „демократическим“ или „освободительным“ лозунгом она ни велась.

Германия обрела „рожденный ненавистью мир, мир, рассматриваемый исключительно, как способ продолжения войны и низведения побежденных наций до степени разложения, которое означает непредотвратимую гибель.

„Быть может, этот мир погубит больше жертв, чем сама война“ (Нитти).

Так вышла из империалистической войны Германия.

Не лучший жребий, ясно, выпал в результате Версальского, Севрского и Трианонского договоров на долю союзников Германии, Австрии, Венгрии, Турции и Болгарии.

5. Каковы были итоги Версальского мира.

Люди, не уяснившие себе сущность империализма, могли бы полагать, что после такого удушения врага, как то было выполнено в Версале, должен был наступить в Европе прочный мир; могли бы думать, что после такого ограбления врага, как то было проделано там, победители в достаточной степени обогатились, и страны их процветают.

Обманчивые расчеты.

Идеолог империализма, вдохновитель Версальского мира, бывший властитель Франции, „тигр“ Клемансо, на завтра, после победы, открыто высказал мысль, что „политика—тоже война, которая ведется иными средствами“, что „мир,—это тоже война, которая ведется другими способами“.

С побежденными война продолжалась путем проведения в жизнь Версальского мира, меж победителями она началась путем проведения в жизнь политики, основанной на этом мире.

Именно таков характер конфликтов между Америкой и Японией, Англией и Францией и т. д.

Об этом довольно определенно и весьма красочно пишет не кто иной, как бывший премьер Англии Ллойд-Джордж, один из главнейших участников в составлении Версальского договора. Ему, как говорится, и „книги в руки“.

„Взаимная подозрительность среди народов существует ныне, как и прежде, и даже стала еще интенсивнее; взаим-

ная ненависть между расами и народами еще более распалилась; всюду вырабатываются планы на случай войны в ближайшем будущем, обучаются огромные армии, заключаются конвенции и союзы для совместного действия, когда прозвонит набат; генеральные штабы заседают, уговариваясь относительно подробностей похода. Малые нации, только что вылупившиеся из яйца, изнемогают под тяжестью вооружений и маршируют к полям неведомых битв. Новые машины для разрушения и убийства изобретаются и фабрикуются с лихорадочной поспешностью. Каждый день наука предлагает новые методы для уничтожения человеческой жизни. Таков этот широкий и мощный заговор против цивилизации, открыто устраиваемый при солнечном свете, и все это—после опыта, пережитого 4 или 5 лет тому назад...

„Если война разразится вновь, то бедствие будет во 100 раз больше, нежели при нашем недавнем испытании. Весьма возможно и, с прискорбием должно сказать, вполне вероятно, что враждующие нации схватятся еще крепче и орудия разрушения будут еще более ужасны“ (Ллойд-Джордж).

Столь же плачевны были и хозяйственные результаты Версальского мира, как для победителей, так и для побежденных.

Начнем со стран победительниц.

Англия сразу же, после Версальского мира испытала чрезвычайную безработицу в результате захирения одной из основ благосостояния этой страны — внешней торговли.

Имея „резервную“ армию труда в 2.000.000 безработных, с одной стороны, вынужденные конкуренцией со стороны Америки и Германии, с другой, английские фабриканты стали понижать заработную плату настолько, что это немедленно отозвалось на здоровьи и производительности рабочих.

Не имеющая возможности прокормить население собственным хлебом более ста дней в году, Англия была лишена самого дешевого рынка по поставке хлеба—России.

Она потеряла большую часть размещенных за границей капиталов и рынков сбыта своих товаров, как, например, Россия и Германия.

„Англии нужно, чтобы мир кругом был коммерчески организован и упорядочен“ — пишет американский экономист Франк Вандерлип—„все, что стесняет торговлю, должно исчезнуть, все препятствия внутри страны, по возможности, устранены, а страны - покупательницы экономически восстановлены“...

„Но не исключена возможность, что счастливый оборот наступит не сразу. Если он отодвинется слишком надолго

то я думаю, Европе придется пережить величайшую изо всех трагедий, и местом действия этой трагедии будут британские острова“ (Вандерлип).

Почему же трагедия, скажем мы. Просто на просто законная и необходимая, с точки зрения марксизма на общественное развитие, коммунистическая революция.

Надо полагать, что Макдональду не удастся приблизить желаемый Вандерлипу „счастливый оборот“.

Франция, разоренная, разрушенная и опустошенная в большей части своей былыми наступлениями немцев, израсходовала на военные нужды не менее 287 миллиардов франков и к 1921 г. имела внутренних и внешних долгов на сумму более, чем 273 миллиарда франков.

Не только почти каждый буржуй, но и почти каждый „буржуйчик“ Франции обладал в результате войны правительственными векселями с обязательством уплаты, после победы“.

То, что было награблено ценою разорения Германии, хватило лишь на первые неотложные платежи в целях успокоения общественного мнения. Вслед за тем, Франция встала перед необходимостью, с одной стороны—получить полностью репарации, с другой—обезопасить себя от всякой возможности восстановления военной и экономической мощи Германии.

Однако, если Германия не будет восстанавливаться, бессмысленны мечты о репарациях, если же „по-Шейлоковски“ требовать уплаты репараций, как то проделывает сейчас Франция, Германия не может восстанавливаться.

Словом, Франция попала в положение, про которое говорится: „хвост вытащишь, нос увязнет; нос вытащишь, хвост увязнет“.

К тому же Англия злыми, граничащими с угрозой, попреками встречает каждый шаг Франции, направленный к дальнейшему ограблению и разрушению Германии, так как нуждается в ее восстановлении. Для того, чтобы вполне убедиться в этом, стоит прочесть брошюру Ллойд-Джорджа— „Европейский хаос“.

Итак, для Франции, „как ни кинь, все клин“.

Каковы же могли быть, после этого, хозяйственные итоги Версальского мира для побежденных стран.

Австрию окарнали так, что осталось государство с 6 миллионами населения, из коих только 2 миллиона может прокормиться местным хлебом. Таким образом, $^2/_3$ населения Австрии нуждается в привозных продуктах питания.

Импорт, оплачиваемый иностранной валютой, быстро привел к громадному дефициту бюджета и к финансовой катастрофе. На этой почве развилась отчаянная спекуляция,

что „сообщало Вене вид города роскоши и богатства“ в то время, как „часть населения уже в буквальном смысле слова, вымерла от голода“ (Вандерлип).

О том, как отразился Версальский мир на Германии, на ее хозяйственном положении, слишком много говорилось за последний год.

В тисках репараций и оккупаций работающая во всю промышленность, с достигшей 90% довоенной производительности—не что иное, как лишь внешняя, искусственная видимость хозяйственного благополучия. Подобно тому, как „дорогие рестораны, ночные кафе, увеселительные заведения, где царят сомнительные нравы—все это—лихорадочный румянец на щеках умирающего“ (Вандерлип).

Только в отличие от Вандерлипа здесь, по нашему мнению, следует понимать, под „умирающим“ не германский народ, а германский капитализм.

Это предчувствуют, об этом громко говорят, впрочем, и сами Франк Вандерлип и Ллойд-Джордж.

Первый в своей брошюре „Как помочь Европе“ приводит следующие слова Вальтера Ратенау, бывшего министра восстановления Германии и убитого в 1922 г. фашистами:

„Есть известный предел, дальше которого даже кроткие немцы не могут сносить своего бремени, не стремясь освободиться... Пусть же мир остережется... Если только Германия даст уклон влево, хотя бы и не вплоть до большевистского коммунизма, но настолько, чтобы она могла найти общую почву, общий фундамент с ним, тогда они об‘единятся, и демаркационная линия, ограничивающая Западную Европу,—страну прогресса и цивилизации от Восточной Европы—страну восточного варварства—будет отброшена к Западу таким яростным напором, какого не знавала еще история“.

Простим покойному Ратенау его грубость по отношению к нашей Восточной Европе, хотя бы за приятное для нас пророчество; пожелаем, чтобы оно возможно скорее сбылось и прислушаемся к словам другого бывшего министра „цивилизованнейшего“ государства, цивилизованнейшей Западной Европы, Англии, Ллойд-Джорджа:

„Рано или поздно Германия с неизбежностью должна будет броситься в сторону отчаянных решений. Коммунистическая Германия заразит Европу, или мы увидим реакционную Германию, замышляющую и подготовляющую отомщение. Россия, со своими неисчислимыми запасами людей и материалов находится под рукой. Большевистские вожди ожидают лишь того, чтобы немцы помогли им реорганизовать страну и превратить ее в самое грозное государство, какое только существует в Европе или Азии“.

Хорошо пишет г. Ллойд-Джордж, и не напрасно он беспокоится. Или—или. Одно „или“ уже на лицо—это разгул германского фашизма. Вслед за ним неминуемо и скоро наступит второе „или“.—Тогда отомщение обрушится на голову империалистов именно за то, но и не только за то, что таковы были итоги Версальского мира.

6. Почему война кончилась Версальским миром?

Две вины, лежащих на двух противоположных частях человечества, явились причиной, как империалистической войны 1914 г., так и империалистического мира.

Одна вина—это страшная мощь капиталистов, бросивших человечество в пучину страданий, другая—чрезвычайная беспомощность рабочих, не сумевших свергнуть власть капиталистов и избавить человечество от величайших мук и испытаний. Как же могло случиться, что умирающий, прогнивший капитализм оказался накануне и в конце войны столь мощным, а великан пролетариат, который мог предотвратить войну одним лишь приостановлением работы—столь бессильным.

Это могло произойти и произошло только благодаря той повязке, которою деятели 2-го Интернационала услужливо закрыли глаза рабочего.

„Социал-демократы, завоевавшие доверие рабочих своими речами против буржуазии, в день 4-го августа 1914 года, перекинулись на ее сторону и весь свой авторитет, весь свой вес обратили на то, чтобы помочь ей довести бойню до конца. Таковы факты, такова голая правда. Социал-демократы обещали в результате войны справедливый, демократический честный мир между народами. Они лгали. Они сознательно и рассчитанно обманывали вас, они не могли не знать, что мир будут диктовать победоносные капиталисты. Бесчестная война, руководимая буржуазией, при бесчестной поддержке социал-демократов, могла привести только к бесчестному миру. Он был подписан в Версале, где торжествующий хищник наступил ногой на горло хищнику побежденному“ (Из манифеста Коминтерна к мировому пролетариату).

Таковы причины Версальского мира.

7. Где же выход?

Над этим вопросом сейчас ломают голову не только побежденные страны, но и победившие, не только рабочие, но и капиталисты.

Многие уже „сломали голову“, к слову сказать, например, Ллойд-Джордж и другие „бывшие люди“, все министры.

Многие из них написали брошюры, в которых предлагают рецепты лечения Европы. Например, бывший итальянский министр Франческо Нитти, бывший французский министр Кайо и, наконец, тот же Ллойд-Джордж. Каковы же эти рецепты?

Нитти, доказав, что „Европа без мира“, что „Европа над бездной“, полагает, что „единственной силой, которая в состоянии вмешаться в европейские дела и положить конец настоящему режиму, могут быть только Американские Соединенные Штаты. Если только Соединенные Штаты убедятся в своей обязанности дать мир, как уже дали победу—решительным и энергичным актом—жизнь мира в кратчайший срок восстановится“.

Словом, вся надежда его на богатого американского дядюшку.

Известно, что у американского дядюшки „собственных хлопот полон рот“, в связи с противоречиями англо-американских и америко-японских интересов. Однако, прислушаемся, что предлагает американский экономист Франк Вандерлип.

Глубоко заинтересовавшись вопросом — „как помочь Европе“, придя по тщательном изучении к тем же выводам о плачевном состоянии ее, как и Нитти, серьезно в то же время беспокоясь, как бы она не провалилась „в бездну“, прежде, чем расплатится с долгами Америке,—Франк Вандерлип „хотел бы, чтобы Америка в области международных отношений сделала красивый жест. Настаивая на том. чтобы расплата была произведена, она должна вместе с тем заявить, что отказывается от получения денег в свои руки в данный момент“.

Эти деньги, по мнению Вандерлипа, должны пока оставаться в Европе и пойти на восстановление ее производительных сил. Далее, он считает возможным и нужным, чтобы капиталистические правительства европейских стран отказались от взаимных распрей и притязаний, а сами капиталисты не обижали рабочих.

Рабочие же, как заключил он из разговоров „с вождями“ рабочих социал-соглашателями, вовсе не стремятся к социализму и враждебны не капитализму, а к капиталистам.

Стало быть, полагает Вандерлип, нет ничего легче, как организовать Соединенные Штаты Европы с „благоразумными“ капиталистами и „благоразумными“ рабочими без классовой борьбы и без империалистических тенденций.

Для этой цели необходимо, по его мнению, учредить „банк золотого запаса Соединенных Штатов Европы“, главная масса акций которого разошлась бы в Америке, так как там больше, чем где либо в другой стране, свободного золотого запаса.

Далее, закончим мы, недоговоренную мысль Вандерлипа. Европа окончательно была бы закабалена, как политически, так и экономически Америкой.

Впрочем, она может утешиться, так как организовать Соединенные Штаты Европы, по желинию Вандерлипа—невозможно, хотя бы потому, что волк не может превратиться в ягненка.

Вне всякого сомнения, что Нобелевскую премию в 1925 г. присудят Ллойд-Джорджу, так как именно он нашел спасительный рецепт исцеления Европы и истинный способ помочь ей. Судите сами:

„Надо воспитывать, говорит он, общественное мнение таким образом, чтобы оно было достаточно для поддержания международного права.

„Одни христианские церкви могут помочь этому. Должно начаться международное движение всех церквей католических и протестантских. Я знаю, что этого добиться трудно, разделение в христианстве слишком часто было роковым для согласованного действия, направленного к достижению общей цели. Эти трудности можно преодолеть, их должно преодолеть...

„Задача, предстоящая религии, ныне является даже более великой—освобождение рабочих от экономической тирании, спасение народов от бича алкоголизма и распространение ангельской вести, раздавшейся впервые на холмах Вифлеема, доколе закоснелое сердце человека не отзовется эхом в ответ: на земле мир и в человеках благоволение“ (Ллойд-Джордж).

Неправда-ли, так и хочется сказать, изменив известную фразу: умри Ллойд-Джордж, ничего лучшего ты не скажешь.

Сознательно ли он прикидывается дурачком, или в самом деле из ума выжил, трудно сказать. Бывает ведь, что человек, привычный лгать, так в конце концов завирается, что сам начинает верить своей лжи.

Так или иначе, но это ложь—зловредная ложь и может оказать влияние не только на широкие массы крестьянства, но и на часть рабочих „цивилизованной“ Западной Европы.

Не мешает и своевременно будет организовать МОПР'у во всех странах добровольную подписку на „Безбожника“.

Нет, не на этом пути спасение „мира от Версальского мира и грядущих“.

Настоящее спасение в том, что предчувствуют Ллойд-Джордж и Вандерлип, отчего они предостерегают, чего так страшатся.

Путь к выходу из Версальской петли только один, то путь коммунистической революции. Лишь она одна может и приведет человечество не только к Соединенным Штатам Европы, но к Соединенным Штатам всего мира, в виде СССР.

Только следуя за коммунистическим Интернационалом, руководящимся заветом Ильича, трудящиеся массы смогут избегнуть новых империалистических войн и неизбежных вслед за ними „Версальских петель".

М. Малевич.

ГЛАВА V.

Зарождение Коммунистического Интернационала.

1. Ленин о II и III Интернационале.

Как мы уже говорили во второй главе нашей брошюры, империалистическая война похоронила II Интернационал, давно уже раз‘единенный соглашательством большинства его членов. Мировой пролетариат остался без руководящего центра в тот самый момент, когда твердый революционный центр был крайне необходим. II Интернационал, готовившийся к надвигавшейся войне на словах, ровно ничего не сделал на деле. Вместо борьбы с буржуазией, с империализмом, социалистические партии, входившиее во II Интернационал, подали руку этой самой буржуазии; вместе с ней стали вербовать добровольцев, одурманивать головы трудящихся фальшивым лозунгом—„защита отечества“.

Однако остались хотя и немногочисленные, но верные рабочему классу вожди. Тов. Ленин уже после первых месяцев войны писал: „II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом“ (см. сборн. „Против течения“). Он сыграл свою роль и сошел со сцены. „II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс“ (см. сборн. „Против течения“). И в этой же статье указывалось т. Лениным на неизбежность создания III Интернационала: „Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от „перебежчиков“, но и от оппортунизма III Интернационал“ (см. сборн. „Против течения“), и дальше говорит, что III Интернационал должен будет вести рабочие массы на решительную борьбу с капиталистическим миром, с империализмом. Ему „предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии

всех стран за политическую власть, за победу социализма“. (см. сборн. „Против течения“).

Таким образом, т. Ленин уже в 1914 г. оценил по достоинству II Интернационал и похоронил его. Теперь это кажется просто и ясно. Не то было тогда. Гипноз II Интернационала был силен. Даже в 1917 г. на конференции большевиков еще не было полного сознания у всех необходимости создания III Интернационала.

2. Конференция в Циммервальде.

Неспособность II Интернационала бороться с войной, к чему он так долго готовился, вызвала внутри партий, в него входивших, течения, хотя и немногочисленные, несогласные с его поведением, желавшие разобраться, оценить создавшееся положение и попытаться сговориться для дальнейшего руководства борьбой рабочего класса. Год войны вызвал потребность в с‘езде организации революционных деятелей, оставшихся верными принципу интернационализма.

В сентябре 1915 г. в швейцарском городке Цимервальде, по инициативе итальянской социалистической партии, собрались представители России, Польши, Германии, Италии, Франции, Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии и балканских стран на совещание, получившее название I-ой Циммервальдской конференции. Конференция обратилась с манифестом к пролетариям всего мира. Манифест на многие вопросы не давал точных и ясных ответов, но все же в атмосфере поголовного шовинизма он имел большое значение, явившись первой каплей освежающего душа на голову рабочих, отуманенных изменническим поведением II Интернационала. Взгляды участников конференции были самые разнообразные. Большинство конференции считало возможным оживить мертвый II Интернационал и, наоборот, боялось раскола его, а тем более создания нового интернационала.

„Ни в коем случае не следует вызывать и мысли о том, что будто Циммервальдская конференция хочет вызвать раскол и создать новый Интернационал“—писалось в печатном органе Циммервальдской конференции (см. Зиновьев—„III Коммунистический Интернационал“ (ГИЗ, 1921 г.).

Однако в деле создания III Интернационала эта конференция является отправным пунктом, если не считать организации левой группы Штутгартского Конгресса II Интернационала в 1907 г., от имени которой т. Ленин и Роза Люксембург внесли поправку о войне, резко расходившуюся с нерешительными взглядами большинства.

На Циммервальдской конференции образовалась группа, получившая название Циммервальдской левой, в состав которой вошли: Ц.К.Р.С.-Д.Р.П., польская оппозиция, с.-д. латвийского края, один швед, один норвежец, швейцарец и немецкий делегат. В проект манифеста (см. Пионтковский—„Хрестом. по ист. Окт. Рев. в России"), предложенном т. Лениным от имени этой группы и отклоненном большинством конференции, давалась более ясная оценка мировой войне и выдвигались более решительные действия, нежели в манифесте, принятом конференцией. В противовес уверению буржуазии и социалистов из II Интернационала о том, что война ведется ради защиты отечества, демократии и освобождения порабощенных народов, проект манифеста указывал на грабительский характер войны, начатый потому, что буржуазия крупных капиталистических стран не поделила мирным путем независимые народы Африки и Азии. Указывалось на громадные барыши, получаемые буржуазией благодаря военным заказам и поставкам. Для рабочего же класса война несет лишь „новое бремя, новые цепи". Долги, обнищание и масса калек и трупов останется рабочему классу от этой, так называемой, „Освободительной войны".

„Поэтому эту братоубийственную войну не к чему вести до конца, до последней капли крови; наоборот, надо напречь все силы, чтобы положить ей конец"—говорилось в этом отвергнутом большинством конференции проекте. Намечались и пути, которыми рабочий класс может приблизить конец войны. Для этого пролетарии всего мира „должны требовать . . . . , чтобы ваши социалистические депутаты, которых мы послали в парламент для борьбы с капитализмом. . . . . . , или сложили свои мандаты или использовали парламентскую трубуну для того, чтобы выяснить народу характер теперешней войны и вне парламента помогали рабочему классу вновь начать свою борьбу; вашим первым требованием должно быть: отказ от голосования военных кредитов, выход из министерств Франции, Бельгии и Англии". Рабочим предлагалось требовать от своих представителей лишь исполнение того, что было принято на словах этими же представителями на конгрессах II Интернационала, обещавшего прибегнуть к всемирной стачке с целью помешать возникновению войны. И все же это предложение большинством конференции, состоявшей из наиболее левых элементов II Интернационала, было отклонено. Отклонено после года мировой войны. Что же можно было ожидать от остальной части II Интернационала?

Проект манифеста требовал одновременно действия, борьбы и от самих рабочих. „Вы должны итти на улицу

бросить господствующим классам в лицо клич: „довольно резни“!. Пусть останутся глухи к нему господствующие классы, его услышат недовольные народные массы и примкнут к вам, чтобы принять участие в борьбе“.

Радикальным же средством против всяких войн и связанных с ними страданиями рабочего класса, средством против эксплоатации рабочего класса, может быть лишь „свержение капиталистических правительств—такова цель, которую должен поставить себе рабочий класс всех воюющих стран, потому, что лишь тогда только будет конец эксплоатации одних народов другими, конец войнам, когда будет вырвана из рук капитала власть располагать жизнью и смертью народов. Только освобожденные от нужды и бедствий, от господства капитала народы будут в состоянии организовать свои взаимные отношения не путем войны, а путем дружественных соглашений“.

В этом пункте предлагался тот путь, на который в октябре 1917 г. встал рабочий класс России, поняв его неизбежность. Правильность этого пути русский рабочий класс сумел блестяще доказать. Союз ССР является лучшим образцом братского сотрудничества трудящегося народа. Союз ССР один оказывает братскую помощь угнетенным народам. Конечно, этот путь труден. Он требует от рабочего класса много энергии, много жертв. На этом пути рабочий класс может терпеть поражения, но иной дороги нет.

Конференция избрала исполнительный орган—„Международную социалистическую комиссию“, которая, несмотря на нежелание большинства, превратилась в организацию, противостоящую II-му Интернационалу.

С момента образования левой Циммервальдской группы „по существу“, как говорит т. Зиновьев, и нужно считать образование III-го Коммунистического Интернационала. Организация, противопоставлявшая себя II-му Интернационалу, оказалась на-лицо. Члены Циммервальдской левой уже значительно раньше начала войны не доверяли II-му Интернационалу. Война же это недоверие превратила в уверенность, что от него ничего кроме измены ожидать нельзя. Несмотря на то, что конференция никакого реального результата на ход войны не оказала, она подверглась сильным нападкам со стороны буржуазии и социал-предателей II-го Интернационала. Ложь, клевета, обвинения в подкупе—все было пущено против участников конференции, осмелившихся не согласиться, молчаливо смотреть на гигантскую бойню, разразившуюся над человечеством. Сильнейшим аргументом на опасность пребывания во Временном Правительстве России таких революционеров в кавычках, как эс-эр Чернов и меньшевик Церетелли, со

стороны русской буржуазии, была ссылка на их участие в Циммервальдской конференции. Нечего и говорить, что сильнейшую ярость вызывало у буржуазии и социал-соглашателей левая Циммервальдская группа. Буржуазия чутьем угадала появление того ядра, которому суждено будет развернуться в основную силу, угрожающую владычеству капитала.

3. Конференция в Кинтале.

Следующим этапом на пути развития III-го Коминтерна является конференция в швейцарском местечке Кинталь. Конференция собралась в апреле 1916 г. и получила название второй Циммервальдской конференции. На этой конференции участвовали семь немецких делегатов, четыре французских, восемь русских, семь итальянских, пять польских и шесть швейцарских, один сербский, один португальский и один от международного союза с.-д. организаций молодежи. В числе русских делегатов были т. Ленин и Зиновьев. Многие делегаты не смогли попасть на конференцию, так как буржуазия стремилась всеми силами помешать с'езду участников. Кроме того, попасть в Швейцарию в условиях, когда Европа была изрезана огненными полосами фронтов, и технически было не так-то просто.

Конференция подтвердила свое первое обращение к пролетариату всего мира, выпустила новый манифест и приняла резолюцию о войне и мире. На этих документах нужно остановиться, ибо, как сказал т. Зиновьев, на Кинтальской конференции идеи интернационализма имели больше влияния, чем в Циммервальде. Идеи интернационализма и решительной борьбы с капитализмом действительно имели большое влияние на Кинтальской конференции. Это видно из упомянутых документов конференции.

Так, начало манифеста (см. журн. „Коминтерн“ № 1—1919 г.), ставя вопрос,—кто же является виновником за два года мировой войны, за два года опустошения, кто хотел и подготовил ее,—дает ясный ответ: „это—господствующие классы“. Это они два года превращали здоровых людей в горы трупов и толпы калек, оставляя на голод и нищету вдов и сирот. И этому ужасу не видно конца. „Война попала в тупик“.

„Ни победителей, ни побежденных—или, вернее, все побежденные, т.-е. все изошли кровью, все разорены, все истощены,—таков итог этой полной ужасов войны“.

Из числа изошедших кровью и истощенных, конечно, нужно исключить буржуазию каждой страны, ибо она на

этом дельце лишь наживалась. Все это досталось рабочему и крестьянину. За два года можно были увидеть и правоту тех социалистов, которые восставали против войны, требуя немедленного мира в противоположность большинству официальной социал-демократии, звавшей рабочий класс на „защиту отечества“.

Далее манифест, обращаясь к рабочим городов и деревень, разбирает все доводы, выдвигавшиеся буржуазией совместно с ее прихвостнями в пользу ведения войны. Одним из самых гнусных видов обмана являлось утверждение, что война ведется ради освобождения угнетенных народов, так как „истинная цель этой всеобщей бойни—это обеспечение для одних того, что они награбили в течение столетий, в течение многих войн; другие хотят нового раздела мира, чтобы увеличить свои владения; они хотят аннексировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов“.

Довод, утверждавший, что война ведется с целью уничжения милитаризма, также лжив, ибо „во всех странах его надо преодолеть“. Только силой рабочий класс в состоянии положить конец империализму, но для этого нужно уничтожить причину его—капитализм. Тогда не будет войн, а не продолжающаяся война положит конец им, как то утверждали классы, начавшие войну. Каждая война дает повод к новой войне в силу того, что „она пробуждает желание возмездия: насилие порождает насилие“.

„Завоевание политической власти и отмена капиталистической собственности рабочим классом“—даст прочный мир человечеству.

Затем манифест указывает на виновников войны—продажную прессу, военных поставщиков, социал-предателей и реакционеров, радующихся, что на полях сражений гибнут рабочие и тем ослабляются их силы, необходимые для борьбы с господствующими классами. Эта свора, располагая государственной властью, шлет рабочего и крестьянина на смерть на фронт. Между тем, „позади фронта“ видите вы богатых с их приспешниками, скрывающихся в безопасности.

„Еще яснее, чем в мирное время, выступает во время войны социальная несправедливость и классовое господство“. Капитализм во время войны отнимает у рабочего даже жизнь. Пора прекратить убийства, страдания и опустошения, так как „на вас, на трудящихся, обрушиваются ныне и будут обрушиваться потом эти нагроможденные развалины“. „Завтра новые тяжелые налоги лягут на ваши обремененные плечи“.

Далее манифест призывает стать на борьбу за мир, для чего пусть все мужчины и женщины выступают против

войны и ее последствий. В борьбе должны пролетарии нейтральных стран помогать пролетариату воюющих стран. От социалистов же требуется отказ от поддержки войны.

„Долой войну“. „Да здравствует мир, немедленный мир без аннексий“. „Да здравствует международный социализм“, —заканчивает манифест.

Резолюция о войне и мире (см. „Вторая Циммервальдская конференция“, изд. „Книга“), указывая цель войны—передел колониальных стран между крупными капиталистическими хищниками,—также подтверждает, что война не уничтожает ни капитализма, ни милитаризма. Поэтому заявление буржуазии и ее помощников о том, что эта война является последней и обеспечивает прочный мир, есть голая ложь. Результаты войны — аннексии или насильственное присоединение чужих народов—способны повести лишь к новой войне, как и политические и экономические соглашения, которые империалистические государства будут заключать после войны.

Проекты устранения войн посредством ограничения вооружений и третейских судов есть неосуществимая мечта, распространяемая врагами рабочего класса с целью обмануть его. Для этого нужна какая-то сила, которой былп-бы чужды интересы, совпадающие с интересами буржуазных государств, и которая могла бы иметь силу, способную заставить эти государства сократить вооружения, подчиниться решению третейского суда. Такой силы, стоящей над государствами, нет и быть не может. Избегнуть войны возможно, но для этого нужно устранить капитализм. „Поэтому борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма“. Для этой цели „Интернационал будет расширять и углублять массовые движения“, — заканчивает резолюция. Об Интернационале говорится, как об организации, способной выполнить это обещание, тогда как в принятой на той-же конференции резолюции—„об отношении к международному социалистическому бюро в Гааге“,—констатируется слабость II-го Интернационала и недоверие к его исполнительному органу. Едва ли участники конференции в данном случае подразумевали II-й Интернационал, а не новый III-й, Коммунистический, Интернационал, который должен был сложиться в процессе борьбы рабочего класса против войны.

Выделенному конференцией исполнительному органу „Международной Социалистической Комиссии“ предстояла довольно трудная задача распространить принятые конференцией решения среди рабочего класса. Буржуазия и социал-изменники всеми средствами стремились помешать этому. Однако Международная Социалистическая Комиссия

сумела развить широкую деятельность по распространению резолюций, воззваний и литературы среди рабочих, не упуская ни одного случая раз'яснять пролетариату цели войны, его положение и звать на борьбу, на об'единение для борьбы.

4. Октябрьская революция и Коминтерн.

Октябрьская революция явилась как-бы откликом на призыв левой группы Циммервальда. Рабочий класс России первым претворил призыв в жизнь, сбросив власть капитализма и организовав свою власть — власть рабочих и крестьян. После революции большая часть членов Циммервальдской левой группы, в том числе т.т. Ленин и Зиновьев, была в России. Центр борьбы за Коммунистический Интернационал перенесся поэтому в Россию. „Уже при своем рождении III-й Интернационал связал свою судьбу с судьбой пролетарской революции в России. В той же самой мере, в какой побеждала русская революция, лозунг „за Коммунистический Интернационал“ обретал плоть и кровь; по мере того, как укреплялись силы пролетарской революции в России, укреплялось во всем мире и положение Коммунистического Интернационала“,— говорит т. Зиновьев (см. Зиновьев—„III-й Коммун. Интернац.“—Гиз. 1921 г.).

Инициатива в создании Коминтерна переходит к руководительнице пролетарской революции в России — Российской Коммунистической Партии. Борьба же мировой буржуазии с Советской Россией и участие II-го Интернационала в этой борьбе на стороне буржуазии наиболее ясно показали, насколько II-й Интернационал прогнил и стал контр-революционным. Открытый грабеж, начатый странами победительницами после Версальского мира, точно подтвердил предсказание Циммервальдской левой. Рабочий класс увидел, где его друзья и где враги; по примеру России, и в других странах начали создаваться коммунистические партии, откалываясь от изменивших социалистических партий.

После же того, как в начале 1919 г. в Германии „Союз Спартака“ об'явил себя Коммунистической Партией Германии, т. Ленин написал, что „основание действительно пролетарского, действительно интернационалистического, действительно революционного III-го Интернационала, Коммунистического Интернационала, стало фактом“ (см. Ленин, т. XVI, письмо к пролетариям Европы и Америки).

А 24-го января 1919 г. Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии вместе с иностранными

бюро польской, венгерской, немецко-австрийских партий, с русским бюро латышской коммунистической партии, ЦК финской компартии, Балканской федерации революционных социал-демократов и социалистической рабочей партии Америки, выпустил воззвание, в котором указывалось о настоятельной необходимости созыва первого конгресса Коминтерна. Воззвание приглашало 39 партий и организаций на этот первый конгресс.

5. Первый конгресс Коминтерна.

1919-й год начался усилением пролетарского движения во всем мире. Свалились троны Гогенцоллернов в Германии, Габсбургов в Австрии. Спартаковцы в Германии повели наступление на одну из сильнейших твердынь капитализма—германскую буржуазию. Да и вся Европа походила на кипящий котел. Результат империалистической бойни—Версальский мир—вскрыл всю гнусность и гниль буржуазного мира. Рабочий класс проснулся и нуждался в мощном и верном руководителе. Этот руководитель явился. В марте 1919 г. в Москве открылся Первый Конгресс Коммунистического Интернационала, и об образовании Коминтерна было об'явлено всему миру. Собраться представителям на Первый Конгресс в Россию было не так то легко. Советская Россия была охвачена со всех сторон наседавшей контр-революцией. Количество участников было невелико. Среди них были, правда, немногие, которые еще сомневались в своевременности создания III-го Интернационала. В задачу себе Первый Конгресс поставил лишь— „развернуть коммунистическое знамя и провозгласить идею Коммунистического Интернационала", т. к. „ни общее положение коммунистических партий различных стран, ни число делегатов, прибывших на Первый Конгресс (очень незначительное), не благоприятствовали достаточно широкой постановке практических вопросов организационного строительства Коммунистического Интернационала" (из доклада т. Зиновьева на Втором Конгрессе Коминтерна). Был принят лишь ряд резолюций—об основах Коминтерна, о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре, о международном положении—и был выпущен манифест пролетариям всего мира.

Платформа Коммунистического Интернационала (см. журнал Коминтерна № 1 за 1919 г.), принятая Конгрессом, останавливается на последней фазе капитализма и роли рабочего класса.

Отдельные разрозненные капиталисты соединяются в большие союзы капиталистов — тресты, синдикаты. Безумная

анархия капиталистического строя стала заменяться кажущейся организованностью. Организованность является кажущейся потому, что устраняется конкуренция лишь между отдельными капиталистами. Зато она с большею силой разгорается между союзами капиталистов. Вместо отдельных капиталистов вступают в борьбу между собою капиталистические государства. Конкуренция, борьба за рынки сбыта, за приложение капитала в колониальных странах, борьба за наживу остались, но увеличились в размерах во много раз. Продолжающаяся анархичность капитализма и сказалась в том, что возникла мировая бойня.

Капитализм пытался примирить классовые противоречия за счет ограбления колониальных народов, создавая кажущуюся общность интересов капиталистов и рабочих крупных капиталистических стран. Капитализм стремился этим приковать европейских и американских рабочих к своим империалистическим отечествам. Однако эта же система подкупа рабочего класса благодаря лишениям и нищете вызвала в рабочем классе решительное стремление покончить с капитализмом. „Империалистическая война превратилась в войну гражданскую“. Начинается новая эпоха — „эпоха разложения капитализма, его внутреннего распада, эпоха Коммунистической Революции Пролетариата“.

Всему человечеству угрожает опасность полного уничтожения. Устранить эту опасность может только пролетариат, завоевав политическую власть. Для этого рабочий класс должен уничтожить буржуазное государство и создать свое пролетарское государство, формой которого является Советская власть. Советская система, являясь пролетарским государством, представляет „организацию огромного большинства населения, которая „открыто использует классовую мощь своих массовых организаций, своих советов, чтобы устранить привилегии буржуазии и обеспечить переход к внеклассовому коммунистическому обществу“. С этой целью рабочий класс должен начать борьбу за создание Международной Республики Пролетарских Советов, и „Коммунистический Интернационал зовет весь мировой пролетариат к этой последней борьбе“.

В тезисах о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре, предложенных конгрессу т. Лениным (см. журнал Коминтерна за 1919 г. № 1), дается оценка буржуазному парламентаризму и разбирается подробно вопрос о диктатуре рабочего класса.

Опыт истории указал, что ни один класс не обходится без диктатуры в тот период, когда он стал у власти и ему необходимо подавить враждебный класс. Буржуазия, став у власти, использовала диктатуру своего класса для пода-

вления феодалов и помещиков, а ныне она использует свое господство для угнетения рабочего класса, идущего на смену классу буржуазии. Рекламируемый социалистами-соглашателями парламентаризм представляется так, как будто бы эта форма государства является самым настоящим демократизмом, как будто бы при этой форме буржуазия теряет свое классовое господство. В действительности же парламентаризм является лишь замаскированной формой угнетения рабочего класса буржуазией. И „нет ни одного революционера, ни одного марксиста из кричащих ныне против диктатуры и за демократию, который бы не клялся и не божился перед рабочими в том, что он признает эту основную истину социализма",—говорит т. Ленин в этих тезисах. Аттрибуты демократии — свобода слова, свобода печати, — в условиях, когда господствующим классом является буржуазия, есть издевательство над рабочим классом, т. к. рабочие прекрасно знают, что—„свобода собраний" даже и в наиболее демократической буржуазной республике есть пустая фраза, ибо богатые имеют все лучшие общественные и частные здания в своем распоряжении, а также достаточно досуга для собраний и охрану их буржуазным аппаратом власти. Пролетарии города и деревни и мелкие крестьяне, т.-е. гигантское большинство населения, не имеют ни того, ни другого, ни третьего". Свобода печати „есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой".

Подлинная демократия для рабочего и крестьянина возможна лишь при диктатуре пролетариата, при Советской власти.

„Сущность Советской власти в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом, т.-е. рабочих и полупролетариев (крестьян, не эксплоатирующих чужого труда и прибегающих постоянно к продаже хотя бы и части своей рабочей силы). Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, — привлекаются теперь к постоянному и непременному, притом решающему участию в демократическом управлении государством".

„Советская организация приспособлена к руководящей роли пролетариата, как класса наиболее сконцентрированного и просвещенного капитализмом". Так т. Ленин кратко, но ясно обрисовывает Советскую власть, за которую Первый Конгресс призывал бороться рабочий класс всего мира.

В манифесте Первого Конгресса (см. журн. Коминтерна № 1 за 1919 г.), заявляется, что Коминтерн есть преемник и вершитель дела, начатого Марксом и Энгельсом. Он ставит себе задачей — „обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, об'единить усилия всех истинно-революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире“.

„Под знаменем рабочих советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем Третьего Интернационала—пролетарии всех стран, соединяйтесь“,— бросал в заключение манифест призыв всем угнетенным.

На Конгрессе был избран Исполнительный Комитет Коминтерна, во главе с т. Зиновьевым. Исполнительный Комитет в первый год после войны, в условиях довольно неблагоприятных для связи со всем миром, т. к. Советскую Россию продолжали окружать контр-революционные фронты, откликался на всякое событие и указывал путь рабочему классу.

6. Второй Конгресс Коминтерна.

Призыв Коминтерна под его знамена был услышан рабочим классом, и ряды Коминтерна начали быстро пополняться свежими силами, порывавшими со Вторым Интернационалом. В течение 1919 г. в Коминтерн вступили: Итальянская Социалистическая партия, Норвежская рабочая партия, Шведская левая Социалистическая партия, Венгерская Социалистическо-Коммунистическая партия и др.

Второй Интернационал, наоборот, быстро стал терять свои силы. Коминтерн осветил своим светом его внутренность и показал все убожество предавшегося на сторону буржуазии Желтого Интернационала. Вместе с притоком новых сил возникла, однако, опасность проникновения оппортунизма и в III Коминтерн. Блокада России не давала возможности широко и точно информировать весь мир о взглядах и целях Коминтерна. Многие из вождей оппортунизма полагали, что будет легко и III Интернационал превратить в беспомощную соглашательскую организацию, каким был II Интернационал. „Это настроение“,—говорит т. Зиновьев, — „самым красноречивым образом выразил вождь итальянского центра Модильяни, когда он весной 1920 г., высказываясь за вступление в Ш Интернационал, мотивировал это так: „почему и не вступить в Ш Интернационал? Это не налагает никаких особенно тяжелых обязанностей. Ведь посылать раз в три месяца открытку с видом исполнительному органу Коммунистического Интернационала не представляет особенно большого труда“ (см. Зиновьев—Ш Комм. Интерн. Гиз. 1921 г.).

Второму Конгрессу предстояло принять предупредительные меры против подобных попыток проникновения в III-й Интернационал чуждых коммунизму элементов. Подобной мерой и явились 21 условие, выработанное вторым Конгрессом. Второй Конгресс собрался в Ленинграде в июле 1920 г. Он был значительно многочисленнее первого Конгресса. Многие страны были представлены целыми делегациями. На Конгрессе был принят устав Коминтерна и выработаны упомянутые 21 условие.

Условия преграждали доступ в Коминтерн партиям, еще не порвавшим окончательно со Вторым Интернационалом, „не очищенным от перебежчиков и оппортунизма“. Условия требовали от партий, вступающих в Коминтерн, чтобы агитация и пропаганда велись в духе коммунизма, чтобы печатные органы партии целиком подчинялись Центральному Исполнительному Органу партии. Требовалось удалить реформистов со всех ответственных постов, и, наоборот, партия обязывалась вести с ними беспощадную борьбу. В профсоюзах партия обязывалась вести борьбу с соглашательским Интернационалом. Партии должны были иметь нелегальный аппарат и вести постоянную пропаганду в деревне и войсках. Партии должны быть централизованы и называться Коммунистическая партия (секция Коминтерна).

Несмотря на рогатки в виде 21 условия, Коммунистический Интернационал продолжал расти и к третьему Конгрессу насчитывал в своем составе 52 партии с трехмиллионным числом членов. Рост продолжается и поныне. После второго Конгресса Коммунистический Интернационал твердо стал у руля Пролетарской Революции, уверенно ведя рабочий класс к свержению ига эксплоатации, к уничтожению причин, вызывающих империалистические войны, к завоеванию коммунизма.

Час решительной победы недалек; но он будет тем ближе, чем решительнее и скорее рабочий класс будет сбрасывать с себя влияние еще существующего, еще путающегося под ногами рабочего класса, желтого Второго Интернационала.

Час решительной победы будет тем ближе, чем скорее рабочий класс, весь как один, встанет под знамя III-го, Коммунистического, Интернационала. И надо торопиться. Иначе будет поздно. Снова грянет война! Буржуазия снова точит клинки, чтобы вложить их силой в руки рабочих и бросить друг на друга. Буржуазия, напрягая все силы науки и техники, изобретает и строит новые, невиданные средства разрушения, в теперешних условиях уже полуразрушенного мирового хозяйства. Что может случиться, какие еще силы сможет вызвать этот подыхающий колдун?

И. Краснов.

ГЛАВА VI.

Ужасы будущей войны и оборона СССР, как форпоста мирового пролетариата.

1. Увлечение военной техникой.

Империалистическая война 1914—1918 г.г. в своем экстазе дошла до апогея в применении всех средств истребления; культурные начинания в области химии, строительства, техники, санитарии,— явились также и средствами поражения и уничтожения той же культуры; война велась целыми вооруженными народами при чрезвычайно развитой технике.

Мы переживаем теперь период крайнего увлечения этой техникой, которая явилась, с одной стороны, как стремление из-за социально-экономических соображений к замене человека машиной, а с другой — наследием позиционного периода империалистической войны.

Капитализм дал технику, увеличил количество армии, изменил качества солдата и самый характер войны.

Постараемся в необходимой последовательности дать самые краткие сведения о современных чудесах техники и ее возможном применении в будущей войне.

2. Артиллерия.

Сущность боя осталась прежней, т.-е. поражением живой силы противника; тяжесть боя попрежнему ложится на пехоту, как универсальный род войск, независимый от местности и времени суток и года.

Однако громадные потери и понижение в процессе войны качества пехоты приковали ее к месту, создали позиционную войну и заставили все больше и больше прибегать к техническим средствам борьбы.

Если в русско-японскую войну процент потерь выражался:

Ружейных ран	82%
Артиллер. „	16,4%
От холодн. оружия	1,6%,

то по данным французского журнала „Revue d'Artillerie“ 1920 г., основанным на статистике ранений у всех воевавших в маневренный период империалистической войны, было:

Ружейных ран	15%
Артиллер. „	64%
Руж.-гранатн.	7%
От холодного оружия, минометов и др. средств.	24%;

в период же позиционной войны, в период борьбы техники:

Ружейных ран	11%
Артиллер. „	64%
Руж.-гранатн.	10%
От холодного оружия и др. средств	15%.

В отдельных случаях, по исследованию французского генерала Гаскуэна, потери от одного только артиллерийского огня доходили до 90%, в то время как потери от ружейного огня, как максимум, не превышали 33%.

Таким образом, первые шаги в области техники в процессе самой войны ясно обозначились прежде всего в артиллерии, где огонь современной 4-х-орудийной батареи по числу выпускаемых в одну минуту пуль (шрапнельн.) равен 500 стрелкам или 10 пулеметам, считая, что орудие дает 5 выстрелов в минуту, а стрелок—10.

16-го августа 1914 г. в бою к ю.-з. от Вердена командир 6-й батареи 42-го арт. полка с дистанции около 5 верст 16-ью шрапнелями 75-мм. пушки уничтожил 21-й драгунский немецкий полк, при чем на поле осталось убитых и раненых 700 человек.

На фронте 27-ой русской дивизии у д. Рыбинен, выехавший на позицию дивизион германской артиллерии сделал только один выстрел, после чего погиб под огнем русских пушек.

Под Кеммерном одним артиллерийским снарядом, попавшим в русскую роту, было сразу уложено 119 человек.

Нормальная дальность обычно не превышала 7—12 верст, но обстановка империалистической войны вызвала появление пушек „Колоссаль“, обстреливавших Париж с дистанции свыше 100 верст, а применение электричества вместо пороха дает возможность бросать ныне снаряды на расстояние до 400 килом.

Производимое огнем разрушительное действие также возросло в такой степени, что ни одна полевая постройка неспособна выдержать попадания тяжелого снаряда. Первоклассные крепости с железо-бетонными постройками и бронированными башнями (Льеж-Антверпен) рассыпались под ударами с 42-х сантиметровых (16,8 дюйма) немецких „Берт“. Наконец, появление химических снарядов при наличии указанной дальности ставит новые возможности для уничтожения живой силы в бою и угрозы далекому тылу.

В количественном отношении — норма 4-х орудий на 1.000 штыков давно уже отжила, и к концу мировой войны французы имели по 11, а немцы по 11,5 орудий на батальон, не считая орудий для выполнения специальных задач.

Французская армия ген. Гуро в наступление 1917 г. имела на батальон первой линии 24 орудия, а на каждые 20 метров (около 30 шагов) фронта прорыва—по одному легкому и одному тяжелому орудию. Отсюда ясно, что усилившееся значение артиллерии в борьбе с техникой и увеличение количества орудий потребовали непропорционально большого увеличения производства снарядов, но кажущийся чрезмерный расход окупался впоследствии достигнутыми результатами. Так, весной 1915 г. немцы при карпатском прорыве 3-й русской армии только за 4 часа выпустили 700 тысяч снарядов. А французы в 1917 году на участке прорыва в несколько километров выпускали ежедневно по 500 тысяч снарядов, т.-е. больше, чем немцы израсходовали за всю войну 1870—1871 г. с французами. Здесь пришло на помощь инженерное искусство, давшее применение некоторых форм крепостной войны и потребовавшее серьезной технической подготовки.

Массовое применение гранат, пулеметов, минометов, меткого и дальнобойного оружия, обилие закрытий, окутанных колючей проволокой, обескровливали пехоту. Одни пулеметы при атаке не были достаточны для борьбы, почему умножение и улучшение артиллерии явилось естественным шагом. Все же артиллерийская и инженерная подготовка атаки требовали много времени и особых подготовительных мер; с другой стороны, наличие усовершенствованного автоматического оружия не допускало возможности

открытых атак; поэтому потребовался особый таран, неуязвимый для огня, содействующий продвижению пехоты и сам способный преодолевать и разрушать препятствия, открывая дорогу атакующим частям. И вот, броня, с одной стороны, и механическое передвижение в различных направлениях и по всякой местности—с другой, являются неот‘емлемой необходимостью такой машины. Более или менее удовлетворяющим этим условиям среди бронированных средств, механически передвигающихся, явились во-первых броневые автомобили, а во-вторых—танки.

3. Броне-машины.

Пулеметные броне-автомобили снабжены 2 пулеметами с мертвым пространством в 30 шагов; скорость движения передним ходом 45 вер., задним—18—20 верст.

Пушечные броне-автомобили вооружаются или 37 мм. пушкой или особой 3-х дюймовой скорострельной, с дальностью до 2 верст, и 3 пулеметами. Скорость такой машины 15—18 верст одинакова передним и задним ходом.

Технические свойства машины — неуязвимости брони обыкновенной пулей далее 60 шагов; толщина при этом брони 7 мм., а вес всей брони 95—100 пудов.

Впоследствии относительная все-же уязвимость брони и малая проходимость броневых автомобилей вызвала появление новой броне-машины, способной противостоять огню, передвигающейся свободно, вне дорог, преодолевающей и разрушающей препятствия; это был—танк, передвигающийся при помощи самопрокладывающихся лент (гусениц), приводимых в движение бензиновым мотором, расположенным внутри танка.

Самый большой танк весит 2.700 пудов. скорость его 8 верст в час, команда 9 человек, вооружен 57 мм. пушкой и 4—5 пулеметами (Келлер).

Примененные в империалистическую войну в большом количестве, вследствие своей новизны и внезапности появления, танки имели успех, несмотря на значительные потери их и даже пленение германцами; последующие видоизменения и усовершенствования в структуре увеличили значение их.

Задачей танков в бою было подойти под защитой своей брони к проволочным заграждениям и окопам, своею тяжестью разрушить их и, двигаясь дальше, пулеметами и пушками поражать защитников укреплений; танк представлял из себя самодвижущуюся крепость, ведущую борьбу с оставшимися в живых защитниками и пулеметами.

„До 8-го августа военная обстановка была хорошей, но в этот день массовое применение танков опрокинуло в 2 или 3 часа 6—7 дивизий... Этот день был днем траура для германской армии“—так заявляет Людендорф в докладе имперскому канцлеру о поражении сильной в то время и технически и морально германской армии.

Таким образом, по мнению лиц, испытавших всю разрушительную силу танков, танк явился одним из главнейших факторов поражения.

Это было учтено, и, несмотря на громадную стоимость—до полутора миллионов рублей, — формирование танковых частей всюду идет усиленно.

Опыт войны выдвинул танк будущего—со скоростью 12 миль в час, при 1 пушке и 2 пулеметах, с обстрелом на 360 градусов,—т.-е. действующий по всем направлениям—с возможностью движения по грязи слоем до 18 дюймов, способный брать под‘емы до 45^{0}, с командой в 4 человека и с шумом не более обыкновенной повозки.

Однако, характерно то обстоятельство, что относительно будущего танков мысли военных специалистов разошлись:—немцы за последнее время определенно высказываются не в пользу танка, считая его детищем позиционной войны, и в маневренной войне отводят ему крайне незначительную роль из-за громоздкости обоза, из-за зависимости его от рельефа местности и вследствие ограниченности радиуса действий: „надо отрешиться от предположений, что танк является орудием будущего. Против армий с непоколебимой стойкостью танк бессилен“ (Бауэр). Французы же, в стремлении быть сильнее соседа, наоборот, расценивают будущее танка чрезвычайно высоко: у них появились танки-разведчики с 2-мя чел. при 2-х пулеметах, развивающие скорость до 60 верст в час, танки-разрушители—громадные размерами и своей тяжестью (до 7500 пудов), танки-истребители, вооруженные пушкой, крайне подвижные, танки вспомогательного назначения для перевозки патронов и людей в самом бою. Наконец, литература Запада указывает на испытание французами танков, переплывших реку Рейн (до 110 саж. ширины) и двигавшихся на суше, как обыкновенный танк.

4. Значение железных дорог.

Громадное протяжение фронта империалистической войны, как никогда, выдвинуло значение железных дорог, а вместе с ним и механических средств передвижения.

Германцы, со свойственной им дальновидностью, еще в мирное время учитывая одновременную возможность войны

на два фронта, основанную на разнице сроков мобилизации в России и во Франции, строили свой оперативный план на возможно быстром наступлении на западной своей границе, для чего железнодорожная сеть была ими развита в совершенстве.

Франция же, учтя громадное значение для себя запоздания мобилизации России, с особым настоянием, поддерживая субсидиями, развивала свою железнодорожную сеть на западной границе России. Впоследствии переброска немецких войск при наступлении русских армий на Кенигсберг оправдала заботы французов, оттянув в решительный момент сражения на Марне два корпуса германцев; таким образом развитие железных дорог решающим образом воздействовало на весь ход боевых операций.

Отсутствие достаточной провозоспособности железной дороги из Венгрии через Сербию и Болгарию дало возможность румынской армии избегнуть полного уничтожения; ряд примеров из истории минувшей войны особо подчеркивает оперативное значение железных дорог, как средства переброски войск и интенсивного питания и снабжения многомиллионных армий.

Чтобы составить себе представление о требованиях, пред'являемых к железным дорогам в обстановке большой войны, обратимся к следующим цифрам, приведенным уже в III-й главе. „Для французской мобилизации понадобилось 3 тысячи поездов с 147.000 вагонов; за это время интенсивность транспорта достигла такой высоты, что некоторые узловые станции пропускали в сутки до 200 поездов, т.-е. каждые 8 минут происходила отправка поезда.

„Во время критических дней Вердена было пропущено 3.592 поезда. В 1917 г., когда распался итальянский фронт, англо-французами была оказана поддержка, и в течение месяца было пропущено до 1000 поездов.

„Удавшееся германское наступление в октябре 1917 г. потребовало срочной доставки для защиты границ Франции обученных американцев, и из портов к фронту в течение октября было доставлено 1.600 поездов“ (журн. „Война и Мир“).

Указанные цифры достаточно красочно выявляют громадность задач железнодорожной сети, а рост автоматического оружия, потребность для него припасов и увеличение числа бойцов—значительно повысят требования к провозоспособности в будущей войне. Вместе с тем, подтверждается факт, что одна количественная провозоспособность не явится достаточной, так как современные оперативные передвижения при наличии воздушной разведки в значительной степени исключают принцип внезапности, а господство в воздухе неприятеля ставит под угрозу

и самые железные дороги; здесь назревает необходимость *заблаговременных забот о замене* железных дорог другим видом транспорта.

5. Автомобильный транспорт.

До империалистической войны все оперативные расчеты базировались лишь на железных дорогах, и даже такое передовое государство по технике, как Франция, недооценило значения *автомобильного транспорта*.

Война застала ее при 170 военных автомобилях и кроме того было реквизировано: автобусов—1049, легких автомобилей—2500 и грузовиков разных марок и разной изношенности 6.000.

Оперативная обстановка уже в начале войны неблагоприятно складывалась для французов, а между тем железные дороги под энергичным давлением немцев частично переходили уже в их руки, чем разрушались оперативные пути и нарушалась система работы всех железных дорог в прифронтовой полосе французов.

Фронт требовал резервов, снабжения и перегруппировок. Задача воспользоваться другим *быстроходным транспортом*—автомобилями—назрела сама собой.

Этапы развития под влиянием указанной обстановки автомобильного *транспорта* видны из следующих цифровых данных:

В сентябре 1914 г. было:
85000 авт., перевезших 27.000 тонн груза, 208.000 людей.
В сентябре 1915 г.
18.000 авт., перев. . 331.090 „ „ 462.000 „
В сентябре 1916 г.
35.000 авт., перев. . 747.000 „ „ 795.000 „
В Июле 1918 г.
115.000 авт., перев. . 1.200.000 „ „ 1.000.000 „

С августа 1914 г. по ноябрь 1918 г. было перевезено ими:

войск . . . 23.543.979
раненых . 10.411.156
груза . . . 25.928.922 тонны. *Всего* 30.890.763 тонны или
мяса . . . 1.560.320 „ 3.090.000 вагонов.

В общем, *ежедневно* потреблялось до 950.000 литров бензина.

Общая месячная починка доходила до 3.500 машин с работой днем и ночью.

Главная задача работы автомобильного транспорта естественно заключалась в переброске резервов к атакованным участкам или в сосредоточении войск с целью наступления.

В обоих случаях большие оперативные перевозки совершались по установленному порядку в особых автомобильных колоннах. Например, перевозка пехотной бригады занимала протяжение в 33 килом. с расстоянием машины от машины на 20 метров. Сзади следовала походная мастерская, эшелон снабжения бензином и маслом, эшелон механиков для починок и замены неисправных машин. Скорость движения такой колонны было до 10 километров в час; лошади перевозились со скоростью в 5 килом., а артиллерия на тракторах—со скоростью до 6 верст.

События под Верденом в особенности ярко подчеркнули значение этого вида транспорта, заняв и использовав свыше 8.000 машин, перевезших несколько миллионов солдат.

Отсюда ясно, какими усилиями поддерживалось состояние дорог, и что потребуется в будущем; нет сомнения, что уход за этими дорогами должен стать столь же необходимым и тщательным, как и за железнодорожными линиями.

В довершение всего, для характеристики работ железных дорог и авто-транспорта в особо напряженный момент операции, достаточно указать на нижеследующий пример: во время наступления германцев в 1918 г. в районе Суассона, в течение 7 дней автомобилями было перевезено 33 пехотных дивизии, некоторые даже с артиллерией, в то время как железными дорогами—лишь 19 дивизий (журн. „Война и Мир“).

Как вывод — автомобильному транспорту приналежит большое будущее. Широко поставленная работа по улучшению дорог дополнит необходимые пути военных сообщений.

6. Воздушный флот.

Если новое вооружение пехоты и особенно артиллерии сильно повлияло на ведение боя, то и другие нововведения в области боевых средств имели во многих отношениях самое глубокое влияние.

Тут на первом месте надо поставить воздухоплавание.

Еще в мирное время управляемые воздушные аппараты достигли значительного совершенства. Война совершила революцию в развитии массового производства воздушных сил.

Аэроплан мог воспрепятствовать наблюдению, сам принимал активное участие пулеметами и бомбами; действия его распространялись глубоко в тыл против войск, штабов, производственных центров, городов, вызывая всюду панику и производя разрушения (Ортлиб).

Потери немцев, в виде только французских трофев, исчисляются в 2.683 аэроплана и 357 аэростатов; в то же время, в 1917 году, немцы в одну ночь вывели у французов из строя, из состава только одной армии, 80 аэропланов. Однако, это не имело особого значения, так как фабрика и завод всегда сильнее разрушения.

Проникшись духом борьбы „не на жизнь, а на смерть“, Франция к 1 апреля 1918 года имела:

истребителей	930
бомбовозов	320
разведчиков	1.400
Всего	2.650

а к настоящему моменту во время войны насчитывают официально 4.000 аэропланов.

Если за время войны 1914—1918 г.г. бросали бомбы в 50, 100, 150 килограммов, то лучшие аэропланы в настоящее время, обладают большой грузопод'емностью, свободно посылая бомбы в 400 килограммов. Усовершенствование и работа в этой области идут еще дальше: во Франции были уже попытки изготовления бомб в 500 и даже 1000 килограммов (свыше 60 пудов).

Успехи губительной работы воздушных истребителей достаточно ярко вырисовываются в следующих примерах:

„10 августа, около полудня, обнаруженные в Лассиньи обозы и скопления войск были атакованы 112 аэропланами и получили в два приема 28 тонн бомб; люди попрятались в многочисленных укрытиях деревни, но большое количество лошадей погибло“.

„19 июля были разрушены Фор-ан-Карденуа, 1 склад снарядов и 3 продовольственных магазина“.

В стремлении внести расстройство в экономическую жизнь страны и военную промышленность, замедлить и ослабить производство, воздушной бомбардировкой промышленных центров пользовались и та и другая сторона.

Наконец, **бомбардировка городов** способна дать наиболее полные результаты, как материальные, так и мо-

ральные: „целые кварталы разрушаются; жители ютятся в развалинах, переполняя оставшиеся целыми подвалы; население влачит жалкое существование. Воздушное бомбардирование—жестокое средство поражения противника и ослабление его моральных сил. Если эти силы сами по себе невысоки, то бомбардирование города может вызвать капитуляцию его“ (Ортлиб).

Опыт мировой войны учли все страны и наперерыв увеличивают свои воздушные силы, тратя на них сотни миллионов денег.

Все знают и отлично понимают, что в ближайших войнах одно из первенствующих мест займет воздушный флот, а потому воздушные бюджеты во всех странах соперничают между собой:

Америка, согласившись на сокращение судостроительной программы, в текущий отчетный год, кончающийся 30 июля 1924 года, затребовала всего 29.311.450 долларов, из них на военную авиацию—12.815.000, на морскую—14.789.000.

Франция, в качестве субсидии лишь на гражданскую авиацию, в 1922—23 году отпустила 152.000.000 франков.

Англия, владычица морских сил мира, вынуждена также признать значение воздухфлота и для развития гражданской авиации отпускает 1.000.000 фунтов.

Германия, задавленная Версальским миром, направляет все усилия к тому, чтобы сохранить известный кадр летчиков и не дать окончательно умереть своей авиации; общества воздушных сообщений поддерживаются настолько, чтобы было возможно удержаться на уровне обществ других государств.

Таким образом, имея значительную материальную поддержку, например французское общество управления гражданским воздушным флотом премирует особо грузопод‘емные аэропланы, имеющие такие данные:

Скорость	110 килом.
Продолжительность полета . .	6 часов.
Полезная нагрузка	2.000 килогр.

К настоящему моменту авиация настолько окрепла, сильна и культивируется на западе, что весь континент перерезан воздушными сообщениями. Кругосветными путешествиями авиаторы Франции, Англии и Америки оспаривают первенство мира в быстроте, выносливости и дальности; рекордные цифры последних дней вызывают изумление: так например, французский летчик Пеллетье вылетел из Парижа и через 20 дней был в Индо-Китае, покрыв расстояние в 14.000 километров, при чем фактически, летя со средней скоростью 190 верст, находился в воздухе всего

74 часа; в первый день полета он достиг Бухареста, сделав 2.000 километров.

В погоне за грузопод'емностью англичане строят гигантские дирижабли, способные поднимать 4.500 пудов; при скорости 80 километров в час они могут перевезти 300 солдат.

Ежедневно заграничная печать приносит вести о сверхчудесах авиационной техники; искания и работа пошли слишком далеко:—если раньше были аппараты со скоростью в 400 километров, печать сегодняшнего дня толкует о скорости в 1.500 километров в час, что, по определению профессора Рынина, „равно скорости вращения земли в наших широтах, и летчик, идущий в сторону вращения земли, увидит два раза восходящее солнце в течение суток, а при обратном движении—незаходящее солнце вечный день“.

На очереди вопрос о авиоматках—громадных передвигающихся морских судах, служащих одновременно и ангаром и аэродромом. Наконец опыты Англии и Франции показали полную возможность прицепки к дирижаблю снизу нескольких аэропланов, которые на ходу могут и отцепиться и снова возвратиться к нему.

Будущее воздушного флота, конечно, связано с развитием производства летательных аппаратов в мирное время и с существованием, на-ряду с военным флотом, и гражданской авиации. Вот почему, для того, чтобы быть в состоянии мобилизовать мощную воздушную армию, необходимо еще в мирное время развить гражданскую авиацию, заблаговременно тем самым подготовив: 1) летные кадры и 2) воздушную промышленность, способную к быстрому увеличению производительсти.

Беспорядочные схватки отдельных аэропланов заменятся борьбой организованных масс: „появятся громадные воздушные армии, которые будут оперировать подобно нынешним эскадрам боевых кораблей“.

Впереди разведывательные патрули — легкие и быстроходные самолеты, за ними линия воздушных крейсеров для завязки боя и занятия выгодного исходного положения. Наконец—главная масса тяжелых воздушных короблей, ищущая встречи с воздушными кораблями противника и обладающая всеми средствами современного боя — дальнобойными пушками, летающими минами, газами, аппаратами дымовой завесы и др. Эта боевая масса, управляемая по радио адмиральского коробля, будет стараться достигнуть решения артиллерийским боем и атакой. После этого воздушные транспорты победителя высадят на неприятельской территории крупные боевые единицы, которые, опираясь на господство в воздухе, парализуют всю работу центров противника.

Всякое сопротивление будет сломлено, и война будет закончена“ (журн. „Война и Мир“).

Рост авиации в капиталистических странах, колоссальные кредиты государств, широко развитая гражданская авиация—грозный признак надвигающейся войны.

Возможность обороны СССР, на которую, как на единственную социалистическую страну, удар может обратиться в первую голову, должна быть всемерно обеспечена.

Многочисленное крестьянство республики должно понять, что рассадником культуры в далеких уголках необ‘ятного Союза, средствами борьбы с лесными пожарами, с саранчей, разделкой наделов, и т. п., в строительстве мирной жизни должен явиться аэроплан.

Развитая в мирное время гражданская авиация, по зову власти—„на границы“, даст мощный воздухофлот, промышленность и кадр летного состава. Пусть каждый проникнется сознанием культурного значения и боевой мощи воздушного флота СССР.

7. Химические средства.

„Великие химики оказывают отечеству не меньше услуг, чем талантливые генералы“. Введенные германцами ядовитые газы в апреле 1918 г. на Ипре, отмечают новую эру в современных методах войны.

В практике войны применялось огромное число химических средств, преимущественно в виде газов, отравлявших ими воздух, бойцов, наносивших им ожоги, нарывные смертельные раны. Обзор боевого применения химических средств на войне устанавливает неоспоримый факт химизации будущей войны и выдвигает вопрос противогазовой готовности.

История химической войны еще только началась; нас она почти и не коснулась: все ужасы и последствия ее впереди.

Как оказался неожиданным по своим размерам результат первого применения газов немцами, так еще больше может быть неожиданен и ужасен этот результат в будущей войне. Проблески этого ужаса уже обозначились и в количестве изготовленных в свое время смертоносных газов (только одна Германия во время войны изготовила 50.000 тонн), и в широком применении их.

Весеннему наступлению Антанты в 1917 г. предшествовала 10-ти-дневная подготовка, в течение которой было выпущено до 1.000.000 снарядов, т.-е. до $1^1/_2$ миллиона пудов горчичного газа (иприт), и, если принять во внимание, что до-

статочно 1 грамма, чтобы убить человека, выпущенные миллионы пудов могли бы уничтожить все человечество.

С другой стороны, насколько важно обладать в современной войне огромным запасом боевых газов, явствует из того, что недостаток иприта у немцев в 1918 г. имел громадное влияние на неблагоприятную для них развязку мировой войны.

Страшные цифры количественной дневной производительности химической промышленности у наших соседей (до 3.000 пудов) ставят и перед нами задачу найти пути химизации.

Химия и оборона СССР—лозунг повседневной работы всего Союза.

Можно говорить лишь о неодинаковой степени непосредственного участия в химической обороне страны, но оно должно, вообще говоря, носить обязательный характер для каждого бойца, командира и гражданина, т. к. химическая война, при современных условиях развития техники (аэрохимбомбы), не говоря уже о фронте, не исключает опасности и для всего населения.

Наконец, широко развернувшаяся химическая война, а с ней и химическая промышленность, заставят вовлечь население страны в активную работу для противопоставления „химии противника своей химии"; следовательно, и военно-химическое дело станет не только достоянием учебы армии, а будет рассматриваться, как обязательная часть образования каждого гражданина. Химические музеи, печать, кинематографические ленты, лекции, бойцы-красноармейцы—должны широко раскинуться по Союзу и явиться первыми проводниками „химического просвещения".

Далее, рассчитывать на гуманное чувство участников империалистических войн не приходится; развертывание широких будущих газовых операций становится фактом, и надо, пока не поздно, готовиться, „дабы в один момент превратить все колеса мирного времени в колеса войны" (здесь встает вопрос о массовом изготовлении химических средств, о химической промышленности).

Если наши европейские и заокеанские соседи уже имеют свою химическую промышленность, проверенную опытом войны, для нас время „передышки" должно вызвать усиленную, упорную работу по созданию и переоборудованию наших многочисленных текстильно-химических фабрик и заводов.

Опыт войны показал, что расчет промышленности должен базироваться на материале, добываемом в стране, а не извне; и в этом отношении наши возможности Урала и Донбасса гарантируют успех.

Что касается кадра ученых сил, то и их достаточно; рост нашей химической промышленности за время войны вызывал удивление и опасение Германии; надо лишь только современную химпромышленность рассматривать, как совокупность всех мероприятий, направленных к обороноспособности в военно-химическом отношении Союза Советских Республик.

Боевым кадром явится Красная армия: роль командного состава громадна, и при военно-химическом обучении должно добиваться прочного усвоения армейскими массами практических приемов борьбы, научив возможности жить в противогазе.

Химическое просвещение, достаточно развитая химическая промышленность — залог спокойной трудовой жизни нашего Союза... „Доброхим—противогазовая маска Союза Республик“.

8. Последнее слово науки.

Наконец, последнее достижение науки—это „дьявольские лучи“. Изобретатель, англичанин Риндель Матьюс, так в апреле настоящего года характеризовал эти лучи:

„Этот луч является своего рода путем, по которому мы передаем энергию, которую легче всего можно сравнить с явлением молнии во время грозы.

„Энергия, которую мы получаем, есть род электричества, и эта энергия пользуется лучом, как проводником.

„Основываясь на тех формулах, которые уже получены (и которые по вычислениям и опыту являются постоянными), полагают, что установка генератора для получения воздушного заграждения, радиусом в 80 верст и высотой в 8 верст, могла бы быть построена при первоначальной затрате в 3.000.000 англ. фунтов (около 30.000.000 руб.). Воздушные налеты стали бы делом прошлого, ибо ни один неприятельский аэроплан не смог бы проникнуть в защищенную зону.

„Уже достигнуты некоторые замечательные результаты; на расстоянии 64 футов действием луча: была мгновенно убита мышь; растения свертывались; порох и патроны взрывались; электрические лампочки загорались; светильники масляных ламп зажигались; магнето аэропланов и автомобилей портилось.

„Мы полагаем, что могли бы взрывать на больших расстояниях подвозимое артиллерийское снаряжение. Мы уверены, что могли бы убивать людей.

„Один из наших ассистентов однажды случайно попал в этот луч. Мы только что довели его напряжение до 0,05, самой малой мощности аппарата, но он упал мгновенно, и прошло 24 часа, прежде чем он пришел в себя.

„Другой раз слабый луч случайно скользнул по лицу, и на следующее утро кожа совершенно сошла с лица".

„Цеппелин не мог бы просуществовать и пяти секунд в таком луче. Его магнето было бы испорчено, а оболочка сожжена. Аппарат достаточной мощи, чтобы это сделать, мог бы поместиться на моторной платформе (автомобиле) или на аэроплане.

„В течение ближайших недель будет иметься возможность широко поставить опыты в отношении этого изобретения. Одним из предметов исполнения будет вопрос: может ли снаряд, выпущенный из орудия, быть взорван во время полета. Большое преимущество изобретения состоит в том, что зона его влияния представляется целой площадью, где энергия, передаваемая через посредство луча, очистит каждый квадратный дюйм от всего движущегося и живого".

„Силой действия этого аппарата можно управлять. Человек может быть убит мгновенно или лишен возможности действовать на несколько часов или даже дней (1—2 дня). Луч может быть наведен на каждый квадратный дюйм или на целую площадь в несколько миль шириной".

9. Характер будущей войны.

Трудно себе представить, какие формы примет война будущего при всех новоизобретенных орудиях техники; все же возможность перенесения центра тяжести ее с земли на воздух не исключается; одно лишь неоспоримо, что „весь мир говорит сегодня о вооруженной нации и борьбе народов, о появившемся новом элементе войны—воздушно-химических средствах борьбы.

„Нет надобности считать это средство универсальным, способным заменить сухопутные армии и заставить отказаться от прежних способов войны, ибо, раз это освящено уже боевой практикой, оно не является внезапностью, а есть достояние всех, и эти средства лишь расширяют и видоизменяют приемы борьбы" (журн. „Война и Мир").

Надо думать, что борьба вероятнее всего начнется в воздухе; каких-либо особых предупреждений, в роде об'явления войны, срока подготовки для мобилизации армии и страны, или вовсе не будет, или они последуют почти одновременно с практическим началом военных действий. Американские журналисты так рисуют себе начало будущей войны Северо-Американских Соединенных Штатов с Японией: „Два европейца забрались на архипелаг Гавайи, в тропики, где посреди бесконечного океанского простора, убаюкиваемые шумом тихоокеанской волны и истомой тропической природы, отдыхали.

„И вдруг... на далеком западном горизонте взор улавливает темное облако, быстро приближающееся к ним от берегов Азии. Прежде чем отдать себе ясный отчет, в чем дело, они чувствуют явственно лет густой эскадрильи аэропланов, которая несется высоко по небу, и спустя несколько мгновений их остров окутывается громовым грохотом и высокими фонтанами жесточайшей воздушной бомбардировки... Ужас и смятение вокруг: налет японской флотилии гидропланов на американскую морскую базу на островах Гавайи. Началась новая война за гегемонию на Тихом океане“ (журн. „Война и Мир“).

Внезапность нападения и возможность быстрого достижения больших успехов—веский соблазн для начала военных действий путем воздушных выступлений.

„Армия только дерется, войну же ведет все государство“, и современная армия—это не каста, не частичка профессионалов, а весь народ.

Мы видим, как широко и быстро развивается авиация запада, мы знаем о циничном заявлении американцев— „пусть знает весь мир, что мы будем употреблять газы против всех войск, начавших с нами войну, и мы будем пользоваться ими до самых крайних пределов нашего искусства“; мы знаем, что Эджевудский арсенал готовит новые газы, сжигающие и немедленно умерщвляющие всякое существо: ни специальная одежда, ни маска не спасают от них.

Казалось бы, что нет выхода для нас, бедных техникой...

Прежде всего, поскольку капиталисты никогда не сдадутся без жестокого боя и не преминут воспользоваться случаем раздавить ненавистную Социалистическую Советскую Республику, единую в мире,—политико-экономическое-военное состояние наше должно всегда и всюду находиться под лозунгом—„Будь готов“.

Война может вспыхнуть внезапно; подготовка в процессе войны заранее предрешает неуспех. Так воевали раньше.

Теперь проблема вооруженного народа решена; милиционная система есть средство претворения в жизнь принципа: „каждый гражданин—воин, каждый воин—гражданин“. Если раньше переход от мирного состояния на военное был только мобилизацией армии и флота, теперь он есть мобилизация всей страны.

„Кузнецы победы“ — наши военно-учебные заведения— с винтовкой и книжкой в руках готовят преданных бойцов-командиров с нужными знаниями, порывом, твердостью и вдохновением, и, в нужный момент, десятки тысяч командиров, под твердым руководством наших „красных маршалов“, направят миллионы бойцов-революционеров.

Останется тыл с своей армией труда для ответственнейшей задачи снабжения ушедших на фронт—техническими средствами а, населения—нужными вещами, чтобы обеспечить продовольствие войск и населения и дать возможность экономической жизни не заглохнуть во время войны. В наше время хорошие лаборатории важны не менее доблестных дивизий и столь же необходимы для войны.

Фабрики, заводы, арсеналы, лаборатории, мастерские, мельницы—безболезненно, механически переходят на работу военного времени...

Нагрузка для страны полная, всем есть место, всем найдется работа. Образец заблаговременной, учтенной до мелочей, разработки мобилизации промышленности наглядно показала Германия, у которой с первого же дня об'явления войны заводы заработали на оборону, вопрос о сырье был разделен — для страны и для армии, необходимая выработка суррогатов была на-лицо, Хотя надо заметить, что выработанный перед империалистической войной продовольственный план в Германии и фактические запасы на один год войны все же надолго не обеспечили ее и к концу 1914 г. стали ощущаться значительные затруднения; отсюда ясно, что и сельско-хозяйственная мобилизация, как мобилизация необходимых жизненных продуктов, должна быть строго продумана, рассчитана и даже проверена.

Для нас, страны хлебной, пережившей еще так недавно и голод и холод, сохранившей кадр хороших продработников, имеющих опыт, вопрос ныне, конечно, во многом облегчается. Наша экономность последних лет, отказ от многого насущно-необходимого научили и приспособили нас к будущим возможным лишениям. Обилие хлеба в стране еще более облегчает это положение.

Наконец, наша Республика кровью лучших сынов завоевала право свободы. В минуты величайшего напряжения страны, успехов или неудач, настроение тыла так или иначе должно реагировать на действия фронта. С начала войны органы Политпросвета должны немедленно ознакомить массы с целью войны, обстановкой на фронте и далее, путем широко развитой и широко поставленной пропаганды, всячески поддерживать настроение, памятуя, что упадок духа в современной армии всегда начинается с тыла.

Красная армия—армия рабочих и крестьян, армия трудящихся, восставших против гнета капитала.

В минуты тягчайших страданий, полуголодная, оборванная, без сапог, ружей и патронов, дерзко бросила вызов всему капиталистическому миру; в этой борьбе „пролетариату

нечего было терять, кроме цепей". Шаг за шагом продвигаясь вперед, удар за ударом наносила она своим врагам—и победа далась.

„Классовая воля рабочих и революционное сознание правоты своего дела победило и технику" (Краев).

Бешеное вооружение Антанты, машинизация ее армий являются не упадком веры в моральный элемент, а стремлением заменить машиной человека из опасения, что этот человек—тот же рабочий и крестьянин, интересы которого чужды интересам властей. Однако, даже и в этом ограничении, не машина решает бой, а человек, руководящий этой машиной; если пытаются химией, авиацией, страшными пушками, танками задушить нарождающуюся революцию, то техника может ведь обратиться и против тех, кто мечтает остановить ход истории.

Наш союзник—пробуждающийся пролетариат всего Запада, а в его руках техника станет страшной силой, будучи направлена против своей буржуазии, против капитала.

Пролетарий всего мира, прислушайся к голосу Коминтерна: «В то время, как производительные силы Европы резко задержаны в своем развитии, военная техника неутомимо продолжает свою работу. Создаются орудия небывалой дальнобойности. Пулеметы и автоматы повышают силу огня пехоты во много раз. Ядовитые газы отодвигают динамит на второй план. Авиация, в сочетании с химией, чудовищно расширяет район истребительного действия войны. Различие между армией и мирным населением стирается. Береговые укрепления и островное положение уже больше не ограждают. Мощные человеческие скопления, как Париж, как Лондон, открыты поражению сверху. Ужасы последней войны кажутся бледными зарницами перед молниями грядущей грозы... Рабочие и крестьяне, —в ряды Коминтерна против капитала за диктатуру пролетариата!"

Крузе.

ГЛАВА VII.

Итоги и перспективы к десятилетию империалистической войны 1914-18 г.

„...Война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной политике или вообще торговой политике и т. д.".

Ленин.

1. Первопричина мировой войны 1914-18 г.г.

Подведем краткие итоги всему сказанному, оценим существующее положение и наметим перспективы.

В довоенный период, в годы перед империалистической войной 1914—1918 г.г., мировое капиталистическое хозяйство до максимальных размеров развило свои производительные силы; это колоссальное развитие производительных сил в главнейших странах „не уместилось на узком базисе" „отечественной почвы и почвы колоний", в результате чего в мировом масштабе замечался кризис капитализма.

Перед капитализмом в 1914 году стояла альтернатива: либо грандиозный кризис, либо война; капитализм пошел по второму пути—он избрал войну, как средство выхода из начавшегося в 1914 году мирового кризиса.

„И война была попыткой каждой стороны для себя найти спасение от участия в таком кризисе: расширить свои рынки сбыта, источники дешевого сырья, пункты приложения вывозимого капитала — за счет вытеснения противника" [1].

---

[1] Осинский. „Мировое хозяйство в оценке наших капиталистов».

Таким образом, нельзя себе представлять, что империалистическая война сводилась только к борьбе между Германией и Англией за мировую гегемонию; нет, одновременно с этим действовали другие факторы:

а) соперничество Германии (и Австрии) с Россией (царской) из-за гегемонии в Оттоманской империи и на Балканах;

б) соперничество Германии с Францией из-за железных рудников на европейских границах обеих империй, а также из-за африканских колоний и т. д.

Такова была действительная первопричина мировой войны.

Совершенно понятно, что эта действительность затушевывалась умелым образом буржуазией, пользовавшейся для целей обмана своим аппаратом государственной власти во всех его частях, со всем штатным и приватным составом своего „служилого люда“.

Тысячи газет и журналов внедряли в сознание широких рабоче-крестьянских масс мысль, что война направлена против германского милитаризма, несшего будто бы гибель культуре, „великим принципам гуманности“ и пр. тонким изделиям с кухни гнилого буржуазного производства (примерно такое же об‘яснение войны давала и германская буржуазия).

Надо было поднять на войну массы, ибо без этого, как правильно отмечал не так давно тов. Троцкий, вести войну и вести с успехом невозможно; поэтому, вольные и наемные слуги капиталистического режима пророчествовали, что—

во-первых—„эта война есть последняя война“: после нее действительно „воцарится мир в человецех“;

во-вторых — после войны каждый трудящийся получит исключительно улучшенные условия своей жизни и труда.

Эти лживые предсказания и заверения во всей наготе предстали в дни заключения так называемого „Версальского мира“.

Версаль должен был подвести итог мировой бойне, „общая стоимость которой была в 10 раз больше, нежели стоимость всех войн от 1793 г. до 1905 года“ [1].

[1] Шульце.

2. Версальский мир, как препятствие к возрождению мирового хозяйства.

Версальский же мир явился на самом деле препятствием к послевоенному возрождению мирового хозяйства:

Профессор Кулишер (не-марксист) пишет:

> „Являясь чужеродным элементом в хозяйственном организме, Версальский мир давит на него и не дает ему правильно развиваться. Он же, пожалуй в неменьшей мере, чем война, отодвигает Европу на второй план и облегчает ускоренный рост других частей света“ [1].

V-й Конгресс Коммунистического Интернационала в своем манифесте к 10-тилетию империалистической войны резко-отчетливо дал оценку версальской петле:

„Бесчестная война, руковоодимая буржуазией при бесчестной поддержке социал-демократов, могла привести только к «бесчестному миру“.

После „безумного версальского исхода“—прошло несколько лет; как-никак, капитализм удержался.

После периода отступления по всей линии перед наступающим рабочим классом, периода, продолжавшегося два года (по окончании войны), он—капитализм—перешел в наступление, успехи которого отрицать нельзя, хотя, забегая вперед, отметим, что и в период наступления капитала основные внутренние противоречия его остались, даже больше—они обострились.

Какова в настоящее время, к сегодняшнему дню основная тенденция (направление) развития капитализма—идет ли она (оно) по линии восходящей или нисходящей, словом имеется ли на-лицо кризис капитализма?

3. Общие итоги послевоенных годов—признаки упадка капитализма.

Подведем сначала некоторые общие итоги послевоенных годов, как их выясняет тов. Варга:

1) распадение мирового хозяйства на несколько частей, не могущих установить связь между собой;

2) сокращение производства за редкими исключениями (например нефть), либо прирост гораздо более низкий, чем это соответствует норме;

---

[1] Проф, И. М. Кулишер. „Обзор мирового хозяйства“.

3) накопление богатства сменяется прогрессивным обнищанием (главным образом, Европа);

4) падение уровня жизни рабочих;

5) развал золотой валюты;

6) распад внутреннего кредита центральной и восточной Европы (и международного кредита);

7) частичный возврат к докапиталистическим формам хозяйства (центральная и восточная Европа), так называемый переход крестьян к „самоедскому“ хозяйству, замена денег хлебом, тяга капитала в область непроизводительной торговой деятельности;

8) территориальное с‘ужение границ господства капитализма (появление Советских Республик).

Ко всему этому—постепенное изживание в массах веры в силу, устойчивость, непоколебимость капитализма [1].

Все перечисленные итоги с ясностью подтверждают, что на-лицо ничто иное, как *признаки* упадка капитализма.

Но этим еще вопрос не решается окончательно. V-ый Конгресс Коминтерна должен был дать и дал совершенно определенный ответ по существу другого вопроса—имеем ли мы временный, „нормальный“, очередной кризис, или же капитализм переживает *кризисную эпоху*.

4. Не временный кризис, а период кризиса.

Если сравнивать цифры 1922—23 годов и 1920—1921 годов, улучшение бросается в глаза, но брать указанные сравнительные цифры, как отправные точки, нельзя. Почему?

Определение *периода кризиса*, как дал его т. *Варга*, отвечает на наш вопрос; определение таково:

> „Периодом кризиса мы называем тот период в истории капитализма, когда противоречия капиталистического общества обостряются до того, что нарушается единство мирового капиталистического хозяйства, что производство перестает расти, или же размер его понижается, что вследствие этого буржуазия не в состоянии повышать жизненный уровень пролетариата, и, благодаря этому, *создаются об‘ективные условия для победоносной борьбы пролетариата за власть*“.

Период кризиса имеет разные этапы, „внутри его продолжаются фазисы, характеризующие обычный ход капиталистического хозяйства, а именно смена высокой и низ-

---

[1] Е. Варга—„Закат капитализма“.

кой кон'юнктуры", т.-е. относительное улучшение или ухудшение мировой экономики.

Следовательно, исходя из приведенного выше определения, нельзя сравнивать годы 1920—21 и 1922—23, как годы разных фазисов (в 1920—21 году мы имели наибольшее понижение кривой мирового хозяйственного развития, в 1922—23 некоторое повышение ее).

Для нас основным фактом, подтверждающим, что капитализм переживает кризисную эпоху, является то, что в 1923 году мировое производство не достигло уровня 1913 года (1923-й год является лучшим послевоенным годом, 1913-й тоже годом высокой кон'юнктуры, и эти годы сравнивать можно и нужно).

Дадим некоторые цифры:

1. Сельское хозяйство—а) мировая площадь под пшеницей на 17 процентов меньше довоенной; б) под рожью на 8 процентов меньше; вся обрабатываемая площадь в мировом масштабе все еще значительно ниже сейчас уровня 1913 года.

2. Тяжелая индустрия: а) производство железа и стали отстает от довоенного; б) добыча угля едва достигает довоенного уровня.

Итак „капиталистическое общество переживает в настоящее время период кризиса".

5. Характерные черты кризисной эпохи.

Отметим наиболее характерные черты современной эпохи капиталистического кризиса; они сводятся в общем к следующему:

1. Ползучий характер кризиса, проявляющийся в том, что в настоящее время экономически-устойчивой нельзя считать ни одну страну. Государства, вышедшие из войны 1914—18 годов победителями, уже подвергаются разрушительным действиям общего для всего мира кризиса; хозяйственное положение Северо-Американских Соединенных Штатов, где сейчас больше половины мирового запаса золота, в 1924 году достаточно заметно пошатнулось; кризис „переполз" и сюда.

2. Резкое проявление различия между накоплением капитала и богатством в стране.

Тов. Бухарин говорит:

> „Сейчас происходит накопление капитала и на-ряду с ним уменьшение богатства страны; накопление капитала происходит за счет экспроприации имеющихся богатств. Небольшая группа капиталистов, экспропри-

рующая остальных при помощи целого ряда методов, накопляет капитал; вся нация в это время беднеет".

Богатством же мы называем накопленные продукты в их натуральной форме.

Признаком, характеризующим накопление богатства, может служить строительное производство; цифры, относящиеся к нему, с наглядностью показывают, что до самого последнего времени в Соединенных Штатах шло накопление богатства, острейший же жилищный кризис в странах Европы свидетельствует об обратном—отсутствии накопления богатства.

3. Частичное улучшение хозяйственного положения в отдельных странах происходит за счет ухудшения в других странах.

Выяснив, что „мнение о преодолении кризиса неверно", что вся послевоенная эпоха — есть эпоха кризиса капитализма, выяснив в самых общих чертах характерные признаки кризиса, необходимо остановиться на причинах—главных действующих силах этого кризисного периода.

6. Главные действующие силы кризисного периода.

1. Неодинаковое развитие производительных сил во время войны в странах воюющих и в тех, которые извлекали пользу из войны; мировое хозяйство распалось на две части: одна—район относительного перепроизводства (Америка и, главным образом, английские колонии, „где капитализм все еще развивается") и другая—район абсолютного недопроизводства (Германия, Польша, Россия, восточная Европа—„старый центр мирового хозяйства—Европа, капитализм которой переживает в настоящее время особый кризис);

2. Несоответствие промышленного производства и сельско-хозяйственной продукции и, в результате, нарушение правильного обмена между городом и деревней как в международном масштабе, так и внутри отдельных стран (имеется в виду американская деревня в отношении к европейскому городу — в сумме, и европейская деревня—центральная и восточная часть Европы—в отношении к своему городу);

3. Нарушение мирового разделения труда индустриализацией (развитием промышленности) аграрных стран—двоякое действие: а) создав свою про-

мышленность, эти страны затрудняют сбыт продуктов метрополии; б) метрополия, восстановив вывоз, теснит вновь возникшее производство.

7. Современное экономическое положение.

Наконец, мы перейдем к характеристике современного экономического положения, как оно сложилось к июню мес. с. г., к моменту работ V-го Конгресса Коммунистического Интернационала.

Выше мы приводили цифры состояния сельского хозяйства и тяжелой индустрии на лучший послевоенный год.

Сейчас дадим цифры финансового состояния и безработицы.

Безработица. Необходимо сделать два предварительных замечания:

а) „безработица“ в настоящее время явление в капиталистическом мире постоянное,

б) значительное число рабочих работают неполную неделю (или неполный рабочий день).

Число безработных в последние годы, в общем и целом, „без перемен“ держится на цифре 4—5 миллионов человек (6 крупных промышленных стран—Северо-Американские Соединенные Штаты, Англия, Германия, Италия, Чехо-Словакия, Польша). „Теперешние цифры безработных примерно совпадают с теми цифрами, которые мы имели к 1-му января 1924 года“—говорил тов. Бухарин в своем докладе на XIII-м партс'езде в отчете представительства РКП (б) в Исполкоме Коминтерна.

К этому надо прибавить, что указанное общее число безработных лишь приблизительно (значительно уменьшенное), ибо составлять сводку приходится по официально-буржуазным источникам, заведомо уменьшающим действительную цифру безработных.

Финансовое состояние—в целом ряде стран наступило обесценение валют (Франция, Испания, Скандин. страны, Швейцария).

„В высшей степени характерно, что в Европе нет ни одной страны, валюта которой сохраняла бы свой довоенный паритет“ [1].

Возьмем сравнительные цифры:

— В 1922-ом году все валюты мира сохраняли в общей сложности 63 процента своего довоенного паритета;

В настоящее время лишь 57 процентов.

---

[1] Варга.

Заключение тов. Варги по вопросу валютного рынка сейчас таково:

> „В общем, в мировом масштабе валютный кризис продолжает существовать и скорее усилился за последние два года, чем ослабел".

Следует отметить еще одно характерное явление — „Прекращение передвижения капиталов из одной страны в другую".

Второе и третье явление—совершенно справедливо определяется тов. Варга, как признаки распада единого мирового хозяйства.

Следующее „новое" в мировом хозяйстве—это кризис во Франции, Англии, Бельгии, Швейцарии, в старых промышленных странах.

В основе этого кризиса лежит развитие промышленности в „старых" аграрных странах и, главным образом, в Индии и Китае (добавим—в остальных колониях). Темп развития промышленности в послевоенные годы в этих странах исключительный:

> „Нет сейчас ни одного государства в мире, которое бы не стремилось развить собственную промышленность" [1].

Указанной индустриализацией аграрных (до войны) стран нарушено равновесие между промышленными и аграрными странами, первые из которых, ранее получая сырье из вторых, направляли туда фабрикаты промышленности. Подорвана основа.

Правда, за 1923 год в странах Европы мы имеем некоторый хозяйственный под'ем—„весьма незначительное, но ясно обозначившееся улучшение экономического положения в Центральной Европе и в Европе вообще" (Бухарин), что видно, например, из некоторого сокращения числа безработных в этих странах, развития средств морского транспорта и пр.

Но как раз к моменту V-го Конгресса Коминтерна мы имеем возможность фиксировать вновь экономическую „застопорку", что отмечал в своем заключительном слове на V-м Конгрессе Коминтерна тов. Варга:

> „Улучшение экономического положения в Германии уже достигло своего предела. Каждый день приносит вести о затруднениях германской промышленности. В польской Верхней Силезии начался острый кризис. В Румынии сильно ухудшилось экономическое поло-

[1] Варга.

жение. И, что самое интересное, в Англии число безработных снова увеличилось, после того как в течение полутора лет оно постепенно беспрерывно снижалось".

Некоторое экономическое улучшение происходило за счет обнищания широких масс, о чем речь будет дальше.

Третьим „новым" экономическим явлением мирового хозяйства является „окончание высокой кон'юнктуры в Северо-Американских Соединенных Штатах", т.-е. ухудшение экономического положения.

Вот факты:

а) В конце марта действовало 270 доменных печей,
„ апреля „ 230 „ „
„ мая „ 184 „ „

Т.-е. в течение двух месяцев мы имеем уменьшение продукции на $1/3$.

б) Продукция грандизного Американского Стального Треста в апреле с. г. была на шесть-семь процентов ниже мартовской.

„Все буржуазные отчеты подтверждают, что в Америке мы имеем такое падение продукции, какого не было начиная с 17 года" (Варга).

Назревающий кризис в Америке имеет свои особенные черты—он не виден, так сказать, невооруженному взгляду: в Америке кризис промышленности не сопровождается в настоящее время банкротством капиталистических фирм; цены искусственно остаются на уровне „высоких цен", но эта отличительная черта подчеркивает ранее высказанное утверждение:

„Кризис преодолевается за счет пролетариата, за счет сокращения продукции, за счет лишения работы миллионов пролетариев".

Наконец, четвертое и последнее „новое", это—аграрный кризис, международные ножницы.

Причины его, в основном, двоякие:

1. Разной степени „выгодность" условий рынка для продуктов промышленности и сельского хозяйства.

Концентрация промышленности—развитие трестирования ее—позволяет капиталистам быть монополистами на рынке, продавать промышленные товары по монопольным ценам (нет конкуренции, цены архивысокие, и потребитель принужден покупать товар); капиталисты—хозяева рынка.

Разрозненные же сельско-хозяйственные производители вынуждены продавать свой товар по ценам, диктуемым рынком.

В результате, если взять, например, отношение ржи к машине, как 100 к 100 в 1913 году, то в феврале 1924 г. это соотношение будет 61 и 100 (в Германии).

2. Действие промышленного кризиса, вызывающего увеличение безработицы и сокращение заработной платы, ведет к понижению потребления сельско-хозяйственных продуктов за счет ухудшения питания рабочих в первую голову.

Так, в Германии:

а) потребление хлеба—до войны—240 килограммов; сейчас—150;

б) потребление мяса—до войны—48 килогр.; сейчас—25.

В заключение здесь укажем, что мировой аграрный кризис, понижая покупательную способность аграрных стран, тем самым подрывает экономическое благополучие и стран промышленных, сокращая их вывоз: так, вывоз Англии в настоящее время на 12 процентов меньше довоенного вывоза.

В итоге — на основе анализа фактов, — V-й Конгресс Коминтерна сказал: „Перспективы к оздоровлению капитализма не существует“ во всяком случае.

Разобрав хозяйственные итоги последних лет, мировое экономическое положение к сегодняшнему дню, нам нетрудно сделать вчерне выводы о ближайших перспективах.

8. Ближайшие перспективы.

1. Пропасть между двумя полюсами будет углубляться еще более: на одном—маленькие группы империалистов с все увеличивающимся капиталом, на другом—обнищавшие, количественно все увеличивающиеся массы рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии (см. выше различие между накоплением капитала и богатств).

2. Сплетение интересов крупных капиталистов в мировом масштабе.

> „Германия, вся Восточная Европа, через посредство французских и германских капиталистов, все более и более становятся данниками американского и английского капитала“.

Манифест V-го Конгресса Коминтерна к 10-ти-летию империалистской войны ярко выражает эту перспективу следующими прекрасными словами:

„Организатором заговора является финансовый капитал с генеральным штабом в Нью-Иорке и отделением в Лондоне“.

3. Обострение конкурентной экономической борьбы на мировом рынке между Америкой и Европой.—ибо производство Америки, переросшее потребности внутреннего рынка (например, миллион непроданных автомобилей на складах), с неизбежностью „выпрет“ „в порядке внешней торговли“ на мировую арену; в первую голову столкновение произойдет с Англией.

4. В отдельности по странам:

Северо-Американские Соединенные Штаты.—

Воспрещение туда иммиграции (в‘езда иностранцев) ясно показывает, что на дальнейшее развитие хозяйства Штатов надеяться не приходится.

Франция.—

Решение репарационного вопроса, как оно нашло себе выражение в комиссии экспертов последней, свидетельствует о том, что

„Франция оказалась экономически слишком слабой для овладения Европой“

(а политика Франции последних лет была именно направлена в сторону завоевания гегемонии в Европе).

План экспертов—это есть компромисс, на который пошла Франция, принужденная из-за катастрофического падения французского франка в начале текущего года, обратиться за помощью к Северо-Американским Соединенным Штатам и Англии.

Германия.—

Причины нового ухудшения хозяйственного положения ее троякие:

а) кредитный голод;

б) неспособность германской промышленности к конкуренции на мировом рынке;

в) сужение рынка (внутреннего) сбыта для германской промышленности (в силу понижения жизненного уровня германского пролетариата—„лучшего потребителя“).

„Тяжелое положение рабочих, аграрный кризис, тяжелое налоговое бремя вызовут новый хозяйственный кризис“ (Варга).

Что же несет Германии план экспертов?

„Урегулирование репарационного вопроса на этих основах знаменует собою превращение Германии в колониальную страну особого типа для буржуазии Антанты“—

так определял тов. Варга на V-м Конгрессе Коминтерна.

Капитализм изжил себя. Высох его корень:

Манифест Коминтерна говорит:

„Нам повторяют, будто возрождение европейского хозяйства мыслимо только путем свободной игры капиталистических сил, желая этим осудить идею социалистической организации хозяйства. А на деле основной вопрос европейского хозяйства разрешается при помощи непрерывного военного насилия над Германией, которая еще недавно была руководящей капиталистической страной Европы“.

Нам остается остановиться еще на некоторых политических итогах и перспективах.

9. Оригинальность кон'юнктуры.

Разбирая мировое экономическое положение, мы не остановились на одном явлении, одной отличительной черте современной эпохи, это на том, что тов. Бухарин называет „оригинальностью кон'юнктуры“.

Существо ее сводится к следующему:

Выше мы видели, что в области экономической, производственной, капитализм кое-где в Европе имел некоторый под'ем, к этому здесь следует добавить, что—

„целый ряд затруднений для этих стран остался не разрешенным“.

Остановимся на Англии и Франции.

Англия.

1. Единство Британской империи распадается: центробежные силы приводят к обособлению колоний и доминьонов. Приведем подтверждающие факты из доклада тов. Бухарина на партс'езде:

а) на приглашение Ллойд-Джорджа быть готовыми к войне, некоторые из английских доминьонов отказались от того, чтобы следовать примеру Ллойд-Джорджа;

б) Канада, один из крупнейших и самых мощных доминьонов Британской империи, заключив особый договор, вошла в политическое соглашение с Америкой;

в) на недавно закончившейся общебританской конференции, с представительством всех колоний и доминьонов, не удалось достигнуть соглашения по целому ряду важных вопросов, как вопросы таможенной политики, тарифов и пр.; „не удалось выработать никакой общей платформы положительного свойства“ (Бухарин);

г) развитие национально-революционного движения в Индии ведет все к большему обособлению ее; на-лицо желание вести самостоятельную политику в Индии.

2. Обострение отношений с Францией: в недавней переписке Макдональда—Пуанкаре первый открыто упрекает Францию в желании нарушить единство Антанты.

3. Обострение социально-классовой борьбы внутри самой Англии: заметное усиление влияния коммунистической партии в рабочих массах.

Франция —

а) обострение внешних отношений с Англией;
б) разорение средних слоев;
в) рост дороговизны на 30 процентов;
г) катастрофическое падение франка.

10. Разрывное действие неразрешенных национальных вопросов.

Ко всем этим политическим затруднениям надо присоединить еще „разрывное действие неразрешенных национальных вопросов“, прямое следствие империалистической войны и Версальского мира, после которых, как говорит манифест Коминтерна,

> „малые государства, существовавшие еще до войны, утратили последние остатки своей самостоятельности, а новые государства, созданные войной, родились с ядром зависимости на ногах“.

А тов. Павлович в одной из своих статей пишет:

> „Не останутся безучастными угнетенные национальности в Югославии, Польше, Румынии, Чехо-Словакии, и пожар национальных волнений, восстаний и войн может охватить Галицию, Бессарабию, Семиградию, Прикарпатскую Русь, Македонию и т. д.“.

11. Ремонт капитализма за счет трудящихся масс.

Выше мы писали, что „капитализм ремонтировался за счет обнищания широких масс“; здесь следует добавить, что это обстоятельство:

1. Революционизирующе действует на более отсталые слои рабочего класса; даже 24-й год по сравнению с 23-м годом принес ухудшение (например, Германия—увеличение рабочего дня: в Берлине в 23 году 48 час. в неделю, в 24 году—54 часа; во Франции—понижение реальной заработной платы: слесарь парижского округа увеличил заработную плату на 10 процентов, в то время как продукты

питания и др. предметы, входящие в общий бюджет рабочего, повысились до 50 процентов).

2. Высвобождаются из-под влияния крупной буржуазии широкие слои крестьянства и мелкой городской буржуазии.

Прекрасную сжатую характеристику международного политического положения дает тов. Павлович в своей статье.

Вот эта характеристика:

„Ныне пришли в острое столкновение не только империалистические планы Японии и Америки, но также Англии и Франции, Франции и Италии, Франции и Испании, Югославии и Болгарии, Югославии и Чехословакии, Румынии и Венгрии, Польши и Литвы и т. д., и вот почему достаточно „пустяковинного разногласия“, малейшей искры, чтобы горючий материал, накопленный в различных угловых пунктах международной политики—в Танжере, Сингапуре, Руре, Банате, Филиппинах, Балеарских островах и так далее—вспыхнул и пожар войны охватил весь мир“.

12. Вывод.

И вывод тов. Павловича совершенно правилен— „ныне для мировой войны больше причин, чем было накануне 1914-го—18 годов“.

В окончательном итоге мы скажем словами манифеста V-го Конгресса: „ширится база милитаризма, ширится и база революции“.

Надо помнить, что если мы в международном масштабе и переживаем так называемую демократически-пацифистскую эру, то вряд-ли она продлится долго.

Тов. Зиновьев на V-м Конгрессе отмечал:

„Чем больше будут пытаться затушевать разногласия между империалистской буржуазией различных стран, тем скорее развалится вся эта работа штопальщиков“.

„Эта эра, где подлую роль ширмы играет социал-демократия, предвещает новую грядущую эру „осадного положения и бешенства буржуазной контр-революции“.

Ибо в распоряжении международной буржуазии две подсобные силы, два средства: социал-демократия—„третья буржуазная партия“ и фашизм; буржуазия сменяет эти силы, она пользуется ими в зависимости от конкретных условий времени и места, но так или иначе, а,—как гласит Манифест Коминтерна—

„консерваторы, фашисты, радикалы и меньшевики приходят и уходят, а милитаризм остается. Он восстановляет и умножает свои запасы, он совершенствует свои орудия, он строит новые планы, он пережидает, пока в памяти народов сгладятся наиболее жгучие воспоминания о последней войне, пока социалдемократии не удастся примирить заново рабочие массы с мыслью о незыблемости буржуазного государства. Тогда он снова сможет выйти на дорогу мировых разбоев".

„Тогда пробьет час новой империалистской войны".

13. Два фактора новой войны, как непосредственные возбудители ее.

Два основных фактора будут играть роль непосредственных „возбудителей" нового мирового побоища во славу кровавого Молоха империализма; это:

1) англо-французский конфликт;

2) американско-японское соперничество.

Первый, как результат борьбы за гегемонию—в Европе прежде всего; второе, как результат борьбы за господство на Тихом океане; и в том и в другом случае разрешение конфликта выльется в мировую империалистскую войну.

При первом—

„За мобилизацией английских и французских военных сил немедленно последует мобилизация военных сил Бельгии, Польши, Румынии, Чехо-Словакии, Югославии, Италии, Испании, Португалии, Болгарии, Турции, Австрии и Венгрии" [1].

Надо помнить, что Франция заключает военный союз с Чехо-Словакией, Югославией, Польшей, Румынией; Англия-же прилагает силы к сближению с Италией и Испанией.

Во втором случае—

„Война глубоко всколыхнет угнетенные Японией массы населения в Корее, на Формозе, на Сахалине; не пройдет бесследно для американских Филиппин, французского Индо-Китая, английской Индии и т. д.",

---

[1] Павлович. „Будущая война".

Словом, вызовет глубокие национальные потрясения в форме волнений, восстаний, может быть—грандиозных национальных революций.

Вот почему мы говорим, что политические перспективы сводятся „к перспективам новой войны“.

14. Завет Ильича.

Ильич, в гениальном предвидении новой мировой войны, завещал и способ борьбы с ней.

Он писал, давая ответ на вопрос, в чем-же заключается действительно реальный способ борьбы против войны:

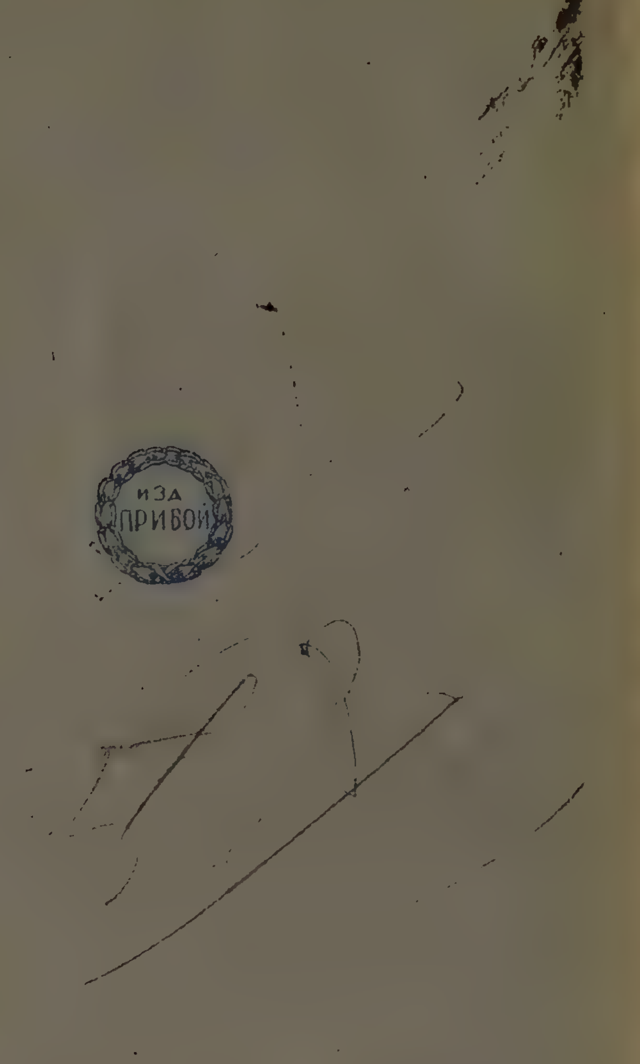
> „В сохранении и образовании нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров“.

Будем же отмечать день десятилетия империалистической войны, памятуя завет Ленина, под лозунгами международной организации рабочих революционеров—Коммунистического Интернационала: *против войны, против буржуазии, против социал-предательства, за всемирную революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм!*

В. Авдулов.

Оглавление.

Цена 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77.

Москва: Московское отделен. издательства „ПРИБОЙ", Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09.

